

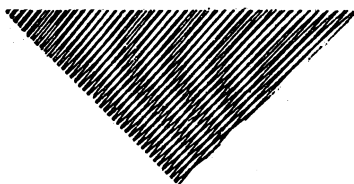
ЛЕН ДЖОВАНИТТИ

КАВАЛЕР ОРДЕНА ПОЧЕТА

ЛЕН ДЖОВАНИТТИ

КАВАЛЕР ОРДЕНА ПОЧЕТА

РОМАН

Перевод с английского
П. Н. ВИДУЭЦКОГО

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1981

ББК 84.7 США
Д42

THE MAN WHO WON
THE MEDAL
OF HONOR

LEN GIOVANNITTI

Random House
New York — 1973

Д 70304-036 166.81.4703000000,
068(02)-81

© Перевод на русский язык, Воениздат 1981

Артуро Джованитти,
поэту, который написал:

*Все, что вы любите и читаете,
Я вышвырну, как мусор; вот
И с омерзеньем отвергаю
Ваш символ веры, ваш закон.*

И его внуку Дэвиду, 19 лет,
И всем, кто верует

1

Мои адвокаты — их двое — готовятся к защите, основываясь на моей невменяемости в момент совершения действия, за которое я теперь ожидаю суда. Я упорно отказываюсь с ними согласиться. Они с жаром доказывают, что только на этом основании можно надеяться спасти мою жизнь. С еще большим жаром я настаиваю, что такая аргументация — это отказ от принципов, которыми я руководствовался в жизни. А изменить своим принципам не могу. Конечно, мои адвокаты знают гораздо меньше о моих принципах и обо мне, чем я сам. Но я не могу рассказать им больше, потому что не верю, что они меня поймут. А если бы даже и поняли, это не помогло бы им исполнить свою обязанность. Наоборот, думаю, это помешало бы их стараниям защитить меня. Поэтому мы никак не поладим.

Когда мне впервые пришла в голову мысль записать самое главное из моих испытаний для вас, мои сотоварищи (адвокаты сюда не относятся, потому что я инте-

ресеп им сугубо с практической точки зрения), я попросил у тюремщика словарь: я хотел посмотреть определения двух слов, имеющих для меня большое значение. Он принес единственный имеющийся в тюрьме словарь — «Новый всемирный словарь Уэбстера». Вот что я там вычитал:

«Невменяемость: особенно в праве, любая форма или степень психического заболевания или расстройства, постоянного или временного, лишающего человека способности к нормальному, разумному поведению или суждению с правовой точки зрения».

«Нормальный: обладающий способностью логично рассуждать, делать разумные выводы; часто означает отсутствие эмоциональности».

Я считаю себя нормальным, а следовательно, не невменяемым. Будьте моими судьями. Вот мой рассказ.

Начну с конца. Я награжден орденом Почета. Сообщение о том, что удостоен этой чести, я получил в один прекрасный июльский день. На мое имя пришла телеграмма, вложенная в конверт. Она была от министра обороны и начиналась так: «Как министр обороны, я рад сообщить Вам, что Вы награждены орденом Почета за беспримерный героизм в бою...» Далее следовало подробное описание моих действий, направленных на спасение жизни американцев во время несения патрульной службы во Вьетнаме, когда, рискуя жизнью, я уничтожил пулемет и четырех солдат противника. Телеграмма заканчивалась приглашением принять участие вместе с моей семьей в торжественной церемонии в Белом доме в 10.00 28 августа, где президент лично вручит мне награду.

Нелепость этого сообщения вызвала у меня взрыв смеха. Какой-то чин допустил ошибку, и она, разрастаясь, как снежный ком, прокатилась по командным инстанциям, вплоть до Белого дома. Это была курьезная ошибка, однако, держа телеграмму в руках, я чувствовал, что это закономерный итог моей годичной службы во Вьетнаме. Теперь, разумеется, я думаю иначе, потому что на карту поставлена моя жизнь.

А тогда я смеялся над этим сообщением, потому что за весь долгий год патрулирования и службы стрелком на боевом вертолете я не убил ни одного вражеского солдата или мирного вьетнамца. Напротив, я убил несколько

американских военнослужащих, а именно: рядового, трех капралов, лейтенанта, полковника и бригадного генерала. До сих пор никто не знает, что я повинен в их смерти. До сих пор я никому не мог об этом рассказать. Но теперь мне больше незачем молчать.

За долгие месяцы, проведенные в тюремной камере, у меня было достаточно времени, чтобы вспоминать тот год во Вьетнаме. Ничто не отвлекало меня и не мешало восстановить в памяти мельчайшие подробности обстоятельств и событий того военного года. Когда я отслужил и вернулся в Штаты, мне было трудно отделаться от переживаний, связанных с ними. Я сделал то, что должен был сделать, без малейшего колебания и никогда не раскаивался в содеянном. Мне тогда и в голову не приходило, что я сочту нужным вспомнить эти события и старательно их записать. Думаю, я мог бы прожить долгую жизнь и умереть, не тревожимый этими воспоминаниями. Никто никогда не узнал бы, что я совершил. Однако эта телеграмма все изменила.

2

А теперь начну сначала. Мне двадцать лет. Я осиротел в одиннадцать лет и все еще считаю себя сиротой, потому что до сих пор один во всем мире и сегодня более одинок, чем когда-либо.

В тот день я летел с родителями на отдых в Калифорнию, как вдруг самолет врезался в горный пик в Скалистых горах и взорвался. Меня выбросило воздушной волной, я упал в сугроб и остался невредим. Я давно забыл подробности катастрофы, но последующие события помню хорошо. Коротко расскажу о них.

Когда спасатели доставили меня в больницу в Денвер и я был признан здоровым, мне рассказали, что мои родители погибли. Потом спросили о других родственниках, и я ответил, что у меня родственников нет. Мне не поверили. Должны же быть какая-нибудь тетка, дядя, двоюродный брат? Я отвечал, что семьи моих родителей были уничтожены Гитлером во время войны. Выжили только мои родители. Они познакомились в концентрационном лагере, потом поженились и приехали в Америку.

ку, где я и родился. Я рассказал все, что мне рассказывал отец. Но должны же быть друзья в Нью-Йорке? Я подумал о двоих, но я их не любил и сказал, что никаких друзей нет. Пытались отыскать в Нью-Йорке кого-нибудь, кто взял бы меня на попечение, но никого не нашли.

На третий день меня выписали из больницы и поместили в приют для сирот в Денвере. Вначале я много плакал: тосковал по родителям. Потом привык к новой жизни. Приют оказался неплохой. Воспитатели были добры ко мне и в течение первого года несколько раз рекомендовали меня для усыновления, но из этого ничего не вышло. Вскоре все поняли, что никто не хочет усыновить одиннадцатилетнего мальчишку. Ну и хорошо. Мне не нужны были новые родители. Я хотел только одного: поскорее вырасти и стать самостоятельным. Я прожил в приюте семь лет, но никогда не считал его своим домом. Это было некое учреждение, и в день, когда мне исполнилось восемнадцать лет, я покинул его и вступил в другое учреждение — в армию Соединенных Штатов.

3

Я поступил на военную службу, потому что армия обещала мне немедленное избавление от приюта, новизну ощущений, трехразовое питание плюс жалованье. Я понимал еще до того, как мне исполнилось восемнадцать, что, несмотря на мое желание быть самостоятельным, пока к этому не готов. Мне нужен был какой-то переходный период от опеки, которой я пользовался в приюте, к борьбе за место во внешнем мире. Армия представляла единственную возможность такого перехода — ничего другого я не мог придумать. В восемнадцать лет приют выставил меня, а армия охотно приняла.

В то время я не задумывался над тем, что армия ведет войну во Вьетнаме. Это может показаться странным, поскольку мы воевали там уже много лет, но приют отгородил меня стеной от воюющего общества. Это был мир в себе, со своей обособленной жизнью. Я имел лишь смутное представление о расовых бунтах, о беспорядках в университетских городках и о Вьетнаме. Все это можно было видеть в телевизионных новостях, но я мало внимал в показываемое там и не задумывался об этих собы-

тиях. Газеты у нас тоже были, но, удивительно, до чего подростку не хочется их читать! Я, конечно, не пренебрегал телевидением и кино: они давали возможность отвлечься от рутины приютской жизни. Военные фильмы, которые я смотрел, изображали, как кавалерийские отряды убивают индейцев и как пехота, танки и бомбардировщики громят немцев. Это была романтическая армия, пропитанная духом товарищества и героизма. Армия, в которую я вступил весной 1968 года, оказалась совсем иной.

При прохождении начального курса боевой подготовки я не заметил проявлений какого-то особого товарищества и уж тем более героизма. Не было их ни тогда, ни после. Но был противник, и у него было имя, даже несколько имен. В зависимости от вкуса очередного инструктора строевой подготовки его называли «вьетконговец», или «чарли», или «джинк», или «гук», или «косоглазый». Противника следует бояться и уважать, потому что он хорошо знает свое дело и воюет на своей земле, а главное — потому, что он ставит на карту свою жизнь против нашей, «не считаясь с превосходством наших сил».

— И еще одно, — вбивал нам в голову каждый сержант, — чарли не такой человек, как вы. Я имею в виду — физически. Он низкорослый и тощий, но, будь то десятилетний мальчишка или семидесятилетний беззубый старик, достаточно ловок, чтобы всадить тебе нож в брюхо или спину. Это может быть девчонка, с которой ты мечтаешь позабавиться в обеденный перерыв. Это может быть и косоглазая старуха, которая стряпает в своей соломённой хижине. Да, да, вы думаете, вам морочат голову, но послушайте, что я расскажу, послушайте внимательно. Однажды такая вот старуха швырнула миску с горячей, как огонь, гуковской жратвой в лицо моему дружку. Потом бросилась на него с ножом длиннее, чем язык вашей матери. Ей было наплевать, что я рядом. Она убила бы ослепленного балбеса, если бы я не проткнул ей глотку штыком. Да, да, для этого и служат штыки. Для ближнего боя. Особенно когда магазин пустой. Да, пустой, потому что вы истратили патроны, умиротворяя косоглазых. Но главное не в том, когда применять штык. Самое важное — распознать противника. А во Вьетнаме это каждый небелый сукин сын.

— Но, сержант, я тоже не...

— Или нечерный,— добавил сержант и осклабился.— Нет ли в вашей роте еще краснорожих индейцев?

— А я красношей¹, сержант,— протянул чей-то голос,— не проткните мне глотку.

— Не носи черную пижаму,— ответил сержант,— и ничего с тобой не случится. А теперь займемся рукопашным боем. Вам еще надо учиться и учиться убивать.

К концу начального курса боевой подготовки я возненавидел нашу армию. Эта организация находилась в состоянии постоянной напряженности из-за раздоров между двумя враждебными группами: одна из них — сплоченная группа профессионалов, олицетворяющих аппарат власти; другая — зеленые новобранцы, преимущественно призванные, недовольные этой властью и старающиеся исподтишка ей насолить. Я принадлежал к третьей группе — добровольцев, которые признавали власть, главным образом чтобы избежать неприятностей. Это было нелегко. Живя с недовольными, мы часто подвергались наказаниям за их проступки. У нас не было выхода, и это нас мучило. Впрочем, мне удавалось выходить из положения лучше многих других. Семь лет организованной рутины благотворительного приюта подготовили меня к более строгой армейской дисциплине. Я не подвергал сомнению власть, держал свои мысли при себе и благополучно прошел курс обучения молодого солдата.

Однако, когда поступило распоряжение о посадке на суда, я чувствовал себя неподготовленным к встрече с противником. Попытки инструкторов развить у меня инстинкт убийцы не увенчались успехом. Каждый раз, когда мне приказывали воткнуть штык в чучело, крича при этом «Бей!», — я неумело, скованно наносил удар. Не более искусным я был и в других видах рукопашного боя. Каратэ и дзюдо мне казались такими же отталкивающими, как штыковой бой. Инструкторы испытывали ко мне отвращение, и я не могу их винить. Меня никак не привлекала служба, к которой меня готовили, и никакие предостережения не действовали. Мне говорили, что шансы выжить будут невелики, если для спасения своей жизни мне потребуются перерезать человеку горло или выколоть глаза.

¹ Red-neck — красношей, деревенщина (англ.).

К моему удивлению и удовлетворению, я искупил свои грехи на стрельбище. Я быстро овладел простым искусством плавно, не дергая, нажимать спусковой крючок и заслужил звание отличного стрелка из винтовки.

К счастью, мне так и не пришлось встретиться с противником в рукопашном бою, но искусство стрельбы из винтовки очень пригодилось.

4

Во Вьетнаме пехотинцу не требуется много времени, чтобы стать ветераном войны. За две недели я видел много случаев жестокости и убийства и быстро научился заботиться о себе.

Мой взвод расположился лагерем на плато в Северном нагорье около деревушки Камбинь. Горцы нас не тревожили, но долина и холмы на западе были территорией Вьетконга. Наша задача заключалась в патрулировании с целью обнаружения и уничтожения противника в долине с применением всех имеющихся огневых средств, предпочтительно боевых вертолетов и артиллерии. Мы быстро научились воздерживаться от нападения на противника с одними минометами и винтовками. Если вы подошли настолько близко, чтобы уничтожить его ручным оружием, значит, этого расстояния достаточно для того, чтобы и самому быть убитым. К лету 1968 года никто не рисковал без крайней необходимости. Вьетнамцам, напротив, при отсутствии у них вертолетов и ограниченном количестве артиллерии, гораздо выгоднее было приблизиться к нам на досягаемость ружейного огня. Мне скоро стало ясно, что разница в наших позициях заключается в том, что они воюют, чтобы победить, а мы — чтобы остаться в живых за 365 дней, которые нам положено здесь отбыть. Мой инструктор был прав. Вьетнамцы, невзирая на неравенство сил, рискуют жизнью, чтобы уничтожить нас. Другое дело мы. Если у нас не было решающего превосходства, мы избегали прямого столкновения. Стратегия изнурения ослабляла нас быстрее, чем противника.

Моя первая встреча со смертью произошла на третий день после прибытия в лагерь. Патрулирование в долине поочередно вели четыре отделения из состава роты. В тот,

третий день была очередь моего отделения. Никого из нас, вновь прибывших, в патруль не включали. Накануне вечером, отбирая четырех солдат в свой патруль, сержант сообщил нам, что вьетнамцы просачиваются с холмов в долину. Командир взвода хочет узнать, с какой целью.

Глядя в лица новичков, сержант сказал, что это задача для ветеранов, пояснив, что, если вьетконговцы на-капливаются в долине, он не хочет, чтобы его поддерживали какие-нибудь «перепуганные бездельники». Это не значит, что новичков будут баловать. Он гарантирует, что мы все очень скоро по горло будем сыты гуками.

Меня ничуть не задело, что он назвал нас перепуганными бездельниками. В устах человека, отбывающего второй срок во Вьетнаме, это прозвучало справедливой оценкой. Сержант, несомненно, лучше меня понимал, чего можно ожидать от необстрелянных новичков. Я почувствовал облегчение, избавившись от подробного инструктажа патруля.

Вечером я спокойно лег спать с мыслью, что пока в безопасности. Но это длилось недолго. Кажется, я только заснул, как кто-то грубо растолкал меня, стащив одеяло. Карманный фонарик осветил черноту палатки. Сначала я испугался, решив, что это вьетконговец, но вопрос, заданный мне, успокоил:

— Тебя зовут Дэвид Гласс?

— Да. Но кто это, черт возьми? — Мои руки все еще дрожали.

— Сержант Стоун. А ты подумал кто?

— Не знаю. Вьетконговец.

Стоун хмыкнул.

— Чарли не станет будить. Он тебя враз усыпит. Быстро одевайся. И не забудь каску и винтовку. Через полчаса пойдешь патрулировать.

Я заморгал и потряс головой, чтобы прогнать сон.

— Как же так? Я понял, что вам не нужны бездельники.

— Не умничай, солдат. Ты сопливый новичок, а мне сегодня новичок и нужен. Капрал Хадсон заболел. Ты назначен поддерживающим.

— Почему я?

— А почему бы не ты? Так что поднимай задницу с койки и поторапливайся. Через пять минут быть в столовой — получишь плотный завтрак и короткий инструктаж.

Он вышел из палатки прежде, чем я встал с постели.

— А как насчет пайка? — крикнул я вдогонку.

— В столовой! — заорал он. — Пять минут!

Две минуты я ругался в темноте и за три минуты оделся. Рядом храпел мой сосед по палатке. Почему не выбрали его? Почему?

Я ежился от холода по пути в столовую. На плато дни были жаркие и сухие, а ночи холодные. Спать было хорошо, но патрулировать паршиво. Вообще в патрулировании не было ничего хорошего.

Когда я вошел в столовую, сержант и трое других уничтожали яйца и пили кофе. Никто не поднял головы. Я получил свои яйца всмятку и горячий кофе и сел на скамью напротив сержанта.

— Это наш новичок. Гласс, — сказал сержант. — Это его фамилия монтируется со словом «разбитое»¹.

Солдаты ухмыльнулись, продолжая есть. Сержант скороговоркой назвал их фамилии, они в ответ кивнули. Фамилии сразу выскочили у меня из головы. Я не понял, кто есть кто, и узнал только через два часа патрулирования, когда это понадобилось. Другое дело — сержант Стоун. Я не забывал ни его, ни его фамилию во все последующие 362 дня.

Я пытался съесть яйцо, но не было аппетита, и я отодвинул его.

— Лучше съешь, — сказал сержант. — Горячей пищи не получишь еще два дня.

— Два дня?

— Два дня, если повезет.

— Я думал, патруль вернется вечером.

Сержант снисходительно улыбнулся.

— Где ты это слышал, сынок?

Я смерил сержанта взглядом и решил, что он достаточно большой и сильный, достаточно старый и достаточно опытный, чтобы называть меня сынком, если ему хочется.

— Так говорят.

— Вот что, сынок, — продолжал он тем же снисходительным тоном, — одни патрули остаются на день, другие на два дня и даже на пять. — Он сделал паузу, чтобы привлечь внимание других. — А некоторые патрули остаются там навсегда.

¹ Glass — стекло (англ.).

Наверное, на моем лице отразилась тревога, чего и ожидал сержант, потому что один из солдат сказал:

— Брось, сержант, не пугай ребенка.

Я слегка улыбнулся ему. Это был белокурый парень, на вид моих лет, с детским лицом, только голубые глаза его были какие-то усталые, потухшие.

Высокий негр, сидевший рядом со мной, спросил:

— Будешь есть яйца, Гласс?

Я отрицательно покачал головой и пододвинул ему тарелку. Он пробормотал «спасибо» и взялся за ложку.

— Ладно, заканчивайте и собирайте вещи, а я пока проинструктирую Гласса.

Теперь лицо сержанта было серьезным, а голос ровный, деловой. Вначале он изложил общий план действий. Патруль должен спуститься в долину, перейти реку и разведать лощину у подножия западных холмов. Он — начальник патруля, а капрал Томас — его заместитель.

Сержант развернул на столе карту и показал пальцем район действий.

— По сведениям разведки, противник накапливает запасы военных материалов в этой лощине, вероятно в пещерах. Главная задача патруля — собрать сведения, подтверждающие или уточняющие данные разведки. Всякие дополнительные сведения — пути передвижения противника, места лагерных стоянок, минные поля — будут весьма ценными, — сказал сержант, позволив себе легкую улыбку, которая тотчас исчезла. — Потребуется полдня, чтобы дойти до лощины, и полдня, чтобы вернуться обратно; на разведку объекта остается двадцать четыре часа. Патруль все время будет действовать сообща. Никто не должен отрываться для самостоятельного исследования чего-либо. Там, где нас прикрывает листва, будем двигаться группой, а на открытых местах, через поля и при переходе реки, — цепочкой с дистанцией пять ярдов. Если наткнемся на противника, никто не должен открывать огонь, пока нас не обстреляют. Главная цель патруля — избегать прямого столкновения и вернуться обратно всем вместе с собранными сведениями.

Сержант пристально посмотрел на меня, чтобы убедиться, что я понял, и я утвердительно кивнул головой.

— Еще одно, — сказал он. — Каждый вьетнамец в этой долине — враг. Понятно? Не важно, беззубый ли это старик, сидящий под деревом, или мальчишка, писающий в реку. Держись в стороне. Я управлюсь сам.

Я снова кивнул, вспомнив наставления моего инструктора по начальной боевой подготовке. Армия противника представлялась мне сборищем беззубых стариков и мальчишек, которых поддерживают старухи, размахивающие хлебными ножами.

— Вопросы есть?

У меня было сто вопросов, но я знал, что довольно скоро получу на них ответы, поэтому задал только один:

— Кто из ребят капрал Томас?

Сержант Стоун, вздохнув, сказал с отвращением:

— Черный. Но он хороший солдат. Делай то, что он скажет.

Я выдержал холодный взгляд сержанта.

— А почему бы нет?

Он понял меня, но уклонился от прямого ответа.

— Ладно, Гласс. Лучше освободись от этого кофе, а то через пару часов оно потечет у тебя по ногам.— Он показал на других в конце столовой.— А теперь собери свое имущество. Для тебя все приготовлено.

Ответы на некоторые вопросы я получил, собирая свое имущество: гранаты, сигнальные ракеты, патроны, индивидуальный перевязочный пакет. Я почувствовал значительное облегчение, заметив, что капрал Томас упаковывает полевую радию. Значит, мы там не будем предоставлены самим себе. Но почему, черт возьми, сержант не сказал мне, что у нас будет радиосвязь? И с кем? С группой управления взвода? С артиллерией? С вертолетами? Нельзя сказать, что мой инструктаж был очень коротким. Обычно на инструктажах все обстоятельно объясняют, а поддержка предусматривается сама собой. Но меня назначили при чрезвычайных обстоятельствах, и, к несчастью, у меня не было никакого опыта. Стоуну не понравился мой единственный вопрос, вероятно, потому, что я не задал остальные девять. Я понимал, что он успокоил бы меня, но не хотелось, чтобы меня сочли «перепуганным бездельником» прежде даже, чем мы тронемся в путь. Это было глупо с моей стороны, и я решил больше такого не допускать.

Было пять часов утра и еще темно, когда мы вышли из лагеря и начали спускаться по западному склону плато в долину. Сержант Стоун и капрал Томас шли впереди, а мы следовали за ними по извилистой тропинке.

Спуск был довольно крутой, а я слишком высоко подтянул ранец, и теперь он лез вверх мне на плечи, клоня голову вниз; при этом верхняя часть тела перевешивала нижнюю, грозя перевернуть меня вверх ногами. Кроме того, ремни ослабли и с каждым прыжком ранца впивались мне в плечи. Но остановиться, чтобы подогнать ремни, не было времени.

Форсированные марши в период начальной боевой учебы плохо подготовили нас к тому, с чем нам пришлось столкнуться во Вьетнаме. Во-первых, местность там была преимущественно ровная. Во-вторых, все солдаты были такие же зеленые, как ты, и можно было свободно ворчать, чтобы легче было шагать. В-третьих, в Америке нет такого места, которое могло бы воспроизвести влажный жар, поднимавшийся из этой вьетнамской долины. Это было все равно что войти в паровой котел. Полчаса на тропинке, и я не мог поверить, что всего час назад спокойно спал под одеялом. Но самое главное — во время начальной подготовки на марше мне не приходилось бояться беззубых стариков, лежащих в засаде, чтобы перерезать мне горло или всадить пулю в мою потную пульсирующую голову. Нет, сэр, после получасового спуска по этой тропинке я был готов закричать, чтобы это прекратилось. Я был слишком молод, чтобы столько страдать и так рано. Мне оставалось только молить бога, чтобы у старого сержанта Стоуна возникла такая же потребность отдохнуть. Но он упорно, твердым шагом шел вперед. Капрал Томас, чей ранец был больше моего и который вдобавок еще нес рацию, держался вплотную за сержантом. Двое других — высокий, тощий, веснушчатый и рыжий, похожий на тряпичную куклу, и белокурый парень с потухшими глазами — легко шагали позади, время от времени перешептываясь, и сочувственно оглядывались, видя мое плачевное состояние.

Нас прикрывала темнота и листва, но тропинка была такая узкая, что мы не могли идти группой, и я чувствовал себя одиноким, изо всех сил стараясь не отставать. Я начал бояться, что слишком отстану и меня тихо, без шума убьет какой-нибудь отчаянный индеец, в то время как героическая колонна будет идти вперед навстречу противнику. Моя фантазия дала толчок усталым ногам, и я собрал последние силы, чтобы догнать группу. Слово догадавшись о моих опасениях, белокурый парень отстал и пошел рядом со мной.

— Держись, Гласс,— пробормотал он.— Когда идешь вниз, откидывайся назад. Ранец должен поддерживать спину. Перенеси вес на основание позвоночника, а не на плечи. У тебя слишком ослабли ремни.

— Да, теперь я знаю.

— Потерпи. Сержант объявит привал, и я подтяну твой ранец. Он выкладывается из-за тебя. Он уже шестнадцать месяцев на этой проклятой войне и все еще старается показать себя перепуганным молокососам. Но он уже готов остановиться. Я чувствую это по своим ногам. Я ходил с ним и раньше. Еще немножко, и у нас будет время покурить. Могу истратить одну. Держись, парень. Я устрою тебе все как следует.

— Спасибо, э-э...

— Купер. Рядовой Ричард Купер, по прозвищу Блонди. Триста тридцать три дня в этом пекле, и осталось еще тридцать два. Держись за меня. Я намерен дожить до последнего дня.

— Что будет со мной через тридцать два дня?

— Найдешь себе другого счастливец.— Он рассмеялся, а я не мог выдавить из себя улыбку.

Впереди раздалась команда сержанта:

— Привал пять минут! Можно курить.

Тропинка расширялась и выходила на небольшую ровную полянку. Сержант Стоун и рыжий парень сидели на земле, опираясь на ранцы. Капрал Томас стоял, глядя вперед на спускавшуюся тропинку. Сквозь деревья показались первые проблески рассвета. Я опустился на землю, а рядом уселся на корточки Блонди. Вокруг валялись пустые картонки из-под сухого пайка, оставленные проходившими раньше патрулями.

Блонди подогнал мой ранец, опустив его пониже, и затянул крест-накрест ремни на груди. Я почувствовал себя значительно лучше и стал закуривать сигарету, но Блонди остановил меня:

— Подожди секундочку, попробуй мою.— Его блеклые глаза заблестели.

Он положил на землю листок папиросной бумаги и осторожно насыпал на него какого-то темного волокнистого табака. Потом свернул бумажку, закрутил концы и поднес к губам. Быстрым движением языка по открытому краю он заклеил сигарету, зажег и медленно и долго вдыхал дым с закрытыми глазами. Улыбаясь, передал ее мне:

— Затянись поглубже и держи дым как можно дольше.

— Я взял сигарету, с опаской поглядев на сержанта, сидевшего в нескольких футах спиной ко мне.

— Быстрее,— сказал Блонди.— Не давай ей догореть, парень. Это дорогая штука. Каждая затяжка — это мечта.

Я вдохнул свою первую марихуану, заполнившую мои легкие, и передал Блонди. Сладкий запах дыма повис во влажном воздухе. Меня тревожил сержант, но Блонди не обращал на него внимания. Он затянулся и передал сигарету мне. Так и пошло. При каждой затяжке я не спускал глаз с сержанта, но тот ни разу не поглядел в нашу сторону.

— Не бойся Старика,— успокоил меня Блонди.— Он сам не курит, но понимает. Он учитывает обстановку и не хочет получить пулю в спину.

Я испуганно взглянул на Блонди.

— Расслабься, парень. Твой адреналин начинает действовать. Вот так. Взлетай. Лети, парень. Это лучшее оружие против чарли. Поверь мне.— Он передал мне сигарету.

Я закрыл глаза и жадно затянулся. И опять почувствовал себя просто замечательно. Деревья блестели в утреннем свете, и вдруг до меня донеслось пение птиц. Я различал каждый звук и сосредоточился на самых мелодичных. От пения птиц кружилась голова. Я вспомнил, как в лагере начальной боевой подготовки отказывался от марихуаны. Сержанты-инструкторы были строгими на этот счет и отравляли жизнь тем, кто попадался. Один парень даже испек пирог с травкой и был за это жестоко наказан. Я в то время был слишком осторожен и теперь раскаиваюсь. Ведь мог бы проплыть весь начальный курс на облаке, как плыву теперь. Вьетконговцам меня не достать. Я просто улечу, улечу в небо.

Я заметил, что большой черный капрал Томас все еще стоит, глядя вниз на тропинку, и сосет сигарету. Он слегка покачивался, повинаясь какому-то внутреннему ритму. Он получил свое, подумал я. Интересно, сколько дней ему осталось. Может быть, подумал я, он станет моим новым другом после Блонди.

Я посмотрел, как Блонди затягивается последний раз. Он жил, пока сигарета догорала в его губах. Бросив окурочек на землю, он улыбнулся мне:

— Ну как, Гласс? Теперь чарли тебе не страшен, правда?

Я рассмеялся впервые за это утро.

— Если только он не курит травку.

Блонди медленно опустил голову:

— Ему не нужна травка. У него есть цель.

— Я не хочу, чтобы он меня убил,— сказал я,— и не хочу убивать его.

— Не думай об убийстве. Это придет само собой.— Его старческие глаза сузились.— Делай, что велит Старик, и все будет в порядке. Ему уж шестнадцать месяцев удастся перехитрить чарли. Он пройдет еще много миль.

— А капрал Томас? Сколько миль ему надо пройти?

— Не знаю. Он все делает в одиночку. Даже травку курит в одиночку. Посмотри на него. Сосет сигарету и вынюхивает эту тропинку, словно она куда-нибудь ведет. А ведет она только вниз, приятель. А я хочу идти только вверх, вверх и прочь отсюда.— Он взмахнул рукой к деревьям и небу.— Я чувствую их вкус. Еще тридцать два дня, и я покину эту проклятую дыру и отправляюсь в рай.

— Где же этот рай?

— Да там, где девочки. Мечта! — Он вдруг ухватился за пах и заорал: — Йе-ху, Блонди Купер к стрельбе готов!

Мы сидели рядом, когда сержант Стоун позвал нас:

— Эй вы, ребята, вставайте!

Он встал, и все поднялись вслед за ним. Капрал Томас отскочил в сторону, чтобы пропустить сержанта на тропинку. Мы спустились в долину, но теперь ранец казался легче, и я воспрял духом. Меня даже не мучила жестокая жара, пока мы не вступили в долину.

Было девять часов, когда мы достигли конца тропинки. Позади был отлогий спуск с плато, впереди — ровная, открытая долина. Сержант Стоун приказал остановиться. Пока мы отдыхали, он взобрался на дерево обозреть местность. Капрал Томас стоял рядом.

Тропинка резко обрывалась у подножия склона, и в долине не было заметно ничьих следов. Блонди объяснил мне, что патрули, проходившие раньше, наверное,

выбирали каждый раз новые пути, и высокая густая трава поглотила их следы. Это хорошо, сказал он, потому что на открытом месте заманчиво использовать проторенные тропинки, которые таят в себе большую опасность. Конечно, по тропинке можно скорее пройти подлесок, но и противнику легче подкрасться. Вьетнамцы знают местность, а мы не знаем. Они ставят мины, а мы на них наступаем. Они устраивают засады, а мы в них попадаемся. В нас стреляют снайперы. И вьетнамцы почти всегда выбирают время и место схватки.

— Противник навязывает бой, — спокойно сказал Блонди, глядя мне в глаза, — а мы идем ему навстречу. Поэтому Старик залез на дерево, чтобы разведать путь через поле, где меньше вероятности встретить противника. Но не спрашивай, какое он намерен принять решение.

Блонди обвел взглядом расстилавшуюся впереди высокую траву.

— Она выглядит так мирно, правда? Как кукурузное поле где-нибудь в Айове. Какая там может быть опасность? Возможно, никакой. Думаю, там безопасно. Меня больше тревожит переправа через реку. Именно там можно ожидать чарли. Уж очень заманчиво обстрелять нас, когда мы будем переправляться, держа винтовки над головой, чтобы не замочить. Там мы становимся легкой добычей.

— Ты пугаешь меня до смерти, — сказал я.

Рыжий, лежа на ранце в нескольких шагах от нас, натянуто рассмеялся.

— Брешет он. Не слушай его, парень.

— Ни хрена ты не знаешь, Энди, — отозвался Блонди. — Ты сколько времени во Вьетнаме?

— Двести дней и три часа плюс три реки, включая ту, что впереди. Я переходил ее туда и обратно. Она совсем мелкая. Можешь пройти по ней, как Иисус Христос.

— Вы тогда шли через это поле? — спросил Блонди,

— Туда и обратно.

— Старик об этом знает?

— Я тогда был не со Стариком.

— Что же ты не скажешь ему, каким путем вы шли, дурья башка?

— Потому что там может оказаться чарли,

— Но ведь раньше его там не было?

— Да, не было. А ты согласен поклясться на библии, что его там нет теперь? Старик командует патрулем, а не я.

— Но ты идешь за ним, а?

— По уставу. Я обыкновенный, простой капрал, рядовой Купер.

— А, заткнись!

Рыжий улыбнулся, вытер пот со лба и закрыл глаза.

Стояла томительная жара, хотя было еще раннее утро. К полудню долина станет как печка. Вьетнамцы лучше переносят жару. Их соломенные шляпы гораздо прохладнее, чем наши каски. К тому же жара — естественное условие их существования. Мы к ней не привыкли, а снаряжение американского солдата предназначено для защиты от пуль, а не от солнца.

Мое тело плавилось в одежде, и я чувствовал, как дурацкие сладкие мечты улетучиваются через источающие пот поры. Что за проклятое место! Кто выбрал такое паршивое место для ведения войны? Я не видел в этом никакого смысла. Зачем я здесь? Потом мои мысли переключились на рыжего. Он заинтересовал меня: ведь у него за плечами было три реки. Блонди называл его Энди, и я подумал, настоящее ли это имя. Вдруг у меня в памяти заново всплыли имена, которые выпалил сержант в столовой: Купер, Томас, Долл. Рыжий, стало быть, Долл. Я усмехнулся. Энди Долл — тощий, веснушчатый, рыжий. Неудивительно, что он может ходить по воде. Он не такой, как другие.

— Капрал Энди Долл, — произнес я вслух,

Рыжий открыл глаза:

— Это я...

— Конечно, — сказал я и осклабился как дурак.

Мне начинало казаться, что на Энди можно положиться. Не считая капрала Томаса, который действует в одиночку, рядом со мной шли бывалые солдаты. Это было утешительно для парня, весь опыт которого укладывается в два дня пребывания в палатке и четыре часа в патруле.

Мы двинулись через высокую траву в юго-западном направлении с сержантом Стоуном во главе. Следующим шел капрал Томас, за ним Долл, Блонди и я. Мы сохраняли дистанцию в пять ярдов. Вначале было не так пло-

хо, если не считать того, что я чувствовал себя немного одиноко. Травы скрывали нас, я видел впереди только голову Блонди и не спускал глаз с этой подпрыгивающей в мерцающем свете головы с блестящими белокурыми волосами. Несколько раз у меня возникало ощущение, будто мы с ним здесь одни, и, однажды потеряв его из виду, я ускорил шаг. Его подпрыгивающая голова снова показалась, и после этого я сократил дистанцию до трех ярдов. Правда, если бы его что-нибудь задело, то могло задеть и меня, но чувство одиночества было страшнее.

Скоро мне стало казаться, будто мы идем через поле уже несколько дней. Солнце палило беспощадно. Было, наверное, около пятидесяти градусов. Я обливался потом — он запекался белыми пятнами на рукавах — и все время сосал соленые пилюли, пока не пересох язык, так что нельзя было даже сплюнуть. Хуже всего, что трава становилась все гуще и как ножом резала руки. Однажды, отодвигая траву от лица, я коснулся рукой ствола винтовки. Он обжег, как раскаленная печка. Я подумал, не влияет ли жара на точность боя, и опустил винтовку, чтобы на нее не попадали прямые лучи солнца.

Мы молча шли вперед. Не с кем было перемолвиться словом, и приходилось молча переносить свои страдания: я проклинал свинцовые подошвы ботинок; ранец, будто набитый двумя сотнями фунтов камней, сверлил дыру в спине; защитный жилет сжимал грудь, как цилиндр из горячей трубы. Я был хорошо снаряженный боец, но боевого духа у меня не было. Если бы в этот момент встретился чарли в черной пижаме, мне бы не одобровать. По крайней мере, я так думал. К счастью, мы благополучно добрались до реки.

Сержант Стоун привел нас к единственному месту, где высокая трава подступала к самому берегу, обеспечивая укрытие, откуда можно было изучить путь на том берегу. Как сержант отыскал этот путь через лабиринт поля, я не знаю, но мое уважение к нему возросло.

Мы всей группой присели на траву отдохнуть. Я был рад, что это поле из ножей осталось позади и что опять рядом со мной люди. В течение часа, который занял переход через поле, я чувствовал себя совсем одиноким. Отдышавшись, сержант Стоун снял каску и осторожно наполнил ее речной водой, высунув из травы одну руку. Он вылил воду на голову и опять надел каску. Мы не-

редали ему свои каски, чтобы он их наполнил. Вода была теплая, но все же освежала. Когда она бежала по лицу и стекала под рубашку, я испытывал небывалое наслаждение. Мне до смерти хотелось раздеться догола и нырнуть в реку. Всего шесть футов отделяло ее от нашего пылающего ада — она текла, журчала, манила испытать радость. Я боролся с этим самоубийственным желанием. Такое соседство физических крайностей во Вьетнаме будет повторяться не раз. Оно было источником жестоких мук для тела и души.

Мои легкомысленные мечты были прерваны. Предстояло срочно решить, как переправиться через реку. В том месте, где мы остановились, река выглядела гораздо более глубокой, чем говорил Энди Долл. Сержант и капрал Томас обсуждали, куда лучше идти — к югу или к северу, — чтобы найти более мелкое место, когда Блонди предложил обратиться к Доллу.

— Долл переправлялся раньше. Может быть, он сумеет помочь.

— Ну как, Долл? — спросил сержант.

— Я не узнаю это место. Мы переправлялись гораздо южнее. Там было совсем мелко. Мы перешли реку вброд, и вода едва покрывала верх ботинок.

— Как далеко к югу?

— Точно не знаю, сержант. Может, миля, может, две, может, еще больше.

— Это не пойдет, — решил сержант. — Лощина севернее нас на другой стороне. Мы не можем так далеко обходить. Не хватит времени, и нас перестреляют, пока мы будем бродить вдоль этой паршивой реки. Надо найти место здесь.

Долл безразлично пожал плечами:

— Жаль, что не могу вам помочь, сержант. В тот день мы не шли в лощину.

— Ага. А вы не нарвались тогда на чарли?

— Нет.

— Какого же черта вы искали?

— Чарли.

— Значит, вы сачковали.

— Нет, сэр. Мы ходили, искали, но ничего не нашли и вернулись назад.

— Вы сачковали, — повторил сержант.

— Это почему?

— Потому что чарли хотели, чтобы вы ничего не нашли. Вот почему.

— Они тоже ничего не нашли. Мы благополучно вернулись домой.

— Больно ты умный! Они, может быть, все время следили за вами, выжидая подходящий момент.

— Возможно. Хорошо, что мы унесли ноги, пока они выжидали.

— Ты здесь не для того, чтобы спасти свою шкуру, Долл, а для того, чтобы найти противника и уничтожить его.

— Я стараюсь изо всех сил, сержант.

— Старайся лучше.— Сержант оборвал разговор и опять повернулся к реке: — А ты что думаешь, Томас? — Он указал на юг: — Похоже, что там впереди мели, а на том берегу густая трава. Она быстро нас прикроет.

— Как скажете, сержант,— отвечал капрал Томас.

Сержант внимательно поглядел на него:

— Хорошо. Пошли. Держитесь на таком же расстоянии, когда пойдем по берегу. Если противник откроет огонь, забирайтесь в траву. И держи это чертово радио сухим, Томас.

— Слушаюсь, сэр.

Сержант встал на ноги, пригнувшись к земле. Мы последовали его примеру. «Вот оно как,— подумал я.— Значит, чарли там дожидаются». Я чувствовал, как из меня сочится пот. Только в одном я был уверен — что не обмочу со страха штаны: каждая капля воды из моего тела вытекала через поры.

Сержант Стоун медленно пошел вдоль берега.

— Стойте, сержант,— прошептал Долл.— Вернитесь!

Властный тон его голоса заставил сержанта возвратиться.

— В чем дело?

— Чарли! — Долл указал на север.

Сквозь колеблющиеся заросли травы мы увидели в сотне ярдов черную фигурку, медленно двигавшуюся по берегу реки.

— Ложись и не шевелись! — скомандовал сержант.

Он опустился на колени и поднял винтовку. То же сделали и другие. Мне захотелось зарыться в землю, но я заставил себя прицелиться.

— Не стрелять! — скомандовал сержант,— Пусть подойдет.

Черная фигурка медленно приближалась под прицелом наших пяти винтовок. Было так тихо, что я слышал каждый звук: щебетание птиц, плеск воды, шелест травы. Пот заливал мне глаза, заставляя моргать. Я держал чарли на прицеле, но не мог удержать ствол. Меня била дрожь, кружилась голова. Хотелось встать и убежать. Я молил бога, чтобы чарли исчез, чтобы он повернул и пошел назад, но он все приближался.

Когда он подошел ярдов на пятьдесят, я впервые как следует разглядел врага.

— Да это мальчишка! — выпалил я.

— Заткнись! — проскрипел сержант сквозь зубы — Он идет прямо на нас. Может быть, удастся взять подлца живым. Не стрелять, если он сам не напросится.

Винтовка в моих потных руках весила сто фунтов. Я опустил ствол. Разве нужно пять человек, чтобы убить десятилетнего мальчишку в черной пижаме? Таким он был в моих глазах — мальчишкой, который бесцельно бродит по берегу, пропуская речной ил между пальцами ног. Я не спускал с него глаз. Казалось, он не подозревал об опасности. Через каждые несколько шагов он наклонялся плеснуть речной воды в лицо.

Блонди и все остальные застыли на корточках рядом со мной, направив на мальчишку винтовки. Они представлялись мне совершенно нереальными, да и сам я казался себе нереальным. Всего четыре месяца назад я был в приюте и заполнял формы для вступления в армию. А сейчас лежал в ожидании, готовясь принять участие в убийстве десятилетнего мальчика. Разве он угрожал моей жизни? Разве он мой враг? Два часа назад я был дураком. Неужели я и сейчас дурак или у меня галлюцинации? Нет, отвечал я себе, я здесь, во Вьетнаме, в этой дымящейся от пара долине. Я уверен в этом, потому что мое тело обливается потом. А этот мальчик есть мальчик. Он живет здесь и гуляет по берегу реки. Почему бы ему не гулять? Но разве он не знает, что идет война? Я глупо хихикнул, но тут же подавил смех. Четырём солдатам с автоматическими винтовками было не до смеха, и они были такими же реальными, как солнечный жар, как текущая река, как колышющиеся травы и как этот мальчишка, выдавливающий ил между пальцами. Но, черт возьми, если я не сумасшедший, значит, безумен кто-то, стоящий за нашими спинами.

А мальчишка все приближался. Его внимание целиком поглотила река. Сняв свою соломенную шляпу, он опускал ее в воду, потом вынимал и разглядывал. Он повторил эту операцию несколько раз. Мальчик старался поймать шляпой мелкую рыбешку. Каждый раз его лицо выражало разочарование, но он, не унывая, продолжал свое дело. Чем ближе он подходил к нам, тем более хрупким казался. Худой, костлявый парнишка в болтающейся пижаме. В пяти ярдах от нас он остановился, разглядывая высокую траву, преграждавшую проход вдоль берега. Его личико нахмурилось в нерешительности. Напа на неподвижность в этот момент была невыносима. Сержант осторожно положил винтовку на землю. Остальные держали мальчика на прицеле. Тот подался вперед, решив лучше пробиться через траву, чем входить в воду, и попал в лапы сержанта Стоуна, подпрыгнувшего, чтобы схватить свою жертву.

— Ах ты, паршивец! — радостно воскликнул сержант.

Он бросил мальчика на землю, сильно сжал рукой его горло и уселся на него верхом. Это произошло так быстро, что мальчик не успел даже крикнуть, а теперь пальцы сержанта, сдавившие ему горло, гарантировали, что он будет молчать. Все столпились вокруг сержанта. Я неохотно присоединился к ним, не в силах противиться необъяснимому колдовству. Сержант торжествовал по поводу своей добычи. Мальчик смотрел в наши лица полными ужаса глазами. Он не мог еще осознать внезапную перемену в своем положении.

— Что вы собираетесь с ним сделать, сержант? — спросил капрал Томас.

Сержант Стоун свободной рукой вытащил из-за пояса нож.

— Собираюсь перерезать ему горло.

Он поднял нож, чтобы мальчик мог его видеть, и приставил ему к подбородку. Мальчик плотно зажмурил глаза. Из-под его век потекли слезы.

— погоди, сержант. Может быть, он знает реку и проведет нас на тот берег, — предложил капрал Томас.

Стоун бросил на него сердитый взгляд:

— А ты говоришь по-гукски, Томас?

— Нет, сэр.

— Я говорю, сержант, — вмешался Долл.

— Ты что, смеешься надо мной, умник?

— Я не смеюсь. Я изучал языки и научился немного по-вьетнамски.

— Ты?

— Это так же точно, как то, что вы — начальник этого патруля. Отпустите его горло, и я с ним поговорю.

— Он может разинуть глотку и навлечь на нас вьетконговцев со всей этой собачьей долины. Об этом ты подумал?

— Не думаю, сержант, особенно с ножом у горла. Капрал Томас, может быть, прав. Разве от нас не требуется собирать всю возможную информацию? Стоит попробовать.

Сержант заколебался, потом кивнул головой:

— Хорошо. Попробуйся. Но пусть только пикнет — и станетдохлым гуком.

Сержант поднял нож над головой мальчика и отпустил его горло.

— Поговори с ним, Долл. Узнай, кто он и откуда.

Капрал Долл нагнулся над мальчиком и заговорил, с трудом подбирая слова. Для меня они звучали как тарабарщина, но по глазам мальчика было видно, что он понимает. Когда Долл кончил, мальчик быстро зялопота.

— Что он говорит? — спросил сержант.

— Он живет в деревушке к югу отсюда. Он голоден. Старался поймать рыбу в реке.

— Брехня, — отозвался сержант. — Спроси, есть ли в его деревне вьетконговцы.

Долл подробно расспрашивал мальчика, и тот подробно отвечал, не сводя глаз с висящего над ним ножа.

— Ну?

— Вся долина кишит вьетконговцами, — сообщил Долл.

— Включая его, — заметил сержант.

Долл покачал головой:

— Он простой деревенский парнишка. Говорит, что чарли в течение дня остаются на том берегу реки, а приходят только ночью за продуктами и держат жителей в страхе.

— Вот как? И ты веришь этому гуковскому трепу?

— Я верю ему, сержант. Ведь он под ножом.

— Ерунда! Он вонючий вьетконговец. Ведь на нем

черная пижама. Они всегда используют ребят для разведки.

— Он не вооружен, сержант.

— Это ничего не значит.

Вмешался капрал Томас:

— Спроси, не знает ли он, где находятся окопы чарли по ту сторону реки. Спроси, можно ли впереди перейти реку.

Долл посмотрел на сержанта,

— Спроси.

Долл что-то прокудахтал, и на этот раз парень отвечал медленно. Он очень хотел быть полезным.

— Он говорит, что чарли окопались в густом лесу — у подножия холмов на том берегу.

— В ложине?

— Да. Он говорит, что там целая паутина пещер.

— Смотри-ка, сержант, — смеясь, сказал Томас, — он нам здорово помог.

Лицо сержанта прояснилось:

— Ты спрашивал, можно ли перейти вброд реку?

Долл кивнул:

— Немного впереди. Видели эти мели? Там мелко.

— И ручаюсь, что чарли тоже там.

— Не думаю. Он говорит, что чарли остаются в зарослях и выходят только ночью. Поэтому парнишка и шел по берегу реки. Он и раньше там гулял и не хочет нарваться на чарли так же, как и мы.

— Ерунда, — сказал сержант. — Спроси, не проведет ли он нас через эти мели.

Долл обратился к мальчику, показав на реку. Парень отчаянно закачал головой. Когда он заговорил, его глаза были устремлены на сержанта.

— Видишь! — воскликнул сержант. — Чарли ожидают как раз там, правда?

— Парень этого не говорил, сержант. Он боится переходить реку. Говорит, что там вьетконговцы, но не знает конкретно, где еще, кроме ложины. Но переходить все равно надо; поэтому, я думаю, эти мели самое лучшее место. Как вы сказали, мы можем быстро перейти реку, а на том берегу густой кустарник.

— Да. Я так говорил. Давайте двигаться.

— А как быть с мальчишкой? — спросил Томас. — Возьмем это с собой?

— На кой черт? Мы получили от него все что нужно.

— Хотите его отпустить?

Вместо ответа сержант быстрым движением глубоко вонзил нож в горло мальчика. Страшный, булькающий крик вырвался из рта ребенка. Кровь ручьем хлынула у него из горла и растеклась по груди, забрызгав ноги сержанта. Он встал на четвереньки. Мальчик вздрогнул, повернулся на бок и затих. Мы все, потрясенные, молчали.

— Ладно, пошли, — сказал сержант.

Он ринулся через траву к берегу реки. Мы двинулись за ним, стремясь скорее уйти с этого места. Я замедлил шаг и отстал от Блонди, обходя мертвого мальчика. Из его горла все еще текла кровь. Меня тошнило, и все тело содрогалось от сухих спазмов, но страх гнал меня вперед.

Не прикрытые травой, мы быстро шагали по берегу реки к мелям. Я пытался сосредоточиться на предстоящем серьезном деле, говоря себе, что чарли где-то здесь, следят за нами, готовясь напасть из засады. Но в моем сознании непроизвольно возникала страшная картина убийства мальчика. Я слышал его крик и видел, как кровь хлещет у него изо рта. Ноги мои дрожали. Я споткнулся о камень и, больно ударившись, растянулся у самой реки. В лицо мне брызнуло водой. Хотелось закрыть глаза и остаться лежать здесь, уйти от действительности. Но винтовка, оказавшаяся подо мной, давила на грудь. Она не должна промокнуть. Я перевернулся на спину, держа винтовку над собой, и уставился в безмятежное голубое небо. И тут надо мной возникло лицо Блонди.

— У тебя все о'кей?

Я сел, и он помог мне подняться на ноги.

— Да.

— Тогда пошли, дружище.

Он отвернулся, прежде чем я успел спросить его о мальчике. Я поплелся за ним. У меня был миллион вопросов, но некому было их выслушать.

Пятьдесят, семьдесят пять, сто ярдов от убитого мальчика — казалось, этому расстоянию не будет конца, — и мы подошли к мелям. Русло реки здесь поднима-

лось, и вода с бульканьем перекачивалась через песчаное дно. Мы окружили сержанта Стоуна. Похоже, его ничуть не тревожило то, что он совершил, а заботила только ближайшая задача. Он вглядывался в противоположный берег, казавшийся совсем мирным.

— Ладно,— сказал он,— мы не можем здесь отсиживаться. Я пойду первым. Вы следуйте за мной цепочкой. Соберемся в камышах на том берегу и, прежде чем идти дальше, изучим карту. Не оступитесь.

И зашагал через мели. Томас дал ему отойти на пять ярдов и пошел следом. Следующим шел Энди Долл, за ним — Блонди. Я держался вплотную за Блонди. Река в этом месте была не шире тридцати ярдов, дно твердое, но я прощупывал каждый шаг. Не хотелось опять споткнуться. Я не собирался сачковать. У меня не выходила из головы мысль об убитом мальчике, и в тот момент я понял, что должен рассчитаться за него и за себя.

Я дошел до середины реки, забыв об опасности, которая могла скрываться впереди, когда сильный взрыв потряс тишину. В воздухе просвистели стальные осколки.

— Мины! — закричал капрал Томас.

Шедшие впереди меня опустили на колени в воду. Я, ошеломленный, продолжал стоять, глядя вперед. В пятнадцати ярдах, на берегу, сжавшись в комок, лицом вниз лежал сержант Стоун, зажав руками живот. Он не шевелился и не издавал ни звука.

Я опустился на колени в реку позади Блонди. Впереди Долл пригнулся так низко, что его лицо почти касалось воды, но винтовку он держал над водой. Томас был в пяти ярдах позади Старика. Он пополз к нему.

— Томас, стой! — закричал Долл. — Ты что, хочешь нас всех взорвать?

Томас оглянулся.

— Надо вынести Старика.

— Надо унести свои задницы в кусты, пока нас не уложили рядом с ним! — Долл поднялся и поспешно зашагал направо, в более глубокое место. — За мной!

Блонди и я подчинились его команде. Через несколько секунд мы были уже в кустах на берегу реки. Капрал Томас плелся за нами по воде.

— Теперь, когда мы в укрытии, можно наметить план действий,— сказал Долл.

— Теперь командую я,— заявил Томас.

— Думаю, что так,— согласился Долл.— Старик, конечно, не в состоянии командовать, даже если он жив.

— Как раз это нам надо узнать,— сказал Томас.

— Кому это нам?

— Хоть бы тебе, Долл. Проползи туда и посмотри.

— Только не я! — Долл искоса посмотрел на Томаса. Он держал винтовку перед собой с пальцем на спусковом крючке.— Чарли только и ждет, чтобы показаться первый болван. Я видел такие случаи.

— Что же, дать ему там умереть?

— Ты просишь у меня совета?

— Да, умник.

— Позови его. Если он живой, то ответит. Тогда можно рискнуть вытащить его оттуда. Если же он мертвый, то мы ничем не можем ему помочь.

— Он прав, Томас,— сказал Блонди.

— Тебя не спрашивают!

— У меня за плечами триста тридцать три дня. А у тебя сколько, Томас?

— Заткнись! Ладно, Долл, зови.

— Слушаюсь, сэр капрал.— Долл старался сохранить серьезное выражение лица.

Он прополз несколько футов до края кустарника. Я считал, что мы находимся ярдах в десяти от того места, где лежал сержант, но из-за густой травы не могли его видеть.

— Эй, сержант! — позвал Долл. Никакого ответа. Долл крикнул громче: — Сержант, вы здесь?

Молчание.

— Может быть, он без сознания? — предположил Томас.

— Возможно.— Долл попытлся назад в укрытие.

— Надо его вытащить,— сказал Томас. Он выглядел озабоченным.— Даже если он мертв.

— Это зачем?

— У него карта.

— Разве у тебя нет карты?

— Говорю тебе, эта чертова карта у него!

— Черт с ней, с картой!

— А как же мы найдем лощину, умник?

— Плевать на лощину!

— А что ты скажешь в штабе? Ведь нам поставлена задача.

— Ты командуешь патрулем, Томас. Я пойду, куда

поведешь. Только я не намерен лезть отсюда в одиночку за мертвецом. По крайней мере, пока нас поджидают чарли.

— Почем ты знаешь, что нас поджидают чарли? Ведь Старика убила мина, а не чарли.

— Но мину-то поставили чарли. На самом краю мелей. Они рассчитали, что мы перейдем реку в этом месте, а мы так и сделали. Наверное, они теперь сидят и наблюдают за этим местом. Это обычный прием у гуков.

— Брось, ты считал, как и все остальные, что эти мели самое подходящее место для переправы, Я слышал,

— Правильно. И ошибся.

— А теперь ты не ошибаешься?

— Если я не прав, почему бы тебе не выползти отсюда и не проверить?

— Ты паршивый трус! — вспыхнул Томас. — Надо бы мне...

— Нечего меня ругать, капрал, — отпарировал Долл. — Я просто не намерен рисковать своей шкурой ради мертвеца. Не вижу в этом смысла.

— Вся эта проклятая война не имеет смысла, но все же мы воюем, так ведь?

— Был бы смысл, если бы я мог помочь,

Томас ткнул пальцем в лицо Доллу:

— Когда вернемся, я подам на тебя рапорт за отказ выполнить приказание. А теперь убирайся с дороги. Я иду за картой.

Он оттолкнул Долла и пополз через траву.

— Эй, может, оставишь рацию? Если тебя ухлопают, она тебе не понадобится.

— Вот ты и пойдешь за ней. — И Томас скрылся из виду.

— Болван! — процедил Долл. Он поглядел на Блонди, потом на меня, но ожидаемой поддержки не получил.

Мы сидели молча, прислушиваясь, в ожидании какого-нибудь сигнала от капрала Томаса, но кругом было тихо. Так прошло несколько минут.

— Должно быть, он уже там, — сказал Блонди. — Может быть...

Он недоговорил. Короткая автоматная очередь заставила нас вздрогнуть. Она прозвучала с той стороны, куда ушел Томас.

Долл быстро встал на колени, Блонди тоже, оба с вскинутыми винтовками. Я прицелился в том же на-

правлении, но ничего не видел, кроме травы и проглядывавшего сквозь нее неба. Но ведь они мне не враги или враги? Я слышал только свое дыхание, частое, взволнованное.

— Это чарли,— прошептал Долл,— наверное, достали Томаса. Болван! Я предупреждал, чтобы он туда не лег. Я предупреждал его! Это не моя вина.

Он чувствовал себя виноватым и этим понравился мне.

— Что же нам делать? — спросил Блонди.

— Потеть и ждать, пока не узнаем, сколько их. Стреляли только из одного автомата. Проклятие! Этот болван должен был оставить нам свою чертову рацию. Мы могли бы запросить поддержку.

Долл продолжал держать винтовку на прицеле.

— Они, должно быть, знают, что мы здесь,— сказал Блонди.

— Так же, как мы знаем, что они там. Но может быть, там сидит только один человек, наблюдает за нами и ждет, чтобы перестрелять нас поодиночке. Старый чарли делает так не первый раз. Однажды единственный гук прижал к земле целый взвод. Мы думали, что окружены, и вызвали пару вертолетов. Когда очистили участок, все, что удалось обнаружить,— это одного мертвого гука, забившегося в крысиную нору.— Долл резко обернулся и ухмыльнулся: — Надо же, два вертолета и целый взвод, чтобы прикончить одного гука. Конечно, командиру взвода влетело по первое число...

Раздалась вторая очередь, на этот раз ближе. Пули с глухим стуком упали слева от нашей позиции. Долл и Блонди моментально повернули винтовки влево на звук торопливых шагов. Я застыл как статуя.

— Не стреляйте! — Огромное тело капрала Томаса возникло над нами в траве и свалилось у наших ног.

— Черт возьми, мы чуть не разнесли тебе башку,— проскрипел Долл.

Томас поднял голову.

— Вот, ушел и пришел,— задыхаясь, произнес он и сел.

— Что там случилось?

— Расскажу, когда достанем этого гука.— Он показал в направлении, откуда вели огонь.— Видите дерево справа, футов двадцать пять отсюда?

— Да.

— Эта сволочь сидит на дереве, футах в пятнадцать над землей.

— Я через траву ничего не вижу.

— И не надо. Он там совсем один. Достаточно обстрелять его сквозь траву.

— Откуда ты знаешь, что он один?

— Потому что он сделал из меня мишень для учебной стрельбы. Если бы их было больше, от меня бы мокрое место осталось. Да как вы не поймете? Он караулит Старика, как ты сказал. Ему оттуда видна вся река. Он, наверное, видел, как мы сюда заползли. Только не собирается драться со всеми сразу, а думает перебить нас по очереди, это ясно как день. Но теперь он дрожит от страха.

— Может, он уже давно смылся.

Томас покачал головой:

— Он не знает, что я его видел. Построимся в линию, но не вставать. Когда я открою огонь, стреляйте поверх травы. Выпустите по нему весь магазин.

Мы улеглись в ряд и навели винтовки. Томас открыл огонь, потом Долл и Блонди. Грохот стоял оглушительный. Я нажал спусковой крючок, но выстрела не последовало: винтовка стояла на предохранителе. Я спустил предохранитель, когда они уже опустошили магазины. Среди ружейной трескотни раздался пронзительный крик.

Я не истратил ни одного патрона. Подумал о лежащем там сержанте: он так и не узнает, что я просачковал. Все вставили новые магазины, не подозревая, что я не стрелял. Томас медленно поднялся и выглянул поверх травы, держа наготове винтовку. Ухмыляясь, опустил ее.

— Поглядите, он все еще на дереве и уже никогда не спустится.

Мы встали. Казалось, стало еще тише, чем было до стрельбы. Дерево одиноко стояло в зарослях травы. Это было странное зрелище: одинокий часовой в открытом поле — каприз природы. И на нем необычный груз. Мертвое тело застряло в нижних ветвях, куда свалилось сверху. Автомат свисал с ремня, надетый на шею, и слегка покачивался, словно жил своей безмолвной жизнью.

— Автомат мой, — заявил капрал Томас.

— Можешь взять автомат, — сказал Долл, — а я беру уши. Это моя добыча.

Мы просидели в кустах минут пятнадцать — курили, разговаривали, чтобы снять напряжение и дать себе вре-

мя убедиться, что территория очищена. Томас рассказал, что с ним случилось. Долл слушал не перебивая, но по самодовольному выражению его лица было видно, что он отмечает некоторые моменты в рассказе Томаса.

Капрал без труда дополз до тела Старика. Сержант Стоун был мертв, кровь сочилась из тысячи ран, внутренности вывалились на землю. Томас в поисках карты перевернул сержанта, чтобы обыскать его карманы, как вдруг гук открыл огонь из автомата.

— Я фактически залез в тело Старика,— сказал Томас.— У меня не было другого укрытия. Перепугался до чертиков, но не шелохнулся, притворившись мертвым. Я знал, что у гука осталось еще полмагазина, а потом ему надо будет перезарядить. Я приоткрыл один глаз и заметил, что он передвигается на дереве. Я решил, что он не станет слезать, чтобы проверить, жив ли я, потому что знает, что вы, ребята, сидите в кустах. Я молил бога, чтобы вы обстреляли его и дали мне передышку, но этого не произошло.

— Мы решили, что тебя шлепнули,— сказал Блонди.— Мы не знали, где он прячется и сколько еще гуков с ним.

— Да, я так и подумал, но не мог же я лежать там весь день. Я подождал, когда он снова зашевелился в ветках, потом бросился сюда. Застиг гада врасплох. Наверное, остаток магазина достался Старика.— Он задумчиво покачал головой.— Но ему уже все равно. Он спас мне жизнь, этот мертвый Старик.

Мы молчали, жадно затягиваясь сигаретами. Интересно, сколько лет было Старика. Он был намного старше меня. Пожалуй, года двадцать три. Но я не стал спрашивать.

Наконец Долл нарушил молчание, спросив деловым тоном:

— Взял карту?

— Нет, но теперь она не нужна.

— Нет, нужна. Возьмем ее и пойдем дальше. Что толку здесь сидеть?

— Верно.— Томас помолчал.— Может быть, лучше вызвать штаб и доложить?

— О чем ты собираешься докладывать? — спросил Долл.

— О нашем местоположении. О минном поле. О Старике. И ведь мы столкнулись с чарли, разве не так?

— Подумаешь, один гук! И это пока все. К тому же мы не установили расположение сил противника. Я бы подождал, пока мы действительно не натолкнемся на что-то.

— Может, ты и прав,— неохотно согласился Томас.— Пошли.

Мы вышли из укрытия сначала с опаской, потом пошли смелее. Сержант лежал на берегу реки на том же месте, где я его видел. Его живот был словно распорот ножом мясника. Увидев, что у него между ногами ничего не осталось, я отвернулся. Томас взял карту, вынул все из карманов и сложил в свой ранец, потом перевернул тело лицом вниз. Долл забрал патронташ и винтовку Старика. Он вынул магазин и забросил винтовку в реку.

— Оттащим его в кусты,— сказал он.— Если гуки найдут Старика здесь, они разденут его догола. А когда вернемся, вызовем вертолет, чтобы его увезти.

Мы оттащили тело сержанта Стоуна — я так и не узнал, как его звали,— в высокую траву у самого берега реки. Потом занялись другим мертвецом, тем, что на дереве.

Томас дотянулся, обрезал ремень автомата и взял его себе. Долл обдумывал положение. Ему хотелось заполучить уши чарли, но тело повисло на толстом суку в шести футах над землей, и он не мог достать до головы. Долл хотел было стащить труп на землю, но раздумал. Ему понравилась идея оставить скрюченный труп на дереве. Это будет хороший ориентир для них на обратном пути. Он удовольствовался средним пальцем с правой руки чарли, который мог достать без труда и отрезать ножом. Потребовалось лишь какое-то усилие, чтобы перерезать кость.

Согласно карте мы сейчас находились строго на восток от ложины. От заминированного участка на берегу реки прямо на запад вела тропинка через заросли травы к опушке леса. Мы не пошли по тропинке, а стали пробиваться через высокую густую траву. Солнце стояло прямо над головой, раскаляя наши каски. У меня стучало в висках от жары, но еще больше мучила трава. Приходилось рубить ее на уровне глаз, чтобы уберечь лицо от режущих краев. Я держался вплотную к Блонди и не хо-

тел отрываться. Он был единственный человек, который проявил ко мне какое-то участие. Двое других заботились только о себе. Я вспомнил правило из курса начального обучения: на первом месте задание, на втором твои солдаты, а потом уже ты. Чепуха! Долл научил меня истине: на первом месте своя шкура, потом твой приятель, и наплевать на задание. Так было в этом первом патруле, и так было в течение всего года моей службы во Вьетнаме. Спросите любого, кто был там в шестьдесят восьмом и шестьдесят девятом годах. Если они скажут вам другое, значит, врут. Перед лицом возможной казни на электрическом стуле за совершенное мною я не стану лгать. Ложь мне не поможет.

Я не могу отвлекаться от условий, в которых пишу. Решетка камеры в грех футов от меня, и мой тюремщик стоит на страже, пока я пишу. Иногда трудно сосредоточиться на том первом патруле и на всем, что потом последовало. Это кажется мне теперь таким нереальным. Единственная реальность для меня — это предстоящий суд. И все же мне нужен строгий взгляд тюремщика, который не может скрыть ненависти ко мне. К счастью, он бессилен мне помешать. Итак, я продолжаю.

5

Мы достигли опушки леса без приключений. Медленно, с трудом пробивались через заросли травы, усталые как собаки от жары и душевного напряжения, постоянно настороже в ожидании противника. Пока не встретился мальчик на берегу реки, патруль был самым обычным. Мы испытывали только физические трудности. Но убийство мальчика подействовало на меня гораздо сильнее, чем телесные страдания. А внезапная гибель Старика и первая встреча с противником только усилили напряжение. Меня сковал страх перед противником и растущее беспокойство за товарищей по патрулю.

Перейдя реку, мы оказались на территории противника, на его поле, только это была скорее игра в прятки, чем в бейсбол. В приюте, когда мои товарищи прятались, а я должен был их искать, я в напряжении ждал неожиданного. Но когда я прятался, напряжение спадало, потому что я мог наблюдать за искавшим из своего укрытия. На войне я быстро постиг, что всегда ищу, а противник прячется, наблюдает и ловит момент, чтобы за-

стигнуть меня врасплох. За этот долгий год я никак не мог привыкнуть к такому положению, но никогда у меня не были так натянуты нервы, как в этом первом патруле.

Когда мы наконец остановились на опушке леса и бухнулись на землю отдохнуть и перекусить в тени, я уже превратился в сплошной комок нервов. Хотя уже больше семи часов у меня во рту не было ничего, кроме чашки кофе, я едва смог проглотить два кусочка из своего сухого пайка. Зато осушил почти половину фляги, и часть воды стекла по подбородку под рубашку. Я сразу почувствовал облегчение, внутреннее и внешнее.

Остальные ели с большим желанием, особенно капрал Томас, который не терял аппетита ни при каких обстоятельствах. Блонди, почувствовав мое состояние, предложил мне единственное в этих условиях лекарство — еще одну сигарету с марихуаной, всю для меня. Я был ему очень благодарен. Докурив, я размяк, как тряпичная кукла, но внимание мое обострилось. Я с интересом наблюдал за капралом Энди Доллом. Он разглядывал нас с выражением презрения на лице, не наслаждался отдыхом на траве, и мы, остолопы, были ему ни к чему, только раздражали. Капрал Томас сидел в стороне, откинув голову на ствол дерева и закрыв глаза.

Блонди дружелюбно толкнул меня и усмехнулся:

— Тридцать один с половиной день, и потом рай.

Я рассмеялся.

— Курите, курите, — проворчал Долл, — и пуля гука сразу отправит вас в рай!

— Хочешь травки, дружище Энди? Она тебя смягчит.

— Я не такой дурак.

— Конечно, ты не дурак. Ты охотник за трофеями.

— Что ты хочешь сказать?

— Что ты сделаешь с пальцем чарли? Заткнешь им задницу?

— Придержи язык, болван. Я еще могу тебе очень скоро понадобиться.

— Как понадобился Старикау?

— Старик в раю.

— Аминь.

— Бросьте! — вмешался капрал Томас.

Он достал карту и расстелил ее на земле. Вместе с Доллом они стали изучать и обсуждать маршрут через

лес к лошине. Томас предложил двинуться на юг, а потом свернуть направо, чтобы подойти к лошине сбоку. Долл возражал, потому что пришлось бы лишний час пробираться лесом. Он был за то, чтобы идти к лошине напрямик. Томас не соглашался, но не мог объяснить почему. Никто из них не знал, где скрывается противник в этом лесу, если он там есть, но Томас настаивал на своем и требовал, чтобы Долл согласился с его планом, как соглашался с сержантом Стоуном. Так должен был поступить «второй номер», которым теперь стал Долл. Однако он не мог поддакивать Томасу. Он оспаривал его мнение, не выступая открыто против его власти, но Томас знал его достаточно хорошо и понимал, что за этим кроется. Он все еще испытывал сильную досаду оттого, что Долл перехватил инициативу, после того как разнесло на части Старика. Томас твердо решил заставить Долла признать его власть, а Долл точно так же решил поставить ее под сомнение. Борьба была неравная. На стороне Томаса была только храбрость, а она не могла сравниться с проницательностью Долла.

Прислушиваясь к их перепалке, я подумал, что, если бы у меня было право выбора, я предпочел бы следовать за Доллом. Мне не по душе были личные качества капрала Энди Долла. Это был прирожденный убийца, но вместе с тем он был осторожен и сумел выжить, а мне отчаянно хотелось остаться в живых.

К тому времени, меньше чем за восемь часов патрулирования, я стал свидетелем нелепой смерти мальчика, нелепой смерти его убийцы и тоже нелепой смерти неизвестного врага, которого мы фамильярно называли чарли. Все это представлялось мне ужасным безумием, тем более что я был готов следовать инстинктам незнакомаго человека, который отпилил палец у мертвого.

И вот такую мерзость я вынужден был терпеть в тот день и во все дни моего пребывания на войне. Я вспомнил, как однажды читал, что человеку необязательно съесть дерьмо, чтобы узнать, что оно невкусное, и поверил этому. Но больше не верю. Все зависит от человека.

В тот момент, если бы это было в моих силах, я поставил бы во главе патруля какого-нибудь генерала — нет, самого президента. Что знает президент, сидя в тиши своей овальной комнаты о том, как жрать дерьмо своей

войны? Хотел бы я, чтобы он ощутил отвратительный вкус, какой я чувствую во рту.

Таковы были мои дурацкие мысли, когда я размышлял о нелепости своей жизни в этом тихом, тенистом лесу, где таятся маленькие люди в черных пижамах, готовые меня убить. У них было правое дело — у меня ничего.

Обсуждение нашего маршрута через лес кончилось тем, что Томас неохотно согласился с мнением Долла, но лишь потому, что мы не укладывались в сроки. Итак, мы направились прямо в лощину. Долл вызвался идти впереди, и Томас на этот раз охотно согласился. Быть вторым номером было спокойнее. Ведущий всегда подвергается большей опасности. Это доказал сержант Стоун. Но, думаю, у Томаса была другая цель. Если бы мы в чем-то не справились с задачей, рассчитывал он, то ответственность легла бы на Долла. Бедняга не подумал, что начальником патруля официально числится он и, что бы ни случилось, отвечать будет именно он. Выкуренная травка не обострила его ум, только чувства. А этого ему и надо было.

Лучи света, пробивавшиеся сквозь листву деревьев, создавали ряд завес, через которые трудно было смотреть вперед. Это сияние утомляло глаза. Я стиснул зубы и сосредоточил все свое внимание на лежащей впереди местности. Голова была ясная, но я дрожал от волнения. Травка переставала действовать. Тем не менее я упорно тащился вперед, не позволяя себе расслабляться от света и теней леса. На деревьях было полно птиц, и каждая издавала свои трели. Они громко отдавались у меня в ушах, усиливая напряжение. Я не мог заставить их замолчать. Травка обостряла слух. Такое же влияние она оказывала и на Томаса. Чуть ли не с каждым шагом его голова дергалась то вправо, то влево на звук шелестящих листьев или крик птицы. Он нервничал, и это передавалось другим. Меня пугало жужжание насекомых вокруг головы, и звук наших шагов казался слишком громким. На Блонди, похоже, тоже действовали лесные звуки.

Только Долла, казалось, они не тревожили. Он твердо шагал вперед, все дальше отрываясь от нас, пока Томас не приказал ему замедлить шаг. Долл остановился и по-

глядел назад. Какая-то птица с визгливым криком перелетела через нашу дорогу и скрылась в листве. Справа раздался звук треснувшей ветки. Мы все услышали его и остановились как вкопанные. Звук доносился из зарослей. В колючем кустарнике что-то зашевелилось. Томас среагировал быстрее всех, бросившись ничком на землю. Блонди и я упали рядом. Долл остался на ногах, только присел, направив винтовку на кусты. Оттуда раздался громкий треск. Долл открыл стрельбу, поливая огнем кусты. Томас стрелял короткими очередями. Блонди и я не стреляли, не видя, во что целиться. Послышался странный храп и стон. Кусты затряслись как живые. Долл выпустил весь магазин. Прорываясь сквозь заросли, из кустов вышел буйвол. Он шатался, из его большой головы лилась кровь. Томас разрядил весь магазин прямо ему в глаза. Буйвол рухнул на землю в шести футах от нас. Его тонкие ноги дернулись в предсмертной судороге, точно так же, как ноги того мальчика на берегу реки. Мы испытали огромное чувство облегчения.

Долл подошел к животному и пнул носком ботинка его окровавленную морду. Он ухмыльнулся:

— На нашем счету один убитый гук и один убитый гуковский буйвол.

— И один убитый мальчик,— добавил я, не сумев сдержать себя впервые за весь день.

— Правильно. А я и забыл о нем. Значит, два убитых гука. Недурно.

— Долл, а ты не собираешься отрезать буйволу уши? — поддел его Блонди.— Ведь у него нет пальцев.

— Пошел к чертовой матери, болван!

— Я просто подумал о твоей коллекции трофеев.

— Предупреждаю тебя, брось приставать.

— Ладно,— сказал Томас. Он был на ногах и заряжал новый магазин.— Пошли. Мы достаточно здесь на шумели.

Мы пошли лесом осторожнее, опасаясь, что наша стрельба всполошила гуков. Наши опасения не оправдались. В два часа мы вышли на опушку леса, не обнаружив никаких признаков противника. Впереди было рисовое поле, а за ним лощина у подножия западных холмов. Мы остановились под прикрытием деревьев, чтобы обдумать следующий шаг. Мы знали, что противник засел на холмах и может накрыть минометным огнем все, что движется через поле. Но чего мы не знали и что нам при-

казали выяснить, это степень его активности в лощине. Спускается ли он с холмов? И если да, то с какой целью?

Глядя через ничейную землю рисового поля, я подумал, что поставленная нам задача не для патруля. Если наша разведка подозревает, что противник создает в этой лощине арсенал, почему его просто не разбомбят? У нас хватает огневой мощи, и не беда, если даже мы растратим ее попусту. Пути армейского начальства неисповедимы, но пути патруля ясны. Начальство не рискует жизнью — мы рискуем. Мы получили приказание, но не собираемся выполнять его неразумно. Мы стояли на опушке леса, не двигаясь с места, в ожидании каких-нибудь признаков деятельности противника. Долго ждать не пришлось.

Неизвестно откуда появились четыре вьетнамца в крестьянской одежде, по-видимому невооруженные. Они шли с севера и пересекали рисовое поле, направляясь к лощине. Долл был убежден, что это вьетконговцы, и хотел открыть по ним огонь, но Томас воспротивился, напомнив, что наша задача — наблюдать и докладывать, не вступая в бой с противником без крайней необходимости. Наша позиция в тени деревьев была идеальной, и Доллу не терпелось обстрелять крестьян. Такую хорошую возможность нельзя было упускать, но он не решался противоречить новому начальнику патруля, да еще при двух свидетелях, явно не симпатизирующих ему. Мы следили за вьетнамцами, пока они не скрылись в густых зарослях лощины.

Томас был в нерешительности относительно наших дальнейших действий, и Долл подсказал:

— Пора связаться по радио с командиром взвода, доложить добытые сведения и запросить огневую поддержку для обстрела лощины.

— Но мы пока еще не знаем, что там есть, — возразил Томас.

— Мы знаем, что там четыре гука, — отвечал Долл. — Доложи, что мы видели восемь.

— Но ведь это вранье!

— Да, вранье. А ты что, хочешь перейти поле и узнать сколько их там?

— Меня смешают с дерьмом, если окажется, что в этой лощине нет ничего, кроме четырех невооруженных гуков.

— Как они узнают? Восемь вьетконговцев — это уже подразделение. Попробуй доложи, что мы уже убили одного гука и потеряли Старика. Это будет более убедительно.

— Ну и гад ты!

— Пусть, — согласился Долл. — Ты собираешься включать рацию или нет?

Томас больше ничего не мог предложить. Он вызвал по радио командира взвода лейтенанта Колдрона и доложил о действиях патруля. Он подробно сообщил об уничтожении снайпера и о гибели сержанта Стоуна, но об убийстве мальчика не упомянул. Я понял, что Томас и Долл намерены скрыть это дело.

Держа перед собой карту, Томас передал координаты минного поля и того места, где вьетконговцы вошли в ложину. На лейтенанта Колдрона это произвело впечатление, и он охотно согласился, когда Томас нерешительно предложил нанести артиллерийский удар по этому месту. Лейтенант сказал, что пошлет вертолеты, вооруженные ракетами и пулеметами, для обстрела всего района. Он приказал патрулю наблюдать за налетом со своей позиции на опушке леса и наводить по радио вертолеты на цель. Если потребует обстановка, он пришлет в этот район подкрепление. Томасу со своим патрулем оставаться на месте и держать связь. Томас обрадовался этому решению лейтенанта, поставив его себе в заслугу, к досаде Долла, который тем не менее был готов пойти на уступки, если и Томас пойдет.

Мы сидели на траве на опушке леса, отдыхали и наблюдали за рисовым полем в ожидании вертолетов. Но тут выскочил Долл со своим вопросом.

— Ты все еще собираешься доложить обо мне, когда вернемся? — обратился он к Томасу.

Опираясь о ствол дерева, Томас натянуто улыбнулся:

— Подумаю.

— Почему бы просто не забыть об этом? Ведь ты знаешь, что я был прав.

Томас подался вперед:

— Я знаю, что ты покинул меня в беде. Тот гук чуть не убил меня. Господи, как я молил, чтобы вы открыли огонь, но ничего, ничего! — Это обвинение относилось ко всем нам. — Я не могу этого забыть.

— Мы не знали, что там делается, — возразил Долл.

— Сволочь! А разве ты знал, что делается в этих ку-
тах, когда поливал их огнем, охотник за буйволами?

— Я думал, что это чарли.

— А кто же, черт возьми, ты думал, стреляя в ме-
ня, а?

— Мы ничего не видели.

— Брось! Нечего было видеть. Узнать гуковский ав-
томат можно на слух. Но это была не твоя шкура.

— Оставь, Томас. Ты не должен иметь зуб против
меня. Они тоже виноваты.

— Да, но ты должен был пойти за картой. И если бы
этот гук прижал тебя к земле, я бы не побоялся поста-
вить себя под удар. Я сделал это для Старика, но он
умер.

— Тебе нужна была карта.

— Нам была нужна карта, умник. Ведь по этой кар-
те сюда пришлют вертолеты. В то время как ты про-
хлаждаешься в покое и безопасности.

— Это была моя идея.

— Пошел ты к... Не раздражай меня. Ты хочешь все
очки приписать себе.

Долл стиснул зубы и промолчал. Я подумал, что То-
мас зашел слишком далеко. Не то чтобы я его обвинял.
Долл это заслужил, да и мы тоже. Но Долл был мсти-
тельный тип. Я надеялся, что он не станет мстить. Я его
боялся.

Через несколько минут появились три вертолета. Они
кружили высоко над рисовым полем, чтобы сориентиро-
ваться, прежде чем нанести удар. Томас связался с ни-
ми по радио и сообщил наше местонахождение на опуш-
ке леса. Он уточнил место, где вьетконговцы вошли в
лощину, и вертолеты приступили к делу. Они развер-
нулись позади нас, потом прошли обратно над самыми
вершинами деревьев. Рев их моторов звучал успокаиваю-
ще. Теперь мы были не одни. Вертолеты пронеслись через
рисовое поле прямо на цель. Летя рядом, они выпустили
ракеты в пятидесяти метрах от края лощины. Одновре-
менно бортовые стрелки поливали лощину пулеметным
огнем. Огонь был оглушительным, и я смотрел зачаро-
ванный, как они дошли до конца маршрута и резко
взмыли вверх, чтобы не задеть холмы. Лощина поглоти-
ла разрывы ракет, и снова наступила тишина, когда вер-
толеты развернулись над лесом и легли на обратный курс.

Никаких признаков противника не было. Ни из лощины, ни с холмов огня не вели.

— Мы опять опростоволосились,— удрученно сказал Томас Доллу.

Долл ничего не ответил.

Вертолеты с ревом вернулись для второго удара, на этот раз направившись вправо. Они повторили атаку на малой высоте. Ракеты поразили цель. Раздался сильный взрыв, из лощины взметнулся огненный шар, полетели осколки. В трескотне пулеметов вертолеты стали набирать высоту.

— Склад боеприпасов! — радостно воскликнул Долл и хлопнул Томаса по спине.— Разве не замечательно?

— Замечательно, дружище.

Мы наблюдали, как вертолеты набирают высоту. Есть момент, когда вертолет зависает перед набором высоты. Противник знает этот момент и дожидается его. На этот раз чарли был подготовлен. С холма на уровне вертолетов противник открыл огонь из автоматического оружия. Два крайних вертолета разошлись в стороны. В тот момент, когда средний поворачивал влево, он вспыхнул и взорвался. Разорванные взрывом части попадали на зеленый склон холма, не оставив никаких следов его гибели. Нас ошеломила внезапность его исчезновения — всех, кроме Долла. Он был слишком возбужден боем и тем, что мы обнаружили противника. Долл потребовал, чтобы Томас доложил сведения в штаб и попросил поддержки наземной артиллерии и дополнительных вертолетов. Томас послушался, почувствовав облегчение оттого, что за него думает кто-то другой. Его красочное описание взрыва в лощине привело лейтенанта Колдрона в восторг, а потерю вертолета он воспринял как обычное дело. Лейтенант снова запросил координаты лощины и сообщил Томасу, что наземная артиллерия пристреляется. Кроме того, на рисовое поле будут направлены два отделения, находящиеся поблизости, для наступления на лощину вместе с его патрулем. Последнее сообщение потрясло меня. Долл заметил мою тревогу и набросился на меня:

— Ты за весь день ни разу не выстрелил из своей паршивой винтовки, паренъ! Да, да, я заметил. Но теперь у тебя не будет оправдания. Старый чарли ждет тебя в лощине и нисколько не сочувствует перепуганным соплякам. И я тоже.

— Оставь парня, Долл, — вмешался Блонди. — Это его первый патруль. Дай ему возможность...

— Этот подонок имел уже две возможности. Но он не стрелял ни в гука на дереве, ни в буйвола.

— Я тоже не стрелял в буйвола. Не все стреляют без разбора.

— Лучше приготовься стрелять, когда пойдем через поле, если не хочешь быть убитым в бою.

— Кем убитым — чарли или тобой?

Долл не ответил, но встретил осуждающий взгляд Блонди, не отводя глаз. Они поняли друг друга, и я понял их. У меня пробежала дрожь по спине от их враждебности.

В течение следующего часа боевые действия усилились, и мы оказались в самой их гуще — некогда было предаваться своим мыслям. К тем двум вертолетам присоединились еще три, и все сосредоточили удары по тому месту в лощине, где взорвался склад боеприпасов. Кроме того, появились два самолета — корректировщики огня артиллерии. Мы наблюдали за развертыванием наступления, пока слева не подошли два отделения. Потом мы вместе с ними пошли через поле, в то время как вертолеты пикировали на вражеские позиции на холмах, а наша артиллерия, взаимодействуя с ними, вела огонь вдоль лощины. К счастью, противник был слишком занят ведением огня по вертолетам, чтобы помешать нашему продвижению через поле. Если не считать нескольких мин, которые взрыли землю, мы добрались до края лощины без происшествий. Теперь нам приказали проникнуть в лощину и вступить в рукопашный бой с противником. Этого момента я боялся больше всего. По какой-то причине, непонятной для меня в то время, я меньше боялся лишиться жизни, чем лишиться жизни противника. Я вспомнил замечание Блонди, что убийство «придет само собой». Я так не думал, не думал и Долл. Он не спускал с меня глаз, ожидая промаха с моей стороны.

Когда мы приблизились, наша артиллерия прекратила огонь. За два дня пребывания в лагере я наслушался историй о солдатах, убитых своими снарядами. Выжившие рассказывали об этом крайне осторожно, так как начальство не хотело, чтобы эти факты стали известны. Это отражалось на моральном состоянии и портило представление об армии на родине. В нашем случае радиосвязь дей-

ствовала хорошо, и лейтенант Колдрон тщательно координировал действия всех подразделений, участвующих в наступлении.

При последнем ударе перед выходом из атаки вертолеты обстреляли ракетами пункт посредине лощины. Удар пришелся не только по деревьям и земле. Что-то взорвалось и горело, выбрасывая вверх ярко-оранжевые языки пламени. Это было ободряющее зрелище.

Мы углубились в густые заросли лощины. Продвигаться было трудно. Сплетение кустарника было таким плотным, что мы не видели друг друга на расстоянии пяти метров. Наш патруль продвигался между двумя отделениями. Мы двигались как стрела при замедленной съемке: Долл во главе, за ним Томас, потом рядом мы с Блонди. Вокруг громко ругались солдаты, когда оружие или одежда цеплялись за колючие ветки. Стояла жестокая жара, а когда приходилось прилагать столько усилий, чтобы пробиться через заросли, она становилась просто невыносимой. Но успокаивала численность наших рядов и действия авиации. Я чувствовал себя в безопасности, хотя это было далеко не так.

Кроме шума, издаваемого нами, в зарослях было тихо, слишком тихо. Мы прошли, должно быть, метров сорок, от силы пятьдесят, когда тишину нарушил настоящий огневой налет. Автоматы били по нас с обеих сторон и спереди. В этих джунглях я не мог видеть, откуда ведут огонь, но пули свистели над головой и летели через кусты. Многие достигали цели, и солдаты, вскрикнув, исчезали в кустах. Я был слишком испуган, чтобы думать о чем-нибудь, кроме своего спасения. Только позднее я поразился, что в лощине могло оставаться столько солдат противника, после того как ее так тщательно обрабатывали ракетами и артиллерийским огнем. Живучесть чарли была самым поразительным фактом, который я усвоил за этот год войны.

Вокруг меня трещали винтовки, ведя огонь по невидимому противнику. Только моя молчала, потому что Блонди и другие солдаты были впереди меня, и я смертельно боялся в них попасть. Стрельба продолжалась вслепую, вызывая смятение в наших рядах. Солдаты выкрикивали приказания, противоречащие одно другому. В результате никто их не выполнял. Прошел слух, что командиры обоих отделений убиты. Это усилило неразбериху.

Навел порядок в этом хаосе Долл. Он заорал во все горло, приказывая прекратить огонь. Его голос звучал властно, и команда дошла до солдат. Огонь прекратился. К нашему удивлению, противник тоже перестал стрелять. Наступила жуткая тишина. Мы окопались и ждали, напряженно вслушиваясь в звуки, которые могли бы подсказать, где находится противник. Все было тихо.

Долл, пробираясь через кусты, обнаружил, что оба отделения потеряли своих радистов. Были разбиты и их рации. Единственная действующая рация оставалась у нас. Томас связался с командиром взвода, а говорил Долл. Он доложил лейтенанту Колдрону наши координаты и сообщил о стычке с противником, отметив, что тот превосходит нас по численности и что мы вынуждены залечь. Я восхищался самоуверенностью, с какой он отвечал на вопросы лейтенанта.

— Сколько там вьетконговцев?

— До черта! Больше, чем нас, лейтенант.

— Но ведь мы расколошматили их, прежде чем вы вошли в лощину.

— Да, но все же они здесь.

— Что с двумя другими отделениями?

— Они истекают кровью.

— Где их командиры? Почему не докладывают?

— Они убиты. Радисты тоже убиты, и рации вышли из строя.

— Сколько убитых и раненых?

— Хватает. Что, пойти сосчитать?

— Спокойно, капрал.

— Слушаюсь, сэр лейтенант.

— Что вам нужно?

— Больше огня. Вертолеты поразили что-то большое, перед тем как мы вошли. Гуки держатся за то, что осталось.

— Вы не можете это захватить?

— Не с такими силами.

— Где капрал Томас?

— Здесь, рядом, держит эту чертову рацию, сэр.

— Он должен был доложить.

— Я собрал сведения. Лучше передать их прямо, для экономии времени.

— Хорошо. Вам там виднее. Что вы думаете, капрал? Мы можем подкинуть артиллерийского огня, но это довольно опасно.

— Опасно. Чарли не больше чем в пятидесяти метрах от нас. Могут нас зацепить.

— Мы не хотим лишних потерь.

— Да, сэр. Мы тоже не хотим.

— Тогда убирайтесь к чертовой матери оттуда! Отходите на рисовое поле. Я пошлю «кобры».

— Дайте нам десять минут, чтобы вынести убитых и раненых.

— Хорошо. Десять минут. Берегите Томаса. У него единственная действующая радия.

— Слушаюсь, сэр. Благодарю вас, сэр.

— Десять минут. Отправляйтесь и стойте на приеме.

Мы отошли к полю, взяв с собой убитых и раненых. Чарли учуяли наше отступление и открыли огонь. Мы оставили несколько солдат прикрывать тыл. Наши флаги оказались не защищены, но огня оттуда не было. Густина джунглей действовала в нашу пользу. Вьетконговцы не оставляли своих позиций. Что бы там ни было, в этой лощине, они намеревались ее защищать.

Когда мы прорвались через лианы назад, к краю лощины, то увидели, что через поле приближаются два санитарных вертолета. Противник открыл минометный огонь с холмов по лощине, рядом с нами. Из влажной земли вздымались гейзеры грязи. Мы продолжали сидеть под прикрытием листвы, ожидая, пока садут вертолеты. Погрузить убитых и раненых надо было быстро. Вертолеты могли находиться на земле не больше минуты.

Долл в течение всей операции руководил действиями и наблюдал за эвакуацией. Он взял на себя командование, и никто не возражал. Оставшись без командиров, оба отделения были рады, что кто-то взял на себя ответственность за них. Даже Томас примирился. Смятение в лесу граничило с паникой, и находчивость Долла, сумевшего вывести нас из лощины, быстро создала ему авторитет.

Поскольку заградительный огонь минометов испещрил поле воронками, вертолеты задержались и вызвали огонь на подавление. Долл связался с ними по радио и сообщил, что у нас четверо убитых и пятеро раненых. Через несколько минут наша артиллерия открыла плотный заградительный огонь по холмам, чтобы позволить вертолетам сесть. Все шло как часы. Вертолеты подлетели, и не успело их шасси коснуться земли, как высочили санитары с носилками и поспешили к нам. Сначала погрузили, без особых церемоний, мертвых. Двоих тяжелора-

ненных отнесли на носилках. Санитары обращались с ними осторожно. Остальные трое раненых сумели забраться сами. Пилоты не выключали несущие винты и жестами поторапливали солдат. Эвакуация закончилась меньше чем за минуту, и вертолеты с ревом поднялись над вершинами деревьев, поспешно пересекли поле и ушли. Мы почувствовали облегчение, когда с наших плеч свалилось это бремя. Во время всей операции не было ни одного минометного выстрела — таким мощным был огонь нашей артиллерии на подавление.

Когда вертолеты улетели, Долл радировал лейтенанту Колдрону о результатах и нашем местоположении и получил сообщение, что сильно вооруженные «кобры» находятся в пути.

Огневой бой длился до самого вечера. Пикирующие «кобры» сосредоточили огонь на том участке лощины, где мы натолкнулись на противника, а артиллерия методически обстреливала холмы. Координированный удар ослабил огонь противника с холмов, так что «кобры» могли наносить удары по лощине с большей точностью. Время от времени их ракеты вызывали взрывы в тех местах, где под зеленым ковром джунглей окопались вьетконговцы. Ответный ружейный огонь был рассеянным и неэффективным и вскоре совсем прекратился, что позволило «кобрам» обстрелять на бреющем полете лежащую внизу местность. Каждый новый взрыв сотрясал землю, и взрывная волна доходила до нас, находившихся в двухстах метрах, на краю поля.

В течение всей операции Долл оставался у рации, навел вертолеты и корректируя огонь артиллерии. Результаты ударов он докладывал командиру взвода. Лейтенант Колдрон был в восторге от его сообщений и похвалил Долла за успех патруля, обнаружившего опорный пункт противника. Долл был доволен. На его долю выпал напряженный и радостный день. Он вызвал восхищение солдат умелым руководством и тем, что ему удалось вывести их из боя. Мы все почувствовали большое облегчение, окопавшись на краю лощины, в то время как другие воевали за нас.

С наступлением темноты артиллерия прекратила огонь, а «кобры» нанесли последний удар и взяли курс на базу. Замирающий рокот их моторов подчеркивал во-

царящуюся вокруг тишину. Еще минуту раздавался странно успокаивающий грохот рвущихся снарядов, потом все смолкло и наступила зловеющая тишина. Так началась моя первая ночь в поле, всего в двухстах метрах от противника, если он еще здесь оставался. Я молил бога, чтобы он сделал передышку на ночь.

Нам было приказано в течение ночи оставаться на своей позиции, а с утра вернуться в лощину и разведать результаты ударов «кобр». Мы устроились, выставив на ночь плотное охранение. Я улегся в кустах, прижавшись спиной к Блонди, так, чтобы движение одного разбудило другого. Лежать было неудобно, зато была уверенность, что не убьют одного, не разбудив другого. Тем не менее в эту вьетнамскую ночь я не сомкнул глаз. В мозгу кружились события моего первого боевого дня. Я был плохо к ним подготовлен. Одно дело, когда тебе говорят, что каждый вьетнамец потенциальный враг и его надо уничтожать, и совсем другое — приводить это в исполнение. Мои мысли то и дело возвращались к убитому мальчику. Неужели из всего патруля это тревожило только меня? Была ли это просто еще одна жертва войны, подобно сержанту Стоуну, снайперу и буйволу? Неужели нет никакой разницы? Я не мог примириться с бесцельным убийством мальчика. Это лишало смысла всю жизнь. Меня преследовал образ мальчика на берегу реки. Если я не доложу об обстоятельствах его смерти, станет ли это когда-нибудь известно? Я решил, что обязан доложить. Если я промолчу, то стану соучастником преступления. Моя совесть восставала против этого. Однако я боялся докладывать один. Мне хотелось, чтобы кто-нибудь еще подтвердил факты. Но кто? Долла и Томаса я отверг сразу. Ясно, что Доллу наплевать на чью-либо жизнь, кроме своей. А Томас вряд ли станет выступать против системы, особенно если это связано с осуждением действий начальника его патруля, к тому же мертвого. Оставался Блонди. Он не проявлял открытого возмущения убийством мальчика, но можно было догадаться, что он чувствует. Я мог надеяться только на него, только он мог подержать меня в моем решении.

Мы лежали в кустах спина к спине. Уже наступила темнота. Мы съели свой холодный паек. Блонди ругался, что нельзя выкурить марихуану. Ему ужасно хотелось, и

мне тоже. Но светить сигаретой было опасно. Все улеглись спать, кроме солдат в охране. Наша безопасность была в их руках. Я лежал без сна, прислушиваясь к ночным звукам джунглей, напрягая слух, чтобы уловить шум, исходящий от человека за пределами нашего лагеря. Потом напряженность ослабла. Я слышал неровное дыхание Блонди и знал, что он не спит. Не заставляю ли его бодрствовать те же мысли? Я перевернулся на спину и слегка поддел его локтем. Он повернулся ко мне лицом. Мы заговорили шепотом.

— Вот так денек, — начал я.

— Да. Но зато одним днем меньше. Вот что важно.

— Всегда так бывает?

— Бывали дни намного хуже, но для первого раза ты получил хороший урок.

— Что значит хуже?

— Больше убивали.

— И перерезали горло?

— Забудь об этом мальчишке. Тут нет ничего особенного.

— Я не могу этого забыть.

— А гибель Старика? Она тебя не мучает?

— Конечно. Но не надо было ему убивать мальчишку. Не было для этого никакой причины.

— Он не мог ждать, пока появится причина. Ведь мальчишка мог нас всех погубить. Об этом ты подумал?

— Каким образом? Он сказал нам, что чарли на том берегу, и боялся идти с нами.

— Ну и что?

— Значит, он не был врагом. Он просто вышел ловить рыбу для пропитания.

— Ерунда. Ты бы его отпустил, да? А он побежал бы обратно в свою деревню и сообщил, где мы находимся. И через десять минут мы попали бы в засаду.

— Ты в самом деле веришь, что этот мальчишка был вьетконговец?

— Он мертв, а всякий мертвый гук вьетконговец.

— Ты рассуждаешь, как Долл. Я думал, ты другой.

— Поди ты, Гласс! Что ты знаешь? Долл убийца. Здесь много убийц, но я не из таких. Я никого не убивал за триста тридцать три дня. Тридцать четыре. Я никому не отрезал уши, а это обычное дело. И не я перерезал горло этому мальчишке, но не мне быть судьей в этом деле. Не для того я здесь.

— Да, ты не такой, как Долл,— извинился я.— Но неужели ты не понимаешь, что убить деревенского мальчишку не то же самое, что отрезать ухо мертвому солдату?

— Я знаю только, что могу делать и что не могу. Я мирюсь со всем, что здесь происходит. И ты лучше поскорее привыкай, если хочешь выжить.

Я не отступал от своего решения:

— Когда мы вернемся, я собираюсь в точности доложить, что случилось с этим парнишкой. Кто-то должен об этом рассказать.

— Он мертв, и Старик мертв. Какое это теперь имеет значение?

— Я не мертв, и это имеет значение для меня.

— Ты просто спятил и психуешь, потому что это твой первый патруль. Поверь мне: я знаю, что ты чувствуешь. Я тоже пережил это, но ко всему привыкаешь. Через пару дней ты забудешь об этом мальчишке. Прежде чем кончится твой срок, ты забудешь многое похуже сегодняшнего дня.

— Ты не понимаешь. Я не хочу забывать.

— Если будешь все переживать, то кончишь в психиатричке.

Я ничего не ответил. Пропасть между нами была слишком широка. Но Блонди не замолчал. Он беспокоился за меня, и я это оценил.

— Послушай-ка, Гласс. Когда мы вернемся, пусть докладывают Долл и Томас, слышишь? Как они скажут, так и было. Если ты откроешь рот перед лейтенантом, то попадешь в большую беду. Долл отъявленный негодяй. Знаю таких. Он уже невзлюбил тебя и может причинить тебе много зла. Много зла, понимаешь?

— Что он может сделать?

— Он может сделать тебя «случайной жертвой». Пустить в тебя пулю, вот что. Не связывайся с ним. И лучше постреляй куда-нибудь, прежде чем мы оставим лагерь. Конечно, можно испытывать страх, но не так долго. Ты слышишь?

— Слышу. Спасибо.

Блонди повернулся на бок и прижался ко мне спиной на остаток ночи. Он разочаровал меня, но я был рад, что он не убийца.

На рассвете мы двинулись обратно в лощину. Я радовался первым лучам солнца, пробивавшимся через листву деревьев. Они действовали успокаивающе. Когда мы осторожно пробирались через заросли, меня опять поразила нелепость нашего положения. Звуки джунглей были такими приятными, что трудно было поверить, что где-то нас подстерегает невидимый противник. Инстинкт самосохранения подсказывал мне, что надо бежать прочь из этой лощины. Мне было более чем достаточно зверств и смертей. Но я с трудом тащился вперед, повинаясь приказу и держа наготове винтовку. Только бездумное состояние, вызванное сигаретой с марихуаной, которую Блонди дал мне на рассвете, позволило кое-как держать себя в руках. Травка была моей скрытой силой, единственным утешением в этой лощине.

Пройдя метров сто в глубь джунглей, мы увидели первые признаки работы «кобр». Вырванные с корнем деревья в путанице изрезанных лиан, густые заросли, усеянные воронками. В одной из воронок распласталось маленькое тело в черной пижаме, немногим больше того мальчика на берегу реки. Прямым попаданием ему оторвало руки, босые ноги покрывала запекшаяся кровь, но втянутая в плечи голова была нетронута, а на плече все еще висела винтовка.

Первым к нему подошел Долл. Спустившись в воронку, он отрезал ухо мертвеца и сунул его в ранец. Томас взял винтовку и перекинул ее через плечо. Они напоминали опытных мусорщиков, довольных каждый своей добычей. К ним присоединились другие солдаты и захватили оставшееся: патронташ, второе ухо, нос, пальцы ног. Так оно и шло. Искалеченный труп раздал свои части на сувениры, и цена вражеского тела возросла.

Мы продолжали путь. Джунгли обгорели до коричневого цвета от зажигательных бомб. Было жарко и влажно. Тишину нарушало только щебетание птиц. Каким-то чудом они пережили разрушительный налет. И каким-то чудом выжил и противник. Больше не встречалось трупов — некого было обирать.

Однако многое говорило о том, что противник здесь был. Повсюду валялись разные предметы военного имущества. Разорванные мешки с рисом лежали на земле или свисали с лиан и ветвей; искореженные пулеметные стволы, орудийные лафеты, диски с патронами были разбросаны в радиусе сорока метров. Солдаты сновали среди

обломков, собирая сувениры. Вдруг в кустах разорвалась граната, и один из солдат вскрикнул. Мы попадали на землю, а из кустов на полянку, спотыкаясь, вышел раненый солдат. Половина его лица была снесена, другая представляла собой сплошную кровавую массу. Он, шатаясь, шел к нам, сжимая в руке пулеметный ствол, и изумленно глядел оставшимся глазом. Прежде чем кто-нибудь успел к нему подойти, он рухнул вниз лицом и затих.

Вторая граната разорвалась справа. Из кустов вышел другой солдат; его левая рука была раздроблена у кисти, из нее капала кровь.

— Все заминировано, — пробормотал он.

Долл вскочил на ноги и закричал, чтобы ничего не трогали. Противник заложил гранаты почти под всеми предметами. С наполовину вытянутыми чеками, они взрывались при малейшем сотрясении. Охотников за сувенирами перехитрили. Это стоило нам одного убитого и одного раненого и взбесило Долла. Он не мог понять, как противник сумел пережить атаку «кобр», а потом тщательно расставить гранаты. Он обзывал вьетнамцев подлецами, животными, нелюдьми и клялся уничтожить их до конца дня.

Раненого в сопровождении солдата отправили назад к полю ожидать вертолета, а убитого оставили на месте, чтобы вынести его позднее. С Доллом во главе мы углубились в лощину, медленно, осторожно выбирая дорогу, опасаясь гранат и мин. Не было заметно никаких признаков отступающего противника. Он ушел, унеся убитых и раненых. Очевидно, пока мы томились ночью в ожидании рассвета, противник успел заминировать брошенное имущество, рассчитывая, что мы его подберем. Не был ли путь его отхода нашей смертельной западней? Если такая мысль и пришла в голову Доллу, он отбросил ее. Он был убежден, что противник понес тяжелые потери и медленно отходит под их бременем. Он надеялся захватить его, прежде чем тот достигнет безопасного убежища на холмах. Хотя мы не разделяли его уверенности, не оставалось ничего иного, как ворча следовать за ним. Никто не мог оспаривать его власти, кроме Томаса, а тот, казалось, согласился передать командование Доллу.

Мы пробились еще на сто метров вверх по склону лощины. Заросли над головой были такими густыми, что не видно было неба, жара была безжалостная, а воздух

влажный и удушливый. С каждым шагом мы задыхались и с трудом дышали через рот. Над нами кружились тучи комаров и мух, привлеченные запахом пота. Мы тратили все силы, чтобы прорваться через паутину лиан и ветвей, но чем дальше проникали вглубь, тем гуще становилась растительность. Солдаты стали громче ворчать и проклинать все, что приходило в голову: джунгли, жару, глупого противника, который выбрал для боя эту сволочную дыру, и глупое командование, пославшее их сюда. В конце концов они излили свой гнев на человека, который их вел:

— Куда, к чертовой матери, он нас ведет, этот проклятый капрал?

— Нам не приказывали лезть в это дерьмо.

— Чего этот подонок добивается, черт бы его драл?

— Продвижения в звании, дурья башка!

И так далее, и тому подобное.

Долл слышал некоторые высказывания, но не обращал внимания. Ему было наплевать, что думают о нем солдаты. Он командовал, и его единственной целью было выследить и уничтожить противника. Он шел вперед как одержимый, продираясь через джунгли. Спотыкаясь и ругаясь, мы прошли за ним еще десять метров, потом еще. Изнурительная жара и цепкие, колючие лианы истощили наши силы и вымотали нервы.

Еще десять метров, и характер местности резко изменился. Мы пересекли лощину и достигли подножия холмов. Долл приказал остановиться, чтобы обсудить положение. Вместо того чтобы почувствовать облегчение от того, что лощина очищена от противника, он был явно разочарован тем, что не удалось войти с ним в соприкосновение. Он разносил мерзавцев гуков, которые нанесли нам удар и удрали. Усталые солдаты не разделяли его чувств. Они свалились в траву и закурили марихуану. Сладкий запах раздражал Долла, и он с презрением посмотрел на солдат, но ничего не сказал.

Рассматривая склон холма, он громко обратился к Томасу:

— Эти сволочи здесь. Я знаю. Они тащат своих убитых. Далеко ли они могли уйти?

— Не знаю. Но у нас не хватит сил туда подняться. Это территория противника. Он сидит там годами. Не наше дело вышибать его оттуда.

— Правильно, старина,— отозвался один из солдат.

— Наша задача обнаружить чарли и уничтожить его! — выпалил Долл.

Где я это слышал? Командный язык в устах убийцы.

— Вчера мы потеряли четырех убитыми и пятерых ранеными и еще двоих сегодня утром, — продолжал Долл. — И все, что можем за это предъявить, один мертвый гук там, позади.

— Дело не в цифрах, — возразил Блонди. — Мы очистили лощину. Это больше, чем от нас требовалось.

— Ни хрена мы не очистили. Это сделали вертолеты.

— Вертолеты тоже «мы». Это одно и то же.

— А я говорю, пойдем за ними навстречу.

— От нас не требовалось забираться так далеко! — спорил Блонди. — Они удерживают холмы, а мы сидим здесь, внизу, в этих проклятых зарослях, как цыплята в курятнике. Еще счастье, что нас пока не обстреливают из минометов.

— Они еще не знают, что мы здесь. Говорю тебе, что гуки сейчас лезут вверх по склонам. Мы можем их догнать.

— Лейтенант приказал нам разведать лощину. Он ничего не говорил о преследовании противника на холмах.

— Блонди прав, — подтвердил Томас. — Такого приказа не было.

— В бою надо действовать по обстановке. Ты это знаешь, Томас.

Томас встретил пристальный взгляд Долла. Я видел, как пот течет по его лицу и капает с широкого черного носа на толстые губы, скривившиеся в упрямой улыбке.

— Да, — сказал он, — и лично я считаю, что надо связаться с лейтенантом и доложить обстановку ему. Он принимает решение. Не ты и не я.

Долл взволновался. Он не ожидал возражений со стороны Томаса, но стоял на своем. Пришло время раскрыть карты.

— Ты против моего решения, Томас? Помни, что теперь я команду этим подразделением.

— Я все помню, детка. Все. — Томас постучал себя по виску.

Долл настаивал на своем:

— А я говорю, что мы полезем на холм.

Томас вместо ответа включил радию.

— Скажи это лейтенанту. Послушаем, что решит он.

— Выключи эту проклятую штуку! — Долл протянул

руку и повернул выключатель.— Нам не нужен лейтенант. Его нет здесь, а мы здесь.

— Спокойно, приятель. Мы не намерены лезть на этот чертов холм по твоей прихоти. Понял? Я не собираюсь подставлять под пули свою черную башку ради тебя, детка. Какого хрена ты добиваешься? Сержантских нашивок?

— Не забывай, Томас, что ты только ничтожный второй номер, как при Старике.

— Да, только ты не Старик.

Окружившие нас солдаты заворчали, одобряя позицию Томаса. Долл видел, что его авторитет рушится.

— Вызывай лейтенанта,— сказал он Томасу.— Я доложу об утренней операции.

— Слушаюсь, сэр,— насмешливо сказал Томас.

Никто не рассмеялся.

Томас установил связь, и Долл коротко доложил лейтенанту об утренних боевых действиях. Лейтенант Колдрон пришел в восторг от сообщения, что лощина очищена от противника, и еще раз похвалил Долла и солдат за участие в операции, обещав доложить результаты командиру роты. Пользуясь моментом, Долл попросил разрешения преследовать противника на холмах, подчеркнув, что тот обессилен и бежит и что мы можем нанести ему новые потери. К нашему удивлению, лейтенант Колдрон проявил трезвое понимание обстановки.

— Где вы сейчас находитесь? — спросил лейтенант.

— На краю лощины, у подножия холмов.

— Вы продвинулись достаточно далеко. Для наступления на холмы у вас мало людей.

— Но противник понес большие потери. Если мы его догоним на склонах, можно будет его уничтожить.

— Вас самих могут уничтожить. У него наверху достаточно огневых средств, чтобы обрушиться на вас.

— Он не станет обстреливать собственные позиции.

— Вы видите противника на склонах?

— Нет, сэр. Здесь очень густые заросли. Но он там, я знаю.

— Отходите назад, капрал, пока он не очистит склоны и не начнет вас обстреливать

— Слушаюсь, сэр. Но все же я хочу сказать...

— Выводите оттуда людей. Вы выполнили свою задачу. Когда командование решит взять холмы, вам сообщат.

— Слушаюсь, сэр.

— Доложите, когда вернетесь на рисовое поле, и мы обработаем склоны артиллерией. Если противник еще там, мы выполним эту работу за вас.

— Но, лейтенант, к этому времени он будет на вершине.

— Черт возьми, бросьте мне перечить! Приказываю немедленно отходить. Я не хочу больше терять людей. Командование довольно операцией. Не хочу, чтобы теперь вы ее провалили.

— Слушаюсь, сэр.

— А теперь пошевеливайтесь.

Несколько солдат двинулись обратно через лощину, не дожидаясь распоряжения Долла. Это его взбесило, и он приказал им подождать, пока он и Томас не станут в голове и не поведут их. Он был явно раздражен решением лейтенанта и громко жаловался Томасу, что так не воюют: сначала нанесут противнику удар, а потом дадут задний ход, как раз когда он на грани поражения. Вертолеты и артиллерия нужны для того, чтобы разрушить сооружения и ослабить сопротивление, но для захвата и удержания территории противника необходима пехота. На кой черт весь этот бой, если не закрепить успех?

— Завтра чарли вернется в эту проклятую лощину, и нам снова придется ее очищать.

— Да,— безразлично согласился Томас,— так оно и будет.

— Но так не должно быть. Мы захватили лощину и должны ее удержать, а потом взять эти холмы.

— Кто это мы?

— Армия Соединенных Штатов. Мы.

— Я не Армия Соединенных Штатов. Я просто капрал Джефферсон Томас, отслуживающий свой срок. Что ты кипятишься? Ты такой же ничтожный капрал, как я, приятель. Оставь стратегию для начальства. Это его война. Неужели тебе еще не ясно?

— Раз ты здесь, это твоя война.

— Моя война — это остаться живым. Я воюю за это каждый божий день, а Армия Соединенных Штатов мне не помогает.

Идти обратно было легче: настроение повысилось, не надо было бояться мин, потому что мы держались той же тропинки, по которой уже прошли. Даже у Дол-

ла поднялось настроение. Его разгоряченный мозг начал отмечать удовлетворение лейтенанта выполненным заданием, стремление во что бы то ни стало уничтожить противника испарилось, и он стал возбужденно болтать об успехе операции и о том, что, вероятно, мы все получим благодарность в приказе, а может быть, и продвижение. А почему бы нет?

Неожиданная перемена в настроении Долла действовала мне на нервы. Я никак не мог его раскусить, если не считать, что он просто ненормальный. За полтора суток, что я его знал, он проявлял последовательность только в одном: в ненависти к вьетнамцам. Я видел, с каким наслаждением он отпиливал палец у убитого снайпера, и потом, когда он отрезал ухо у солдата в лощине. Я подумал о его трофеях. За год он мог бы собрать внушительную коллекцию. Украсит ли он ими свой дом? Я представил себе стену с ушами и другую, с пальцами, и услышал его комментарии к каждому предмету: «Я отрезал этот палец у гука, убитого на дереве, который прижал нас к земле на Центральном плато. А это ухо принадлежало маленькому джинку, которого мы нашли в воронке с оторванными ракетой руками. Вот это был денек! Надо было вам быть там. Мы очистили от противника всю лощину со складами военных материалов и боеприпасов. Мы потеряли пять-шесть человек, но победа стоила этого. Мы обратили гуков в бегство, но глупый начальник заставил нас отступить. А ведь можно было захватить холмы. Мы, что называется, прижали противника к канату».

Мои размышления о капрале Долле внезапно оборвались. Мы вышли на поляну, где оставили убитого солдата. По приказанию Долла два солдата стали поднимать тело, как вдруг прямо им в лицо разорвалась мина и вырвала мертвого солдата из рук. Силой взрыва их отбросило на несколько футов. Они упали на землю, закрыв руками лица. Заминированный труп лежал между ними вверх лицом, в его груди зияла новая рана. Бегая вокруг поляны, Долл искал в зарослях противника. Хотя кругом было тихо, он держал винтовку у пояса и поливал кусты короткими очередями, пока не кончился магазин. Испуганные солдаты открыли огонь в том же направлении. Пули щелкали и свистели в кустах. Рядом со мной стрелял Блонди, и я впервые открыл огонь из своей винтовки. Я был так взвинчен, что не отпускал спусковой

крючок, и винтовка прыгала у меня в руках, пока я не опустошил магазин. Когда я попытался перезарядить, у меня тряслись руки. Беспорядочная стрельба продолжалась несколько минут, пока грохот не покрыл голос Долла: — Прекратить огонь!

Прошла почти минута, пока солдаты поняли, что никакого противника нет, что неистовство Долла побудило их вести бессмысленный огонь по безобидным джунглям.

— Ты что делаешь, черт тебя дерит? — закричал Томас на Долла. — Там ведь никого нет!

— Там чарли, — прохрипел Долл и вставил в винтовку новый магазин. — Он заминировал этот проклятый труп и ранил еще двух солдат. — Он устался на раненых солдат, словно вдруг вспомнил об их существовании: — Поднимите их на ноги.

Солдат, оказывающий первую помощь, сказал:

— Они истекают кровью.

— Вижу, поднимите их.

— Пошли отсюда к чертовой матери! — крикнул Томас.

Долл сердито посмотрел на него:

— Свяжись со штабом и скажи, чтобы прислали за ранеными вертолет. Через десять минут выступаем к рисовому полю. Через десять минут, слышишь? А потом я хочу стереть эту сволочную ложину с карты. Так и скажи им!

Два солдата стали поднимать тело убитого, когда Долл заорал на них:

— Оставьте его! Возьмите его собачий жетон и патронташ. Больше нам ничего не надо.

До рисового поля оставалось меньше ста метров, и мы все еще продирались через кусты, когда послышался отдаленный рокот санитарного вертолета. Это был успокаивающий звук. Мне так хотелось, чтобы меня эвакуировали вместе с ранеными, но тут справа прошелестела первая мина. Вторая разорвалась прямо перед нами, потом третья — слева. Мы попадали на землю кто где был. Закричали раненые, брошенные носильщиками. Позади, с высоты холмов, слышалось методическое хлопанье минометов, а через несколько секунд следовали разрывы, ломая ветки и выбрасывая комья земли. Мы были окружены огнем. Противник нащупал нашу позицию и вел огонь по площади. Сквозь грохот разрывов я слышал, как

Томас отчаянно вызывает огонь на подавление. Просвистела мина и разорвалась в самом центре нашего расположения. Два солдата пролетели надо мной и рухнули в колючие кусты. Сзади какой-то солдат закричал:

— Господи Иисусе, пошли отсюда к чертовой матери! — Он пробрался мимо нас в кусты и направился к полю.

Долл закричал, чтобы он остановился, но тот не обратил на это никакого внимания и скрылся в кустах. Другие солдаты повскакали на ноги и бросились за ним. Началась паника.

Долл рассвирепел, он орал на солдат, приказывая оставаться на месте, пока не начнется артиллерийская поддержка, но вскоре понял, что это безнадежно. Методически, с треском рвались мины, никто его не слушал. С ним остались только Томас, Блонди и я. Долл, не веря своим глазам, смотрел вслед убегающим солдатам.

— Трусливые свиньи! — бушевал он. — Я отдам вас всех под суд!

Мина разорвалась в пяти метрах, обсыпав нас землей. Блонди вскочил на ноги.

— Лучше уходить, чем ждать, пока в тебя попадет, — сказал он Доллу.

— Остаться на месте! — закричал Долл, но Блонди уже бросился за остальными.

Долл мгновенно поднял винтовку и прицелился в кусты, где скрылся Блонди. Лежавший рядом Томас протянул руку и крепко ухватил ствол винтовки. Долл попытался ее вырвать.

— Успокойся, капрал, — сказал Томас. — Ты не делаешь этого.

Красное лицо Долла побледнело под холодным пристальным взглядом Томаса.

— У тебя два свидетеля, Долл. Ведь мы не хотим причинять тебе неприятности.

Глаза Долла сузились.

— Отпусти винтовку.

— Пожалуйста, приятель. — Томас разжал руку. — А теперь давай уносить отсюда ноги и догоним солдат. — Он согнувшись встал позади Долла. Я поднялся и встал рядом с ним. — Ты командир, — сказал он, — я пойду за тобой.

Не говоря ни слова, Долл прыгнул в заросли, мы последовали за ним.

Неся раненых, мы пробивались через колючие заросли, не обращая внимания на рвущиеся со всех сторон мины, и каким-то образом нам удалось достигнуть рисового поля без новых потерь. Санитарный вертолет кружился высоко над головой, вне досягаемости для вражеских минометов, которые теперь перенесли огонь на поле. Мы распластались в высокой траве, ожидая, пока прекратится огонь. Ничего больше не оставалось, как молиться и ругаться, и солдаты делали то и другое, подавленные и обозленные нашим беспомощным положением.

Гнев солдат, всех до одного, был открыто направлен против Долла за то, что он повел их до конца лощины и на обратном пути завел в западню. Его скверный неуравновешенный характер привел к неправильной постановке задачи и напрасным потерям. Злость стала сильнее воинской дисциплины, которую им вдалбливали. Раздавались угрозы «расправиться» с Доллом, если не прекратится обстрел. Нервы у всех были напряжены до крайности. Я чувствовал, что солдаты готовы взбунтоваться. Это меня испугало. Должно быть, Долл тоже это почувствовал. Он отчаянно старался вновь обрести власть и спасти свою шкуру. Он связался по радио с командиром взвода и закричал на лейтенанта, требуя артиллерийского огня.

— Распоряжение отдано! — рявкнул лейтенант Колдрон.

— Где же огонь, черт его возьми? Гуки не дают нам житья. У нас есть раненые, которых надо вывезти, а вертолет не может сесть.

— Без паники, капрал. Огонь сейчас будет.

— Скорее бы, а то через пять минут нас всех перебьют.

— Не теряйте головы, капрал. Вы отвечаете за безопасность своих солдат.

— Да, да.

— Когда улетит вертолет, выводите людей через поле. Холмами мы займемся. Ваше подразделение должно вернуться к исходу дня. Понятно?

— Так точно, сэр.

— Хорошо. Сейчас будет открыт артиллерийский огонь.

Долл сделал глубокий выдох.

— Выключи это чертово радио, — сказал он Томасу. Потом поднялся в траве и стал всматриваться в небо.

Вдали раздались глухие удары нашей артиллерии, потом с визгом пронеслись снаряды и разорвались на холмах. Минометный обстрел сразу прекратился.

— Вертолет подходит! — закричал Долл. — Как только он загрузится, пойдем к опушке леса и там приведем себя в порядок. Мы возвращаемся в лагерь.

Послышались вздохи облегчения. Угроза для жизни Долла пока что миновала.

После того как вертолет забрал раненых, мы быстро пересекли поле. Идти по открытому месту было легче, и подбадривало сознание, что мы возвращаемся в лагерь. Правее разорвалось еще несколько мин, не причинив вреда. Это были последние мины противника, на которого теперь обрушилась вся мощь нашего артиллерийского огня.

На опушке леса мы уселись перекусить и полюбоваться зрелищем, развернувшимся на холмах. Изменение обстановки подняло дух солдат. Как болельщики во время игры, они бурно радовались при виде разрывов, рвавших вьетконговскую землю.

— Теперь эти гады получают свое! — гоготал один. — Бей их! Дави!

Я вглядывался в их настороженные, улыбающиеся теперь лица — страх и страдание, которые я видел в лощине, исчезли. Их реакция была естественной после того, что мы пережили. Я завидовал их простодушию, но не разделял его. Глядя на холмы, я не испытывал ненависти к засевшим там людям. Это были их холмы, их долина, их страна. Почему мы стараемся отобрать у них все это?

Во время начальной боевой подготовки нам не говорили о мотивах войны. В восемнадцать лет, привыкший к благопристойности приютского мира, я мало знал о порочности внешнего мира — мира, в котором люди с готовностью убивают людей, чтобы не быть убитыми. О, со времени моего первого патруля я узнал кое-что о действиях государств и людей и о политике, определяющей их действия. Но тогда, в том лесу, глядя через поле на насилие, свершающееся на холмах, я воспринимал жизнь и смерть с простодушной ясностью, которой мне было достаточно. Я отвергал жестокость и безрассудное честолюбие капрала Долла и понимал ненависть солдат к вра-

гу, который лишал их жизни, и к командиру, который использовал их в своих интересах. Но я признавал свою невинность и не поддавался окружающей меня жестокости. Именно в этот момент, должно быть, я понял, почему не хотел стрелять из своей винтовки: я не хотел лишать человека жизни, не зная, за что. И именно тогда я решил не убивать ни одного вьетнамца, кроме как для спасения своей жизни.

Лежа под деревьями, потягивая сигарету с марихуаной, которую дал мне Блонди, и наблюдая за обстрелом холмов, я сводил в таблицу дебет и кредит нашей боевой операции.

Наши потери: сержант Стоун — убит; один вертолет с экипажем — уничтожен; четверо убитых и пятеро раненых в засаде; один убитый и один раненый от минометного огня. Это составляло в итоге шесть убитых и десять раненых плюс экипаж вертолета.

Потери противника: один мальчик — убит; один снайпер — убит; один вьетконговец, убитый в ложине, — без рук, без ушей, без носа, без пальцев. Итого: три трупа.

Удары «кобр» и нашей артиллерии, возможно, добавили неизвестное нам число убитых и раненых врагов, но это меня не утешало.

Я был сыт по горло смертями и, весь дрожа, жадно вдыхал дым сигареты, переносясь в тихий мир, наполненный пением птиц и болтовней обезьян на деревьях. Мне было легко и радостно от травки — моего единственного утешения.

Не помню, сколько времени нам потребовалось, чтобы пройти через лес, — час или больше; знаю только, что мы, должно быть, шли обратно тем же путем, потому что нам попался убитый буйвол, и я подумал: за чью сторону он погиб? Помню также, что Долл предупредил солдат, чтобы не трогали животное, опасаясь, что его заминировали. Но в этом не было необходимости: никому не были нужны сувениры от буйвола.

К тому времени, когда мы вышли к реке в том же месте, где ее переходили, голова моя прояснилась. Уби-

того снайпера без пальца на дереве не оказалось, но Старика мы нашли в кустах, куда его затащили, только раздетого догола и без головы. Голова за палец!

Не было смысла вызывать за ним вертолет. Он больше никому не был нужен. Мы оставили его на месте — пусть черви узнают, заминирован ли труп, — и поспешили перейти реку, держась в стороне от мелей.

Мы шли через высокую траву колонной по одному — Долл во главе, в трех ярдах за ним Томас, потом остальные, соблюдая такую же дистанцию. Было невероятно жарко, как в парной бане. Пот обжигал глаза и струился по лицам. Трава хлестала по рукам и лицам, больно царапая. Мы, спотыкаясь, шли вперед, забыв обо всем на свете, кроме страшной усталости и пульсирующей боли в ногах. Время от времени какой-нибудь солдат оступался и тяжело падал, и идущий сзади такой же усталый солдат помогал ему подняться. Кто-то предложил остановиться отдохнуть, но Долл настаивал, что надо скорее возвращаться на плато, на свою базу. Он твердо решил выполнить приказ лейтенанта и к исходу дня прибыть в лагерь. Это было неразумное решение. Мы не могли преодолеть подъем по тропинке меньше чем за четыре часа, а к тому времени уже стемнеет. Солдаты это понимали, и их враждебное отношение к Доллу ожило. Цепочка людей, шедших позади него, источала ненависть. Но если Долл и слышал, он не обращал внимания и продолжал упорный, мучительный марш, словно ему доставляло удовольствие испытывать терпение и выносливость солдат. Упорства ему было не занимать. Только Томас стойчески шагал, сохраняя молчание. Несмотря на дополнительный груз — рацию и две трофейные винтовки, — он продолжал упорно идти по пятам за Доллом. Через некоторое время они еще больше оторвались от других, но мы не старались их догнать. Если они попадут в беду, мы достаточно скоро об этом узнаем, а если нет, им просто придется подождать. Черт с ними! Вряд ли капрал Долл намерен явиться к вечеру без остальной части своей потрепанной команды. Ему хотелось вступить в лагерь во главе колонны.

Спереди донесся скрипучий голос Долла:

— Шире шаг! Мы не можем тащиться весь день. Скоро стемнеет.

— Пошел ты к... — прокричал один солдат. Другие поддержали его в столь же красочных выражениях.

— В чем дело?! — воскликнул Долл.

Блонди и я догнали его первыми. Он ждал нас; его красное веснушчатое лицо блестело от пота. Томас стоял рядом с каской в руке и вытирал рукавом пот. Не знаю, было ли у Долла такое красное лицо от жары или от еле сдерживаемого гнева.

— Хочешь что-то сказать, Гласс?

— Ничего.

— Выкладывай мне в лицо, слышишь!

— Он ничего не сказал, — вступился Блонди.

— Тебя не спрашивают, бездельник!

— Легче, капрал, — спокойно сказал Томас.

— Заткни свою пасть! И не зови меня капралом. Ты не какой-нибудь лейтенантишка.

Томас удивленно посмотрел на него:

— Спокойно, парень. Не нарывайся на лишние неприятности. Мало, что ли, у тебя их было?

— Я пока еще команду и не хочу больше слышать никаких возражений от этого сброда. — Долл поглядел мимо нас на столпившихся в траве солдат. — Нам осталось еще четыре-пять часов ходу. Так обстоит дело, и чтобы больше никто не смел брюзжать. Вам еще предстоит большие неприятности, когда вернемся. Понятно? И мы еще не избавились от чарли. Пикник еще не кончился. Гуки бродят по всей этой сволочной долине. А теперь построиться в линию — и шагом марш!

Он повернулся к нам спиной и зашагал через траву. Томас, надев каску, пошел следом.

— Всадить бы пулю в его поганую толстую рожу, — сказал какой-то солдат.

Кто-то еще проворчал. Я отвернулся от их ненавидящих лиц и пошел за Блонди.

Покрытое травой поле казалось бесконечным, и я подумал, что наше задание тоже бесконечно. Трудно было поверить, что прошло меньше двух дней, с тех пор как мы вышли из лагеря. Моей натерпевшейся страха голове и ноющему телу казалось, что прошел целый месяц.

Неожиданности случаются во Вьетнаме так быстро, что не успеешь моргнуть глазом, — быстрее, чем успеешь выстрелить из винтовки. Прошло пять минут, и продвинулись мы на каких-нибудь пятьдесят метров после накладки Долла, как справа затрещали автоматные очереди и в траве засвистели пули. Мы уже лежали на пузе, когда

один солдат закричал: «Чарли строго справа!» Это был запоздалый сигнал, к тому же сквозь густую траву него нельзя было увидеть. Долл заорал, чтобы мы не стреляли.

Мы лежали не шевелясь и слушали. Огонь прекратился, потом возобновился и снова стих.

— Два вьетконговца, может быть, три! — закричал Долл.

Они не могли видеть нас, так же как мы их, однако, будучи в меньшинстве, все же решили напасть. Я не мог понять почему. Тактика противника была мне непонятна.

Долл передал, что сейчас откроет огонь, и приказал всем стрелкам встать и прочесать огнем поле по дуге в сорок пять градусов. Когда затрещала первая очередь, мы вскочили и открыли сосредоточенный огонь из восемнадцати автоматических винтовок. Весь огонь был в одну сторону. Ответного огня не последовало. Солдаты перезаряжали винтовки и продолжали стрелять. Я выпустил магазин в воздух, как раз поверх травы. Это принесло мне удовлетворение.

Через три-четыре минуты Долл приказал прекратить огонь. Поле снова стало тихим, мирным и чужим. Мы слушали, ожидая ответного огня противника. Но его не последовало. Долл был уверен, что мы убили вьетконговцев, и поспешил один через траву к тому месту, откуда стреляли. Это показалось мне глухим, но к тому времени никакие поступки Долла меня уже не удивляли. Однако меня удивило, когда через минуту за ним последовал Томас. Все остальные оставались на месте и ждали. Вдруг мы услышали одиночный винтовочный выстрел, а потом короткую автоматную очередь, и снова наступила тишина. Блонди с тревогой взглянул на меня. По всей цепочке солдаты беспокойно забормотали, недоумевая, что случилось. Мы ожидали новой вспышки огня, но ее не было. Наконец мы услышали шорох в траве и голос Томаса:

— Это я. Не стрелять!

В траве показался Томас; тяжело дыша, он хлопнулся на землю рядом с Блонди и со мной.

— Что случилось? — спросил Блонди.

— Один из гуков убил Долла. Гук лежал, притворившись мертвым, и, когда Долл отвернулся, выстрелил в него из винтовки. Я прикончил его. Там еще двое убитых.

— Бог ты мой! — воскликнул Блонди. — Снятил он, что ли, лезть туда? Сам напросился.

— Да.

— Тебе повезло.

— Да.

— Что же теперь делать?

Томас глубоко вздохнул.

— Вы с Глассом возьмите Долла. Отнесем его в лагерь. Нечего ждать вертолета. Капрал всего метрах в тридцати. Я вызову лейтенанта и расскажу ему.

Блонди кивнул мне:

— Пошли.

Взволнованный, я пошел за ним через траву. Мы увидели Долла, лежащего на животе. У него был снесен весь затылок. Рядом с ним лежал на спине вьетнамец. Его мертвые глаза уставились на меня. На лбу, чуть выше переносицы, зияло круглое пулевое отверстие. Оно было похоже на третий, сердито глядящий глаз. Он мог быть старшим братом мальчика, убитого на берегу реки, — так велико было сходство. Два других убитых вьетнамца в черных пижамах, съежившись, лежали в траве голова к голове, как будто спали.

Не говоря ни слова, мы перевернули Долла на спину. Я взялся за ноги, Блонди — за руки, и мы понесли его через траву. Он оказался гораздо тяжелее, чем я ожидал. С каждым шагом его голова покачивалась, как у живого. Я так и ждал, что он обругает нас за неловкое обращение.

Когда мы вернулись на место, Томас рассказал, что лейтенант взбешен и ругает Долла за то, что тот связался с противником. Нам было приказано по возможности избегать перестрелки. Лейтенант не хотел больше потерь.

— Но мы убили троих, а потеряли только одного, — заметил Блонди. — Ты сказал ему это?

— Да, сказал. Это его немного успокоило.

Я недоверчиво покачал головой.

— Ты что, Гласс? — резко спросил Томас.

— Ничего.

— Говори, парень.

— Ведь Доллу теперь наплевать, что лейтенант ругался.

— Долл старался для себя, а не для пользы подразделения. Испортил все дело. Запомни это, Гласс.

Мы несли Долла, сменяясь по двое. Солдат злил добавочный груз, и они небрежно обращались с телом. К тому времени, когда мы дошли до базы, все лицо покойника было покрыто синяками и порезами от хлеставшей острой травы. Но всем было наплевать.

Прежде чем начать крутой подъем к лагерю, мы отдохнули в конце тропинки. Становилось темно, но теперь впереди не таилась опасность, и мы почувствовали облегчение. Я наблюдал, как Томас закурил марихуану и устался в темнеющее небо. Я восхищался им. Раньше я недооценивал его, считал простоватым, послушным «вторым номером». Теперь меня поразило, что он оказался гораздо проникательнее и сложнее. Старик был мертв, и Долл был мертв, а Томас, который рисковал так же, как они, остался жив. Я уважал его за это. Он рассчитал все шансы и заставил их работать на себя. Меня тревожили мысли о том, что все-таки случилось с Доллом там, в поле, но я выбросил эти сомнения из головы. Не время об этом думать.

Мы медленно поднимались по склону: тяжело было нести мертвое тело. Потребовалось четыре часа, чтобы добраться до вершины плато, и еще полчаса, чтобы дойти до лагеря. Когда мы около половины девятого вступили на его территорию, там было заметно значительное оживление. Одни солдаты готовились к выходу в ночную засаду. Другие, стоя у своих палаток, курили и подавали советы уходящим. Никто не обратил на нас особого внимания, пока кто-то не заметил убитого и не закричал:

— Кто это?

— Капрал Долл, — ответил Блонди.

Его ответ пробудил интерес.

— Не тот ли это парень, который взял на себя командование в лощине?

— Он самый.

— Должно быть, вам пришлось туго. Сколько людей вы потеряли?

— Десять — двенадцать.

Окруженные солдатами, мы направились к палатке лейтенанта Колдрона.

— Сколько гуков вы ухлопали? — спросил один из

солдат, заметивший висящие на плече Томаса вьетнамские автоматы.

— Достаточно,— буркнул Томас.

Солдат настаивал:

— А все же?

— Не сосчитать.

— Брехня! Где же их винтовки? У вас только две.

— Отвяжись,— сказал Томас.

— Мы очистили лощину от вьетконговцев,— похвалился один из солдат.

— Да, мы слышали. Лейтенант утром плясал джигу. Вас представляют к благодарности в приказе.

— Плевать. Столовая еще открыта?

— Только для тех, кто уходит в засаду.

— А для тех, кто выбрался из засады?

— Палатка священника всегда открыта.

— Болван!

Подойдя к палатке командира, Томас приказал двум солдатам отнести тело Долла в медпункт. Потом распустил нас и вошел в палатку для доклада. Несколько солдат поспешили в столовую в надежде выпросить горячей пищи. Остальные устало поплелись в свои палатки, чтобы выспаться перед завтрашней войной.

Я остался один и глядел, как Блонди удаляется в сторону палаточного лагеря. Я физически выдохся, но сохранял ясность мыслей, в мозгу проносились события этих двух дней. Мне надо было с кем-то поговорить. Я поспешил за Блонди и догнал его у палатки.

— У тебя нет еще одной сигаретки? — попросил я. — Мне надо успокоиться.

Он усмехнулся:

— Я и сам не прочь покурить. Еще одну дам, а потом добывай сам. Это нетрудно. Все достают это добро.

Блонди увел меня за палатку, и мы сели на землю.

— Я открыто не курю, только в патруле. Тут всегда крутится пара усердных сержантов, которые стараются еще больше отравить жизнь. Я не хочу давать им пищу.

Мы закурили. Марихуана действовала хорошо. Мой мозг отделялся от ноющих костей. Мы молча сидели, наслаждаясь прохладным ночным воздухом. Приятно было освежиться после удушающей жары долины. С каждой затяжкой образы смерти медленно отступали. Я по-

грузился в какое-то туманное небытие. По-иному действовала травка на Блонди. Словно издалека до меня доносилось жужжание его голоса. Он был в своем раю, мечтая о плотских наслаждениях. Меня с ним не было.

Потом он вернулся во Вьетнам.

— Тридцать дней, Гласс. Один несчастный месяц — это все, что мне осталось пройти.

— Надеюсь, что пройдешь, — сказал я.

— Надейся, черт возьми!

— Доллу не пришлось...

— Плевать на Долла. Сам виноват. А я не убийца. Ты что, хочешь меня напугать?

— Нет. Ты меня не так понял. Я хочу, чтобы ты выжил. Ты хороший парень.

Блонди хмыкнул, и мы опять замолчали, докуривая остатки сигарет. Наконец я спросил:

— Что значит «сам виноват»?

— Это значит, что убийцы обычно получают по заслугам. Так часто случается.

Я еще больше заинтересовался:

— В конце концов их убивают вьетконговцы, да?

— Вьетконговцы, как бы не так! — Он закурил новую сигарету и передал мне: — Выкурим вместе. Что-то паршиво на душе.

Я медленно, глубоко затянулся и вернул ему сигарету.

— Но ведь Долла убил вьетконговец?

Он хитро улыбнулся:

— Тебе еще многому надо поучиться, Гласс. И времени для этого предостаточно.

Я беззлобно ухмыльнулся:

— Ты что, хочешь меня напугать, Блонди?

Он покачал головой, затянулся и уставился на догорающую сигарету.

— Эта штука проясняет и прочищает мозги; как-то резче видишь вещи. Понимаешь меня? А с тобой тоже так?

— Да. — Я бежал впереди и терпеливо ждал, пока он догонит.

Он передал мне сигарету:

— Докуривай. Я больше не хочу. — Он закрыл глаза и откинул голову на угловой кол палатки: — Помнишь, я говорил тебе о случаях, когда свои убивают своих?

— Как же, помню.

— Так теперь ты знаешь.

- Что знаю?
- Долла убили свои.
- Почему ты так думаешь?

Блонди рассмеялся:

— Ты слышал, что произошло, и видел результаты. А теперь сопоставь.

— Ты сам сопоставь.

— Пожалуйста. Долл пошел в поле, откуда стреляли вьетконговцы, так? Томас пошел сразу за ним, так? Потом мы услышали одиночный выстрел, а за ним короткую очередь. Томас возвращается один и рассказывает свою историю, а мы идем за Доллом — и что же находим?

— То, что сказал Томас.

— Да, но не совсем то. Три мертвых гука, застреленные к чертовой матери, но у одного лишняя свежая дырка в башке. Я думаю, эту дырку пробил Долл. А потом ему разнесли голову. Я считаю, что это сделал Томас.

— Почему ты так считаешь?

— Я слышал выстрелы, как и ты. Я не могу отличить одиночный выстрел М-16 от гуковского автомата, но очередь М-16 знаю хорошо. Это была М-16. Долл не стал бы поворачиваться спиной к гуку, если бы не убедился, что он мертв. Кроме того, у него снесен весь затылок, ты видел. Такого не сделаешь одной пулей.

— Значит, Томас убил Долла?

— Да. Наверное, Долл собирался продырявить головы двум другим, когда Томас его застрелил.

— Но почему?

— Потому что Долл был садист и сволочь. Он заставил Томаса лежать под огнем рядом со Стариком, а потом вырвал у него командование и повел нас до конца этой проклятой лощины без всякой надобности, только чтобы прославиться и выглядеть героем. Все это накапливалось в душе Томаса, и он выбрал подходящий момент. Это хитрая бестия. Он замел все следы.

— Но он убил своего.

— Он убил сукина сына, подлого убийцу, который завел нас в засаду. А солдаты, убитые по вине Долла? Они в счет не идут?

— Конечно идут. Но Долл их не убивал. Тут есть разница.

— Я не хочу проливать кровь ни за какого Долла. Мы все из-за него могли погибнуть.

— И никто не узнает, что сделал Томас, кроме нас с тобой?

— Каждый солдат знает, если только это не первый его патруль, как у тебя. И медики узнают, когда достанут пулю из черепа Долла. Они умеют отличить пулю М-16 от пули гуковского автомата.

— И никому не скажут?

— Никто никому не скажет. Это не их дело. А ты собирался разболтать лейтенанту, а? Ручаюсь, что ты все еще страдаешь из-за того мальчишки у реки.

Я кивнул.

— Брось, Гласс. Не глупи. Хорошо, что ты мне рассказал.

— Мне нужно было с кем-то поговорить. Как ты можешь с этим мириться?

— Приходится мириться, парень, иначе сойдешь с ума. Я тебе говорил об этом.

— Но это неправильно. Неужели ты не понимаешь?

— Я понимаю систему, приятель. Не брыкайся, а то пропадешь.

— Система должна отвечать за то, что делается.

— Я уже сказал, Гласс, что тебе еще многому надо поучиться. Если пойдешь к лейтенанту с этой историей, тебя пристрелят или отправят в психичку, прежде чем узнаешь за что. Хочешь наделать глупостей — валяй. Но ты не видел, что сделал Томас, правда? Ведь ты не видел своими глазами? А если и видел, они не хотят этого знать. Ты бы просто навредил машине, а этого никто не хочет. Никто! Эта война — просто убийство. Все дело в том, чтобы побольше убить и иметь поменьше убитых, пока кто-нибудь не решит, что хватит. Мне осталось тридцать дней, а потом катись они все к чертовой матери.

— А что скажет Томас лейтенанту?

— Именно то, что хочет услышать лейтенант. Он справится с этим что надо.

— И Томасу ничего не будет?

— Чем тебе не нравится Томас? Он хороший парень. Делает свое дело. Он не убийца.

— Ты далеко ушел от меня, Блонди.

— Да, на-триста тридцать три дня. Но ты научишься. Отслуживай свой срок, держи язык за зубами и отсчитывай дни. Это не жизнь, а долгий, мучительный кошмар. Когда проснешься, забудешь все, что было.

- Я никогда не забуду эти два дня.
- Лучше забудь, парень, а то погубишь себя.

После разговора с Блонди я стал другим человеком. Я смотрел на вещи еще не так, как он, но иначе, чем во время своего первого патрулирования. У Блонди был жесткий, практический взгляд, с которым я не мог мириться. Но насчет системы он был прав: либо приспособишься к ней, либо пропадешь. Со временем я приспособился, но по-своему.

Я теперь часто думаю о Блонди в своей камере. После нашего разговора я его больше не видел. Слышал, что его перевели в другую роту. Я спрашивал о нем, и кто-то сказал мне, что он отслужил свои триста шестьдесят пять дней и уехал домой. Я иногда спрашивал себя, читает ли он газеты и знает ли, что со мной случилось, и что он обо всем этом думает. Иногда я слабо надеюсь, что услышу о нем, хотя знаю, что глупо на это рассчитывать. Я уверен, что ему удалось забыть обо всем случившемся и что он живет где-то, все еще отслуживая свой срок и держа язык за зубами. Надеюсь, что это так. Он был хороший парень, и я рад, что так и не рассказал ему, как Томас спас ему жизнь тогда в лощине. Он никогда не забыл бы об этом.

Когда я в тот вечер вернулся в свою палатку, мой сосед сидел, перелистывая иллюстрированный журнал с фотографиями женщин. Он прибыл в лагерь три дня назад вместе со мной прямо из Соединенных Штатов. Я забыл его имя и не успел как следует его узнать. Он казался довольно славным парнем, с нетерпением ожидавшим первого боевого задания. Помню, когда я вошел в палатку, он отложил журнал и смотрел, как я раздеваюсь. Он терпеливо ждал, пока я заберусь в постель, прежде чем заговорить.

— Как там было? — наконец спросил он.

Я смотрел на его ясное, розовое лицо; он жадно изучал меня, а я думал обо всем, что случилось со мной с тех пор, как я оставил его спящим, когда сержант Стоун вызвал меня из палатки.

— Ты еще не выходил? — спросил я.

— Иду патрулировать завтра утром. Как там?

— Трудно.

— Да, я слышал. Нам говорили. Говорят, вас здорово обстреливали?

— Да.

— Но ты уцелел.

— Мне повезло. Не горюй. Делай то, что приказывают, и будет все в порядке.

— Вьетконговцы упорные, да?

— Да.

— Расскажи, что там было.

Что я мог ему рассказать? О мальчике на берегу реки? О сержанте Стоуне, которого взорвали и обезглавили? Об отрезанных ушах и пальцах рук и ног? О том, как мы попали в засаду? О Долле? О Томасе? О моем друге Блонди? Разве это ему поможет?

— Я страшно устал,— сказал я,— не спал двое суток.

— Извини,— сказал он.

— Послушай-ка, детка! — Я внутренне усмехнулся, назвав его так. Он был мой ровесник без двух дней патрулирования, но именно эти дни порождали огромную разницу между нами.— Ты куришь травку?

— Конечно.

— Это хорошо. Пользуйся ею в патруле. Это лучшее средство против чарли.

— А это разрешается?

— Да. В поле это как часть снаряжения. Она избавит тебя от страха.

— Спасибо.

— Не бойся. Все будет в порядке.— Я закрыл глаза и, несмотря на кружившиеся в голове мысли, быстро уснул.

Утром, когда я проснулся, его уже не было. Вечером патруль вернулся без него. Его убил снайпер единственным выстрелом в голову. Санитарный вертолет доставил его к гробу.

Жаль, что я не помню его имени.

6

Я не выполнил свое решение доложить о бессмысленном убийстве мальчика. Смерть мальчика поблекла на фоне всего происшедшего во время патрулирования. Тем не менее я сожалел, что умолчал, и до сих пор чувствую себя виноватым. Возможно, если бы я высказался, дела пошли бы по-иному. Хотя, по совести говоря, не думаю. Тогда я промолчал, потому что не верил, что станут уделять внимание такой незначительной смерти среди

столь многих смертей. Но больше всего я боялся угрожавших мне последствий, если бы я обвинил погибшего солдата, чье тело было изуродовано врагом. В конце концов забота о собственной безопасности взяла верх над потревоженной совестью. Сегодня, когда я обдумываю все, что со мной случилось, меня удивляет, что я все еще мучаюсь из-за того, что не сумел открыто высказаться и официально зарегистрировать обстоятельства смерти мальчика. Умолчав и зная, что будут молчать и другие, я как бы перечеркнул само его существование. Кто узнал бы, что произошло с этим мальчиком? Никто.

Другое дело наши убитые. Все они учтены. К вечеру следующего дня после нашего возвращения в лагерь всем стали известны результаты отчета капрала Томаса о выполнении задания.

Сержант Стоун, пропавший без вести в бою (кому нужно обезглавленное тело?), рискуя жизнью на минном поле противника ради защиты своего патруля, посмертно представлен к ордену «Бронзовая звезда».

Капрал Долл, убитый в бою при атаке позиции противника, посмертно представлен к ордену «Бронзовая звезда» и к присвоению звания сержант.

Экипаж вертолета, сбитого в бою, и солдаты, убитые и раненные в бою, представлены к благодарности президента за уничтожение укрепленной позиции противника, несмотря на его превосходящие силы.

Капрал Томас успешно справился с задачей. Его доклад содержал основные факты, которые лейтенант Колдрон приукрасил, как того требует неписаный военный обычай. По возможности не следует отправлять тело на родину без ордена или медали. По возможности не следует включать в список пропавших без вести без специального поощрения.

— Ордена и медали утешают удрученную горем семью, лейтенант. Награды придают больший вес похоронной церемонии. Армия обязана поддерживать моральный дух как на родине, так и здесь. Только таким путем можно добиться выполнения этой грязной работы. Понимаете, лейтенант?

— Так точно, сэр. Все понимаю.

Так точно, сэр, лейтенант Колдрон все понимал. Так же, как капрал Джефферсон Томас, делавший свой доклад, и мой друг Блонди, который держал язык за зубами. А теперь и я все понял.

Однако армия — чувствительный механизм, всегда настороже к возможным угрозам. В последующие дни она слышала ропот солдат, недовольных командованием Долла; она слышала о панике, возникшей в лощине, и чуть ли не о мятеже солдат; до нее дошли нехорошие слухи о том, что медики извлекли из раздробленного черепа Долла американские пули. Армия просеяла эти сведения и приняла соответствующие меры. В течение недели все солдаты двух отделений, действовавших в лощине, были порознь переведены в другие боевые подразделения. Блонди, как я сказал, перевели в другую роту. Томаса вознаградили назначением в тыловой район, где необязательно было носить оружие. Из всех солдат, участвовавших в операции в лощине, только я остался в Камбине на Центральном плато.

Через две недели после успешного завершения нашего задания разведка донесла, что противник вернулся в лощину и накапливает новые запасы. Дальнейших действий с целью выбить его оттуда не последовало. Вместо этого на наших картах лощина была помечена как укрепленная позиция противника наряду с западными холмами. После этого армия посылала патрули в другие места.

Несколько месяцев спустя, когда меня уже давно не было на Центральном плато, Камбиньская база подверглась сильному ракетному и артиллерийскому обстрелу из лощины, а ночью части противника штурмовали лагерь. Осада была снята только через две недели. Наши потери были одними из самых тяжелых в этой войне. Я читал газетные отчеты с особым интересом. В одном очерке эти бои называли «блестящим примером сопротивления американцев в условиях осады, который войдет в анналы нашей военной истории наряду с Арденнским сражением и осадой Аламо».

Впоследствии Камбинь был признан не имеющим стратегического значения, и наши войска были оттуда выведены.

Аминь.

Я был полностью занят рутинным патрулированием в долине «с целью обнаружения и уничтожения противника», и события и участники того первого патруля отошли в моей памяти на задний план. Каждый патруль

таит в себе опасность и требует постоянной бдительности. Я рано это постиг и вскоре стал выносливым, закаленным пехотинцем. Я делал свое дело и держался особняком. Не стоило завязывать слишком тесную дружбу. Во Вьетнаме отношения сохраняются ненадолго. Меня этому научила короткая дружба с Блонди. В первые дни после его перевода я скучал по нему. Некому было пожаловаться, не на кого опереться. И к своему удивлению, я скучал также по Томасу. Была в нем твердость и уверенность в себе, каких я больше не встречал за всю свою службу. Без них я чувствовал себя уязвимым и понимал, что мое спасение зависит теперь исключительно от самого себя. Когда отделяешься от товарищей, чувствуешь одиночество, но зато освобождаешься от лишних забот и страданий и не сходишь с ума, видя, как умирают люди. И все же я так и не привык к убийству — я просто как-то переживал его и продолжал слушать.

Первые недели патрулирования были не такими, как прежде. Они были необычно спокойными. Мы держались подальше от лощины и не встречались с противником. Мы обнаруживали минные поля, но обходились без потерь. Нам попадались вьетконговские пещеры, но они были пусты. Нам встречались крестьяне в черных пиджаках, обрабатывающие рисовые поля. Они не проявляли враждебности, и мы их не трогали.

Отсутствие противника в долине значительно улучшило мое настроение. Я считал удачей, что остался в Камбине. Оказалось, что это спокойный район, где четко проведены границы и, если ни одна из сторон их не переступает, обходится без столкновений. Это меня вполне устраивало. Я легко проводил время, шагая днем по жаркой долине и отдыхая по ночам на прохладном плато. Но это длилось недолго. Во Вьетнаме нет ничего постоянного, кроме жары. Бывают только перерывы. Перерыв в моей спокойной жизни наступил как-то утром на окраине деревни, в миле к северу от того места, где сержант Стоун убил мальчика. Я впервые за три недели вспомнил о нем, потому что он говорил, что пришел из этой деревни. До тех пор мы патрулировали южнее, а теперь получили приказание обследовать саму деревню. Поступили сообщения, что вьетконговцы появляются в деревне, захватывают продовольствие и терроризируют крестьян за сотрудничество с американцами. Жители де-

ревни считались дружественными нам, и, хотя поблизости случались мелкие перестрелки, не было никаких указаний на поддержку Вьетконга в самой деревне.

Перед выступлением лейтенант Колдрон лично проинструктировал нас, разъяснив, что наша задача крайне деликатная. Нам предстоит, не вызывая враждебности жителей, выяснить, насколько вьетконговцы тревожат крестьян. Сохранение дружественного отношения крестьян было важно для безопасности базы. Тем более что эта деревня считалась образцовым примером нашей старой программы «умиротворения» и новой политики «вьетнамизации». Один из солдат спросил, в чем заключается разница, но лейтенант резко осадил его:

— Не умничай! Здесь не вечер вопросов и ответов, а инструктаж. Сиди и слушай.

Он обращался главным образом к начальнику патруля сержанту Эксу, осторожному ветерану старого закала, пользовавшемуся уважением за заботу о своих солдатах. Мне приходилось и прежде выходить с ним в поле. Он строго, по-отечески относился к солдатам и дипломатично обращался с офицерами. В результате его любили обе стороны — редкое явление среди сержантского состава.

— Сержант Экс, вы знаете эту деревню так же хорошо, как все на этой базе, — сказал лейтенант Колдрон. — Именно поэтому я назначил вас начальником патруля. Мы хотим знать, напуганы ли крестьяне и почему. Мы хотим знать, отбирают ли чарли у них рис. Мы хотим знать, не укрывают ли они чарли. Если чарли проникли в деревню, мы должны их изгнать, не тревожа жителей. Мы нуждаемся в их благожелательном отношении. Я знаю, что это трудная задача. Она означает, что мы должны собрать сведения, не причиняя вреда этим людям. Никто не должен их бить или угрожать оружием. Помните: они наши союзники. — Колдрон сердито посмотрел на солдат. — Нечего ухмыляться! Я знаю, что вы думаете, но мы не собираемся сравнивать с землей эту деревню. Мы хотим жить с ней в мире, пока существует наша база. Вот так обстоит дело. Так что, ребята, будьте осторожны. Никакой стрельбы. Если обнаружите в поле вьетконговцев, не стрелять, пока они не откроют огонь первыми. В деревне вообще не применять оружие, только в случае открытого нападения. Если кто-нибудь погубит дело, штаб батальона снимет с вас

шкуру. Я получил такое указание. Вы собираете информацию и ищете признаки — например, страх среди жителей, оружие, молодых гуков, прячущихся в хижинах, — все, что кажется подозрительным. Если выловите каких-нибудь подозрительных типов, ведите их сюда для допроса. И никаких грубых выходов. Мы сами проведем допрос.

— Один вопрос, лейтенант.

— Что такое, сержант?

— Если мы все же задержим кого-нибудь, не можем ведь мы тащить его с собой, пока не вернемся? Нехорошо держать его слишком долго в деревне. Я знаю этих людей.

— Дельный вопрос. Выведите всех подозрительных в поле, подальше от деревни, и свяжитесь по радио. Мы пришлем за ними вооруженный грузовик. Еще вопросы есть? Хорошо, тогда отправляйтесь. Вернуться до наступления темноты.

Мы вышли из базы по главной дороге. Она вела вниз с плато, петляя между скалами, к окраине деревни на северном краю долины. Обычно здесь было сильное движение: грузовики перевозили припасы и перебрасывали войска, но было только восемь часов, а грузовики отправлялись не раньше девяти. К этому времени мы дойдем до деревни. Туда было меньше часа ходу, и все время под гору. Тем не менее каждый шаг давался с трудом. Было жарко, и дорога вся высохла. Мы поднимали тучи пыли, которая покрывала руки и лица. Во Вьетнаме не существовало такого понятия, как приятная прогулка, особенно для пеших солдат.

Нас было шестеро, и мы шли парами. Впереди сержант Экс и его заместитель, потом два солдата, за ними я и еще один солдат. Я не знал никого, кроме сержанта. Когда мы прошли половину пути и внизу показалась деревня, мой сосед заговорил. Он сообщил, что его фамилия Хэммер, а я назвал свою — Гласс. Он рассмеялся, и мне пришлось улыбнуться. Это был здоровенный, тучный парень, похожий больше на пудинг, чем на молоток¹. Он ворчал по поводу указаний лейтенанта на инструктаже. У Хэммера были свои понятия насчет умиро-

¹ На ш п е г — молоток (англ.).

творения деревни, где могли оказаться вьетконговцы: сначала разрушить, а потом допрашивать. И чем больше он говорил, тем больше оправдывал свою фамилию, если не по внешности, то по характеру. Он рассказал мне, что в прошлый раз, когда они обыскивали «дружественную» деревню, его лучшего друга убил вьетконговец, прятавшийся в одной из хижин. Хэммер сказал, что заметил гука, пытавшегося убежать, и уложил его одним выстрелом. В хижине он нашел своего друга, убитого ударами ножа.

— На полу лежала молодая девка и редела, как корова. Я решил, что это девка того гука и что ее использовали как приманку для моего дружка. Он был не из тех, кого можно застичнуть врасплох. Это был осторожный парень. Но эта шлюха, видимо, ему приглянулась. Она действительно была красива, даже в своей грязной пижаме. В другое время я сам был бы не прочь с ней побаловаться, но не сейчас, когда рядом лежал мой друг. Она заорала на меня, и я всадил ей несколько пуль прямо в грудь. Это успокоило ее навсегда. — Гнев в его глазах угас. — Он был мой лучший друг. Мы вкалывали вместе девять месяцев. Это случилось около двух месяцев назад. Через три недели он должен был уехать домой. Мы собирались держаться вместе в Штатах. Может быть, завести какое-нибудь дело. У него была настоящая деловая голова.

Я посмотрел на него, но ничего не сказал. Он принял мое молчание за сочувствие.

— Нет смысла заводить друзей в этой поганой дыре, — сказал он. — На этой проклятой войне ничто хорошее долго не длится. Ничто!

В этом я был с ним согласен, и он широко улыбнулся мне.

— Послушай, Гласс, я не знаю, как долго ты здесь служишь, но никогда не заходи один в их хижины.

— Хорошо.

— Надо держаться вместе, помогать друг другу.

— Да.

— Хэммер и Гласс — молоток и стекло. Звучит неплохо.

Он подыскивал замену убитому дружку, но еще не мог знать, что я для этого не гожусь.

Мы пришли в деревушку около девяти часов. Дети играли в пыли на дороге. Они тут же окружили нас с протянутыми руками, выпрашивая еду и сладости. Нам нечего было им дать, и сержант Экс пуганул их прочь. Но они плелись за нами в надежде хоть что-нибудь получить. Наконец я не выдержал, вытащил из ранца жестянку с сухим пайком и швырнул далеко назад на дорогу. Дети бросились за ней. Сержант косо посмотрел на меня, а Хэммер насмешливо улыбнулся и назвал меня простофилей. Я не обратил на это внимания.

Двигаясь дальше, мы совсем не встречали взрослых мужчин. Перед хижинами стояли или сидели на корточках в пыли у порога одни старики. Они отрешенно смотрели на нас глазами много проживших людей, познавших горечь жизни и смирившихся с ней. Интересно, что думали эти усталые, изможденные люди? Например, о свирепствующей вокруг бесконечной войне? Их жизнь была такой простой, вся она прошла в этой деревне и окружающих ее полях. Что они думают о чужестранцах, вторгающихся в их деревушку? Как им понять постоянное движение вертолетов, прорезающих их голубое небо; танков и полугусеничных машин, разворотивших их зеленые поля; вооруженных патрулей, шлепающих через их рисовые поля, где они возделывают землю? Я читал, что большинство жителей отдаленных деревушек не знают ни имени своего президента, ни местонахождения правительства. Мы в Штатах знаем то и другое и явились сюда распространять свои идеи, хотя ни они нас, ни мы их не понимаем. Однако они понимают язык пушек и, когда мы шагаем мимо их соломенных хижин, улыбаются нам. Это их единственное средство защиты.

Сержант Экс решил начать обследование с рыночной площади. Это был жизненный центр деревушки, и в этот ранний час там уже шла оживленная торговля. И продавцами и покупателями были женщины. Не видно было ни одного мужчины. Это типичная деревенская картина. Все здоровые мужчины отсутствовали: кто в вооруженных силах Южного Вьетнама, кто воевал с Вьетконгом, кто где-то скрывался. Всякий мужчина призывного возраста был подозрительным для обеих сторон, и семья могла видеть его только с наступлением темноты, когда он мог не опасаться проверки американцев и остерегался только вьетконговцев.

Мы шли через рыночную площадь, держа винтовки наготове. Торговки и покупательницы не обращали на нас внимания. Американские патрули были частью их повседневной жизни, и их, видимо, не беспокоило наше присутствие. В конце рынка, около одной из хижин, шла похоронная церемония, раздавались вопли и плач. Покойник-старик лежал на деревянном столе, окруженный горящими свечами, испускающими толстые кольца дыма. Члены семьи и друзья покойного — все женщины, кроме двух-трех стариков, — сидели полукругом на земле, скрестив ноги. Время от времени та или иная женщина горестно вскрикивала, но никто не пытался ее успокоить. Мне казалось, что, как только затихал вопль одной из плакальщиц, тут же вступала другая, словно таков был похоронный ритуал. Странно было видеть эту церемонию посреди оживленной рыночной торговли. Но это было не так уж необычно в стране, где жизнь и смерть существуют в такой близости, какой я никогда не знал.

Мы двинулись дальше, когда Хэммер в нерешительности остановился: его внимание привлекла группа плакальщиц, ближайшая к покойнику. Пристально взглядев-шись в них, он отвел сержанта Экса в сторону и что-то зашептал ему. Я наблюдал, как сержант изучающе смотрит на плакальщиц, и следовал за его взглядом. Пять женщин в черном, опустив голову, стонали и причитали. Через определенный промежуток времени та или иная откидывала голову назад и издавала громкий вопль. Только одна маленькая фигурка в центре, чье лицо скрывалось под черной накидкой, оставалась неподвижной и молчаливой.

— Говорю вам, это мужчина, — сказал Хэммер сержанту так громко, что его слышали все. — Я видел его лицо. Ему лет семнадцать-восемнадцать. У гуков это призывной возраст. Я докажу вам.

Мы столпились вокруг сержанта. Он покачал головой.

— Нет. Давайте последим минутку. Вы двое, — он указал на солдат, которые шли впереди меня, — обойдите эту группу и смотрите в оба. Ничего не предпринимайте без серьезной причины. И не вздумайте стрелять без разбора. Если это гук, мы возьмем его втихую. Только следите, чтобы он не попытался бежать. Понятно?

Солдаты кивнули и отправились на противоположную

сторону похоронной группы, заняв позицию, откуда можно было наблюдать передний ряд плакальщиц.

Мы четверо стояли без дела под деревом в нескольких ярдах от них. Сержант Экс закурил сигарету и предложил нам. Все взяли, кроме меня. Мне хотелось выкурить марихуану, чтобы прошло стеснение в груди, но я воздержался. Я не курил травку, когда прошлый раз выходил с этим сержантом, и не знал, как он к этому относится. Он действовал строго по уставу, и я не хотел ему перечесть.

Последив несколько минут за плакальщицами, Хэммер стал проявлять нетерпение.

— Будем стоять здесь весь день, сержант? Почему бы просто не схватить его и не посмотреть, прав ли я?

— Нельзя мешать их церемонии. Это настроит против нас всю деревню. Ты слышал, что сказал лейтенант?

— Чепуха, сержант. Мы здесь для того, чтобы искать джинков, не так ли?

— Да, но мы не уверены, что он вьетконговец. Может быть, все же под этой накидкой женщина?

— Какая, к черту, женщина! Сидит как мумия. Почему она не раскачивается и не визжит, как остальные?

— Вот мы и ждем, чтобы выяснить.

— Эти дурацкие похороны могут длиться часами, — настаивал Хэммер. — Я видел, как они были таким образом весь день.

Глаза сержанта сузились:

— Если это вьетконговец, он, видя, что мы наблюдаем, не сможет долго оставаться на месте. Он скоро что-нибудь выкинет. Надо только дожждаться.

Хэммер был явно недоволен, но ничего не сказал.

— Не могу понять, — проговорил капрал, — зачем чарли сидеть среди бела дня на похоронах, когда повсюду ходят патрули?

— Может быть, покойник — его отец, — высказал предположение Хэммер. — Разве ты не рискнул бы, будь это похороны твоего старика?

— Ну уж нет, — осклабился капрал. — Терпеть не могу своего старика.

Хэммер начал что-то говорить, но осекся. Одна из женщин, причитавшая громче всех, вдруг поднялась, подошла к покойнику, встав рядом с неподвижной черной фигурой, и горько зарыдала. Потом, взяв себя в руки, наклонилась и поцеловала запавшую щеку покойника.

Затем резко повернулась, проскользнула через группу плакальщиц и направилась в сторону рынка.

— Куда ее черти понесли? — возбужденно спросил Хэммер.

— Может быть, пошла за покупками, — заметил капрал и улыбнулся Хэммеру. Я тоже улыбнулся.

— Ничего смешного нет, — обиделся Хэммер. — Я думаю, надо за ней проследить.

Женщина, остановившись перед одним из ближайших к нам прилавков, разговаривала с другой женщиной.

— Да, — сказал Хэммеру сержант Экс, — посмотри, куда она пойдет, но не делай глупостей. Как узнаешь, возвращайся сюда. Мы будем ждать.

Хэммер пошел за женщиной. Я увидел, как он подошел к прилавку с овощами и остановился в нескольких шагах от женщины.

— Он любит изображать сыщика, — сказал капрал.

— Да, — согласился сержант, — но, возможно, он что-то уловил. Я тоже не думаю, что там сидит на корточках женщина, но, может быть, это ребенок, внук покойника. Дети не умеют плакать на похоронах. Понаблюдаем еще немного. Сейчас нет десяти часов. У нас еще есть время.

Мне понравился спокойный подход сержанта к обстановке. Это меня удивило. Другой начальник патруля разогнал бы похоронную церемонию, не обращая внимания на людей. Экс действовал рассудительно в атмосфере грубости и жестокости. Это было приятно.

Минут пять спустя вернулся Хэммер; он выглядел изумленным. Женщина снова заняла свое место у гроба и возобновила скорбные крики, словно играла роль. Вся эта обстановка — рыночная площадь, похоронный ритуал на глазах у американских солдат — выглядела причудливо. Для меня это было исключительное зрелище даже в этой странной войне. Оно зачаровывало и волновало, предвещая кульминацию, которую я не мог предвидеть.

— Что случилось? — спросил Хэммера сержант Экс.

— Я прошел за ней через весь рынок. Она поговорила с несколькими женщинами и вернулась. — Он недоуменно пожал плечами: — Ничего не понимаю. Теперь она опять голосит над трупом.

— Мы зря теряем время, — сказал капрал. — Это просто гуковские похороны. Что тут понимать?

Лицо Хэммера вспыхнуло.

— Много вы видели молодых парней во всей этой деревне? Единственный сидит у этого самого трупа. Я видел его лицо. Я чувствую вьетконговца. Говорю вам, это чарли. Если сержант прикажет его взять, быюсь об заклад, что он не промахнется.— Хэммер поглядел на сержанта.

— Мы не можем рисковать. Пока что эта деревня мирная. Я хочу, чтобы она такой и осталась, и не допу-
щу никакого убийства.

— Чего беспокоиться, черт возьми?— закричал Хэммер, теряя терпение.— Что мы, не управимся со всеми этими вониючими гуками?

— Управимся, но только так, как я говорю. Я больше не хочу слышать твоей трепотни, Хэммер.

Хэммер не успел ответить. Со стороны рынка раздались пронзительные крики, и несколько женщин побежали в том направлении, привлекая наше внимание к возникшей суматохе. Даже плакальщицы перестали вопить и вытянули шеи, чтобы посмотреть, что случилось. Сержант Экс приказал двум солдатам выяснить, в чем дело. Те с винтовками наперевес бросились на рынок и исчезли в толпе женщин, бегущих во всех направлениях. В разгар суеты я заметил, как маленькая черная фигурка у гроба вскочила на ноги, нырнула под помост, на котором лежал покойник, и исчезла в ближайшей хижине. Сержант Экс и Хэммер тоже это заметили.

— Догнать его!— скомандовал сержант.

С быстротой, неожиданной для такого полного человека, Хэммер бросился через кружок плакальщиц и остановился у входа в хижину, предусмотрительно направив винтовку в дверь. Увидев, что я стою сзади, он вошел внутрь. Я последовал за ним. После залитого солнцем шумного рынка в хижине было темно и очень тихо. Земляной пол покрывали соломенные маты, всю обстановку составляли небольшой деревянный стол и два стула. Мгновенно осмотрев хижину, Хэммер сказал:

— Должно быть, он пролез под соломенной стеной.

Он выскочил в дверь и обежал хижину кругом. Когда я его догнал, он показал на поле, примыкающее к деревне:

— Вот он!

Маленькая темная фигурка меньше чем в тридцати метрах от нас бежала через возделанное зеленое поле.

— Нам его не догнать,— сказал я, но Хэммер и не думал его преследовать. Он поднял винтовку и выстрелил. Маленькая фигурка тут же упала в траву и скрылась из виду.

— Достал мерзавца!— воскликнул Хэммер.

Мы осторожно двинулись в направлении, откуда слышался стон. Мальчик лет четырнадцати лежал на спине, зажимая рукой окровавленное плечо; его маленькие черные глазки с ужасом смотрели на нас. Он попытался сесть, но Хэммер наступил сапогом ему на грудь и прижал к земле.

— Ах ты, сопляк! Не удалось тебе меня одурачить этой похоронной накидкой. Читай свои дурацкие молитвы, чарли. Тебе больше не придется убивать моих друзей.

Мальчик закрыл глаза.

— Что ты хочешь сделать?— спросил я.

— Раздробить его поганую башку.

— Но он не вооружен. Он в нас не стрелял. Он еще ребенок. Сержант приказал задерживать всех для допроса.

— Плевать на сержанта. Он не поверил мне, когда я сказал, что этот паршивец не женщина.

— Но ведь он всего-навсего ребенок.

— Он пытался бежать. Почему? Это проклятый вьетконговец!

— Пусть это решит лейтенант.

— Да что с тобой, черт возьми?

— Я не хочу убивать ребенка. Он не может причинить нам вреда. Он ранен. А если он вьетконговец, то его захотят допросить. Он может сообщить нам сведения.

Хэммер, чье мясистое лицо источало пот, казался ошеломленным моей вспышкой.

— Я видел, как парни вроде этого стреляют из винтовки. Стервец, который убил моего друга, был ненамного старше этого джинка.

Мальчик дергался от боли и пытался освободиться от сапога Хэммера.

— Не шевелись, убогодок!— прокричал Хэммер, сильнее надавил на грудь мальчика и передвинул сапог выше, на его окровавленное плечо.

Мальчик застонал, его темные глаза умоляюще смотрели на меня. Я увидел на его лице выражение дикого

ужаса, как у того мальчишки на берегу реки. Из рта у него сочилась кровь.

— Ты его задушишь!— закричал я.— Отпусти его!— Я пристально поглядел на Хэммера и сдержал свой гнев.— Вот-вот придет сержант. Ему не очень-то понравится, если ты застрелишь мальчишку. Он действует по уставу. Мне приходилось выходить с ним раньше.

— Вот что!— сурово произнес Хэммер.— Значит, ты его подпевала.

— Да,— сказал я, почувствовав силу своей позиции, и защелкнул предохранитель винтовки.— Я тоже действую по уставу.

По лицу Хэммера ручьями стекал пот, но ему удалось выдавить улыбку.

— Хорошо.— Он снял ногу с плеча мальчика.— Я сторожу его. Иди за сержантом. Я вас подожду.

Я не доверял ему и продолжал стоять в надежде, что появится сержант или кто-нибудь из солдат. Однако никого не было видно. Наконец я сказал:

— Ладно, я вернусь как можно скорее. Успокойся.

— Я всегда спокоен,— ответил Хэммер.

Он следил за мной, пока я бежал в деревню, то и дело оборачиваясь. Хэммер стоял, держа винтовку на согнутой руке, и вытирал рукавом лицо. Дойдя до хижин на краю поля, я еще раз обернулся. Хэммер сделал мне знак поторопиться. Я завернул за угол хижины, где он не мог меня видеть, встал на колени, плотно прижался к стене и стал всматриваться в поле. Я был уверен, что Хэммер меня не видит. Мое тело напряглось, как стальной прут. Хэммер тыкал мальчика винтовкой. Я ждал и наблюдал. Мальчик с трудом поднялся на ноги, все еще зажимая плечо, и, подталкиваемый Хэммером, спотыкаясь, пошел в сторону от деревни. Я ничего не понимал. На кой черт Хэммер его уводит? Это прямо противоречило данным нам указаниям. Я поднялся с колен, чтобы остановить Хэммера, как вдруг он выстрелил. Выстрел с такого близкого расстояния отбросил мальчика на несколько футов вперед в траву. Хэммер стоял неподвижно, глядя в сторону деревни. Я застыл у стены хижины. Издалека доносились взволнованные женские голоса, но не понятно было, то ли это плач по покойнику, то ли тревога, вызванная выстрелом. Я не спускал глаз с Хэммера. Он опустил винтовку и закурил. Потом прошел к тому месту, где упал мальчик, и остановился в ожида-

нии, продолжая курить. Поле в лучах утреннего солнца было тихим и безмятежным. Фигура Хэммера резко выделялась на фоне неба. Лишь теперь я сообразил, что в поле никто не работал,— других свидетелей, кроме меня, не было.

Досада на себя, что опять упустил момент, приковала меня к стене хижины. Вывел меня из оцепенения вид Хэммера, лениво покуривающего сигарету. Ненависть к нему росла, как вкус желчи во рту. Я сорвался с места и побежал на рынок. Проталкиваясь через толпу женщин, вновь окруживших прилавки с овощами, я искал солдат своего патруля, но их нигде не было. В дальнем конце рыночной площади я остановился осмотреться и заметил, что на меня с беспокойством смотрит группа женщин.

— Где американцы?— закричал я. Они глядели на меня в смущенном молчании.— Понимает ли кто-нибудь в этой проклятой стране по-английски?

Я был в бешенстве от своей беспомощности. Как, черт возьми, разговаривать со своими союзниками? Как им помочь, если они тебя не понимают? Я всматривался в испуганные лица этих простых женщин. Кто-то из них мог быть матерью убитого в поле мальчика. Один на этом рынке, я ощущал себя жертвой какого-то нелепого кошмара, где смерть издевается над абсурдностью жизни. Внезапно я вернулся к действительности. Одна из женщин подняла руку и показала на хижину в конце рыночной площади. Кивнув в знак благодарности, я повернулся и пошел к хижине. У входа заколебался, вспомнив предостережение Хэммера о том, чтобы ни в коем случае не входить в хижину одному. Изнутри я услышал знакомую солдатскую речь.

— Пошли отсюда к чертовой матери!— И на пороге появился капрал.— Где ты пропадал?— спросил он, выходя из хижины.

— Где сержант?

— Выходит.

Я услышал какую-то болтовню по-вьетнамски и голос сержанта Экса: «Да, да». Из хижины вышел сержант и за ним два других солдата.

— Что случилось, Гласс?— спросил сержант.— Поймали его? Мы слышали выстрел.

Я кивнул, собираясь с мыслями.

— А что случилось здесь?

— Ничего особенного. У одной из гуковских старух на рынке произошел какой-то припадок, она потеряла сознание, и все женщины подняли вой. Она там, внутри. Я ничего не могу понять на их гуковском языке. Должно быть, на нее подействовала жара.— Он вытер лоб как бы в подтверждение своих слов.— Что это была за стрельба?

— Мальчик бежал по полю. Он уже был далеко, когда Хэммер выстрелил и ранил его в плечо.

Я не хотел отвечать больше того, о чем меня спрашивали, перед другими. Я их не знал. Я хотел рассказать все сержанту, когда мы останемся наедине. Хэммер не знает, что я видел. Надо быть осторожным, но на этот раз я не стану молчать. Я принял такое решение, когда смотрел на испуганные лица женщин на рынке. Жизнь не была нелепой, а смерть не была абстрактной.

— Где Хэммер?

— Сторожит мальчика. На вид ему не больше четырнадцати. Я пришел за вами.

— Хорошо,— сказал сержант Экс,— пошли.

По пути сержант Экс выразил беспокойство по поводу сложившейся обстановки. Он подозревал, что существует связь между обмороком женщины на рынке и попыткой бегства мальчика. Это пахло обдуманым планом. Он предполагал, что мальчик, возможно, был вьетконговцем, оберегаемым крестьянами, по крайней мере некоторыми. Капрал и оба солдата охотно с ним согласились. С чего бы это мальчишке удирать, рискуя жизнью, если он невиновен? Я мог бы привести несколько причин, но не стал их высказывать. Может быть, они и правы, но мне нужно было больше доказательств и меньше домыслов. Даже если мальчик был вьетконговцем, это не оправдывает его убийства Хэммером. Я не мог рассматривать это иначе как преднамеренное убийство.

Хэммер, стоя на том же месте, где я в последний раз его видел, помахал нам.

— Где же гук?— спросил меня сержант Экс.

— Наверное, лежит в траве.— Интересно, как он будет реагировать, когда найдет мальчика мертвым. Ответ не заставил себя ждать.

Увидев лежащего у ног Хэммера мертвого мальчика с открытыми глазами и ртом, Экс обратился ко мне:

— Я думал, он только ранен в плечо.

— Когда я пошел за вами, он был жив.

— Что случилось, Хэммер?

— Этот ублюдок пытался убежать. Пришлось его пристрелить.

— Ты утверждаешь, что он, будучи ранен в плечо, пытался бежать, в то время как ты стоял над ним?

— Ноги-то у него были целы, сержант. Я повесил винтовку на плечо и раскуривал сигарету. Вдруг увидел, что он бежит через траву.

— С каких это пор сторожат гука с винтовкой на ремне?

— Наверное, я не подумал. А что страшного? Еще один мертвый гук.

— Ты должен был оставить его в живых для допроса. Мы даже не знаем, вьетконговец ли он. На вид ему не больше тринадцати лет.

— Он достаточно взрослый, сержант. Эти сопляки умеют обращаться с винтовкой. Мне приходилось иметь дело с ребятами моложе его.

— Да, но ведь у него не было винтовки?

— Не было.

— Очень плохо. Это облегчило бы твое дело.

— Какое дело? Вы видели, что он пытался убежать. Вы сказали: «Догони его». Я и догнал.

— Переверните его.

Капрал встал на колени и перевернул тело вниз лицом. На затылке, под самой линией волос, зияло пулевое отверстие.

— Чистая работа, Хэммер,— сказал сержант.— Значит, гук пробирался через траву, а?

— Да, но он ушел не очень далеко, метров на десять, когда я снял с плеча винтовку и выстрелил.

— Одним выстрелом, а?

— Больше мне и не надо было. Когда я ранил его в плечо, он ушел метров на тридцать в поле, а этот мальчишка не очень-то большая мишень.— Хэммер был явно доволен собой.— Я был самым метким стрелком во всем батальоне.

— Особенно на десять метров, а может быть, меньше, а?

Хэммер ничего не ответил.

Сержант оглядел нас всех:

— Возвращаемся в деревню и продолжим проверку. Я уверен, что крестьяне сейчас наблюдают за нами. А когда они найдут этого гука, вряд ли мы им очень понравимся. Понимаете? Если этот парень чист, они могут поднять скандал.— Он поглядел на Хэммера.— Надеюсь только, что он не сын какого-нибудь деревенского старейшины.

— Чепуха, сержант,— сказал Хэммер.— Я простой солдат, а не политик. От меня требуется убивать гуков, не так ли?

— От тебя требуется выполнять приказы. Твоя дурацкая история неубедительна. Во Вьетнаме не найдется ни одного американского солдата, который поверил бы, что этот мальчишка пытался убежать с дырой в плече.

— Вы хотите сказать, что я вру?

— Я хочу сказать, что ты дерьмо, и будь у меня хоть один свидетель, я бы тебя жестоко наказал.

Хэммер был ошеломлен.

— Не понимаю эту идиотскую войну. Я делаю свое дело, убиваю гуков, как меня учили, а теперь вы говорите, что я не прав.

— Ты убил раненого мальчишку и испортил все дело. Может быть, ты настроил против нас всю деревню. Не знаю. Надеюсь, что нет. А теперь пошли отсюда. Нельзя здесь оставаться.

— Как насчет той гуковской женщины, которая сидела рядом с чарли на похоронах?— с тревогой спросил Хэммер.— Вы нашли ее? Может быть, она что-нибудь знает?

— Да, я думал об этом. Надо выяснить.

На обратном пути я только и думал о том, как сказать сержанту Эксу, что у него есть этот один свидетель. Я не знал, когда представится такая возможность, но надеялся. Хэммер следил за мной с подозрением, но я ничем не показывал, что ему есть о чем тревожиться. Втайне я чувствовал огромное облегчение. Если сержант Экс готов применить наказание, это мой человек.

Хотя похоронная церемония еще продолжалась, среди плакальщик у гроба той женщины не было, а шансы отыскать ее в деревне были невелики. Никто из нас не

мог бы с уверенностью ее опознать, а в деревне с множеством пожилых вьетнамок, которые для нас были все почти на одно лицо, наши поиски представлялись более чем безуспешными. Языковой барьер мешал нашим попыткам что-либо узнать, а если кто-то из местных жителей и понимал по-английски, он это скрывал. В своем рвении Хэммер заглядывал в лицо чуть ли не каждой женщине на рынке, некоторых пытался грубо расспрашивать. Но всякий раз женщина смотрела на него с растерянностью и страхом и молчала. Стала очевидной скрытая враждебность по отношению к нам, и все больше женщин покидало рынок и возвращалось в свои хижины. Наконец сержант Экс приказал прекратить поиски. Наше присутствие тревожило жителей, создавало напряженную обстановку на обычно оживленном рынке.

Однако у нас был приказ, и сержант Экс был не тот человек, который оставил бы его невыполненным. Если поиски на рынке ни к чему не привели, может быть, обыск хижин окажется более плодотворным? Мы приступили к нему, переходя от одной хижины к другой. Но в хижинах оружия не оказалось, не было заметно и какой-либо особой тревоги со стороны их обитателей: по крайней мере, на лицах стариков и женщин ничего нельзя было прочесть, кроме смирения с нашим непрошеным присутствием. Они молча переносили обыск в своих домах. Если и прятали от нас что-то, мы ничего не нашли. Они были непроницаемо спокойны, зная, что останутся здесь, в своих домах, и будут вновь обрабатывать свои поля после того, как мы уйдем со своими самолетами, танками и пушками. Но они еще долго будут помнить нас, после того как мы их забудем. Мы были жестокой действительностью в их мире; они были кошмаром в нашем мире — кошмаром, который длится триста шестьдесят пять дней, а когда он кончится, мы вернемся домой и будем продолжать жить, словно ничего не случилось.

К середине дня мы обыскали больше половины хижин, но так ничего и не нашли. Никто из жителей не жаловался на беспокойство со стороны Вьетконга. Напротив, когда мы упоминали Вьетконг — единственное слово, которое они понимали, — пожимали плечами и качали головой. Некоторые женщины, знавшие несколько английских слов, отвечали более определенно, повторяя как автомат: «Вьетконг здесь нет».

Мне казалось бессмысленным продолжать обыск. Мы избудоражили всю деревню. Но сержант Экс терпеливо и упорно требовал проверить все хижинки деревни. Поскольку еще оставалось несколько часов светлого времени, он не собирался прекращать работу, какой бы нудной и противной она ни была. Ему было не по душе вторгаться в хижинки и беспокоить людей, но приходилось это делать. Приказ есть приказ, и его надо выполнять.

Было четыре часа, когда мы вышли из последней хижины и устроили перекур. Мы устали больше, чем если бы были в бою. Помимо изнурительной жары нас вымотали бесплодные попытки войти в контакт с жителями деревни. Капрал был разочарован тем, что мы ничего не нашли, но сержант остался доволен операцией. Мы добросовестно провели обыск, и он был убежден, что жители не запуганы вьетконговцами, иначе мы обнаружили бы какие-нибудь признаки.

Хотя с тех пор, как мы покинули поле, никто не упоминал об убийстве мальчика, среди нас чувствовалась какая-то скрытая нервозность. Во время обыска Хэммер казался озабоченным и то и дело осторожно поглядывал на сержанта и на меня. Было ясно, что суровый отклик сержанта на его рассказ встревожил его, но он старательно избегал дальнейших разговоров об этом. Я чувствовал, что он не знает, как держаться со мной. Если у него и было подозрение, что я все видел, то он его умело скрывал. Однако я заметил, что он вертится около меня, и, если бы я сказал что-нибудь сержанту, он обязательно услышал бы. Он сильно потел, и я знал, что не только от жары, и хотя втайне радовался его беспокойству, оно меня пугало. Я уже многому научился и знал, что такие люди, как Хэммер, пойдут на все ради своего спасения. Как голодные волки, они готовы съесть своих. Я по-своему был готов поступить так же, когда придет время.

Прежде чем вернуться на базу, мы в последний раз обошли рыночную площадь. Продавцов и покупателей уже не было. Овощные прилавки опустели, киоски закрылись. Похоронная процессия с покойником отправилась к месту захоронения, оставив после себя мерцающие и чадающие свечи. Больше здесь нечего было делать, и мы двинулись на базу по дороге, которая шла по краю поля, огибая деревню. Не прошли мы и нескольких мет-

ров, как увидели двух деревенских старейшин, шагавших навстречу нам с поля. Они шли медленно, с трудом, согнувшись под тяжестью груза, который несли. Это был мертвый мальчик. Старики склонили головы и тяжело дышали. Только поравнявшись с нами, они подняли головы и молча поглядели нам в лица. Когда они проходили мимо, я горестно кивнул им головой.

— Я думаю, не мешает их допросить, — сказал Хэммер. — Может, они что-нибудь знают о чарли?

— Может быть, они желали бы допросить нас, — ответил сержант. — Хочешь ответить на их вопросы?

— Я только выполнял свою проклятую работу.

— Да, только не думаю, что они это поймут, даже если бы ты знал гуковский язык. Это просто два старика, которые несут домой убитого мальчика.

— Они к этому привыкли, сержант. В стране полно убитых гуков, да и убитых американских солдат немало.

— Нечего меня поучать, Хэммер. Я внес свою долю в убийство гуков. За то и получил вот эти нашивки.

— За что же тогда вы меня ругаете?

— За то, что ты сорвал задание.

— Что же вы хотели, чтобы я позволил этому гуку убежать?

— Я хотел, чтобы ты взял его в плен. За этим мы сюда пришли: взять подозрительных. Если ты не способен охранять четырнадцатилетнего мальчишку с пулей в плече, значит, ты не годишься для такой работы.

— Он бы далеко убежал, если бы я не попал в него с первого выстрела.

— Хочешь получить еще один значок за отличную стрельбу?

— Черт возьми, я вас не понимаю!

— Тогда заткнись и пошевеливайся! Пошли.

Меня очень приободрила позиция сержанта, и весь обратный путь на базу я только ждал момента, когда смогу рассказать ему все, что знаю. Я намеревался ответить на вопрос, который прочел на лицах этих двух стариков.

— Почему ты не рассказал мне раньше, до того, как я доложил лейтенанту? — спросил сержант Экс, бросив на меня укоризненный взгляд.

Было восемь часов вечера, и мы уже больше получа-

са разговаривали в палатке-столовой. Другие участники патруля уже поели и ушли. Сержант пришел позднее, и я медлил над чашкой кофе, чтобы остаться с ним наедине. Хэммер задержался, чтобы узнать, что сказал сержант лейтенанту. Экс заставил его немного помучиться, прежде чем признался, что доложил его версию убийства. Что касается Хэммера, то на этом журнал патрулирования за прошедший день был закрыт. Теперь я снова открыл его.

— Не мог же я говорить при Хэммере. Я должен был рассказать вам одному.

— Я так и подумал, когда увидел дырку в голове мальчика. Выстрел был сделан с трех, от силы четырех футов. Но у меня не было доказательств, что мальчишка не бежал. Это было вранье, но я не имел доказательств.

— Теперь вы их имеете. Я ваш свидетель.

— Это не так просто.

— Почему?

— Я уже доложил лейтенанту версию Хэммера. Только я ее подправил.

— Зачем вы это сделали?

— Я не мог подтвердить его неправдоподобную версию и не мог потребовать наказания, не имея фактов. Я поддерживаю своих солдат независимо от личных познаний. Нельзя успешно провести операцию, нанося удар собственным солдатам, если нет фактов. Это подрывает моральный дух, и у тебя на руках остается кучка лоботрясов, каждый из которых заботится только о себе.

— Но ведь вы сами сказали, что Хэммер сорвал задание. А теперь у вас есть факты, чтобы это доказать.

— Ничего не могу сделать, Гласс. С какими глазами я опять пойду к лейтенанту, после того как изложил дело в пользу Хэммера?

— Расскажите ему правду. Скажите, что только что узнали об этом от меня. Я готов пойти с вами, если хотите.

— Он спросит, почему вы не сказали сразу. Это будет плохо выглядеть. Мой доклад уже внесен в отчет.

— Можно исправить этот чертов отчет. Я ведь сказал, что не хотел говорить в присутствии Хэммера. Я повторю это лейтенанту.

— Это поставит меня в дурацкое положение. Ведь я наврал лейтенанту о том, как был убит мальчишка, чтобы действия Хэммера были понятны.

Теперь я рассердился:

— Что же вы сказали лейтенанту?

— Что Хэммер убил мальчишку первым выстрелом, когда тот убегал в поле.

— Но ведь было два выстрела.

— Лейтенант этого не знает.

— Но весь патруль знает.

— Ну и что?

— А что, если лейтенант узнает, что было два выстрела?

— Как он узнает? У него нет причин задавать вопросы. Да и кто скажет ему по-другому?

Я был поражен.

— Вы защитили Хэммера лучше, чем он сделал бы это сам.

— У него не было выбора. У меня был.

— Не понимаю.

— Я тебе говорил, я не мог прижать Хэммера без доказательств. — Он усмехнулся: — Надо было спасти патруль.

— Вы спасали свою шкуру, потому что Хэммер не выполнил вашего приказа.

Лицо сержанта помрачнело:

— Хватит. Больше мне нечего сказать.

— Нет, не хватит. Я пойду к лейтенанту!

— Не высовывай голову, парень. Тебе ее отрубят.

— Черт знает что! Ведь вы сами сказали: если бы только был свидетель. Я думал, вам это и надо.

— Да, надо было. Но теперь слишком поздно.

— Для меня не поздно.

— Хочешь выставить меня лжецом?

— Не собираюсь никем вас выставлять. Я хочу рассказать то, что видел, вот и все.

— Лейтенант вызовет нас всех на ковер. Твои слова будут противоречить нашим.

— Никто ничего не видел, кроме меня.

— А Хэммер? Он убил мальчишку, и я внес в отчет, как он это сделал. Хэммер меня поддержит, да и другие тоже. Уж поверь мне.

— Да вы с ума сошли!

— Да, совсем спятил. Я сказал то, что сказал, потому что больше ничего не оставалось, и не собираюсь теперь менять свой доклад. И никто не посмеет мне гадить. Понятно?

— Это угроза, сержант?

— Это закон жизни. — Его голос смягчился: — Я бы строго наказал Хэммера, если бы ты рассказал мне раньше. Ты это знаешь. Но теперь другое дело. Никому не принесет пользы, если мы изменим доклад, зато мы все будем плохо выглядеть. Положение паршивое, и мне противно не меньше, чем тебе. Я знаю парней вроде Хэммера. Они живут, чтобы убивать. Я не считаю это образцовым несением воинской службы, и мне не нравится, что они остаются безнаказанными. Но я не собираюсь губить из-за них свою армейскую карьеру. Я не просто отбываю свой срок, а остаюсь в армии навсегда. У меня хороший послужной список, и все знают, что я хороший паренёк. Нельзя допустить, чтобы подонок вроде Хэммера испортил мне карьеру. Могут дать голову на отсечение, что он больше не сыграет со мной такую подлую штуку.

Я вдруг почувствовал к нему жалость. А я-то считал его сильным! Никогда бы не поверил, что он станет соучастником Хэммера. Но это меня больше не волновало. Беспокоило меня то, что он делает и меня соучастником, и я сопротивлялся.

— Не могу держать язык за зубами, сержант.

— Ты хочешь, чтобы я поднял шум из-за одного гувовского мальчишки, который к тому же мог оказаться вьетконговцем?

— Не важно, был ли он вьетконговцем. Важно то, что мы потеряли возможность узнать, кто он. Если не запретить типам вроде Хэммера убивать просто из озорства, то мы сами будем виновны в убийстве, как и он.

— Чепуха! Хэммер виновен, потому что действовал вопреки приказанию.

— Да, — устало проговорил я, — это было вопреки приказанию.

— Нечего мне об этом говорить. Армия держится на выполнении приказов. Вот так. Делай свое дело и забудь обо всем прочем.

Я кисло улыбнулся:

— Мне все время говорят: забудь. Беда в том, что у меня хорошая память.

— Я говорю, чтобы ты забыл сегодняшний день, Гласс. Иди-ка спать. Утром все будет выглядеть по-другому.

— Этот мальчишка и утром будет мертвым.

— Ты тоже можешь быть мертвым.

— Собираетесь меня похоронить, сержант?

— Не сегодня, Гласс, — усмехнулся сержант. — Но чарли могут в любое время обстрелять базу ракетами. Они засели на холмах и все время наблюдают.

— Знаю. — Я не улыбался.

— А потом, остается старина Хэммер. Не стану говорить, что он может сделать, если узнает, что ты говорил с лейтенантом.

— Да, я думал об этом. Но я могу ухлопать его первым.

— За это с меня шкуру не сдерут, — сказал сержант, все еще улыбаясь.

Я встал из-за стола:

— Пойду спать, сержант. Буду держать вас в курсе.

— Давай, Гласс. И подумай о том, что я сказал. Война еще завтра не кончается. Сколько тебе осталось?

— Не знаю, да и как знать, сержант? — И я вышел из столовой, предоставив ему подумать об этом деле.

Ночь я провел, покуривая травку, а утром пошел к лейтенанту.

Когда я кончил свой рассказ, лейтенант откинулся на стуле и молча смотрел на меня. Я беспокожно ерзал на стуле в ожидании какой-либо реакции.

— Хорошо, что вы пришли ко мне, Гласс, — наконец сказал лейтенант. — Командир роты не может хорошо выполнять свои обязанности, не зная, что происходит с его солдатами в поле.

Я не знал, что сказать, и только кивнул головой.

— Вы уверены, что, кроме вас, никто не видел, как Хэммер убил мальчика?

— Так точно, сэр.

— Не видел ли кто из крестьян? Был в это время кто-нибудь в поле?

— Нет, сэр. В поле не было никого, кроме Хэммера и мальчика.

— Слышал ли кто-нибудь второй выстрел?

— Не знаю, сэр. В деревне могли его слышать, но жители настолько привыкли к стрельбе, что никто не обращает на это внимания.

— Значит, в это время никто не выходил из деревни?

— Нет, сэр. Во всяком случае, пока я прятался позади хижины. Но я оставался там недолго. Я пошел искать

сержанта. Возможно, потом кто-то мог видеть Хэммера в поле. Я не знаю. Он находился там, пока я не вернулся с патрулем.

— А потом вы все оставались какое-то время там?

— Так точно, сэр, пока не вернулись в деревню и не приступили к обыску хижин.

— Кого-нибудь на похоронах беспокоило отсутствие мальчика?

— Я не задерживался возле них. Я хотел поскорее найти патруль.

— Да, но похоронная церемония продолжалась?

— Так точно, сэр.

— И рынок работал?

— Да, сэр.

— Значит, если они слышали выстрелы, их это не очень встревожило?

— По-моему, нет.

— Как долго, вы считаете, Хэммер ждал вашего возвращения с патрулем?

— Минут десять, может быть, пятнадцать.

— А сколько времени вы оставались в поле и разговаривали, перед тем как вернуться в деревню?

— Еще минут десять.

— А вы не заметили, что за вами в это время наблюдают крестьяне?

— Нет, сэр.

Его вопросы усилили мое смущение. Я не ожидал, что подвергнусь перекрестному допросу, словно свидетель в суде. Я чувствовал, куда он клонит, и мне это не нравилось.

— Вы хотите сказать, что крестьяне не могут с уверенностью сказать, кто убил мальчика?

— Нет, я бы этого не сказал. Теперь они достаточно ясно это представляют.

— Почему вы так считаете?

— Они видели, как мальчик бросился бежать и как мы с Хэммером устремились за ним. И они наверняка слышали первый выстрел. Мы стояли у самой хижины, метрах в пятнадцати от похорон.

— Хорошо. Но ведь они не могли знать, достигла ли пуля цели и вообще куда вы стреляли?

— Тогда не знали, но, конечно, поняли потом, когда нашли мальчика и принесли в деревню.

— Но ведь они не могли определенно сказать, кто это сделал?

— Сэр, я говорю вам, что это сделал Хэммер. Для этого я и пришел.

— Да, Гласс, но в данный момент меня интересует, что знают крестьяне.

— Понимаю, сэр. Но не можете ли вы мне сказать, что собираетесь предпринять? Это сэкономит время.

Лейтенант Колдрон сердито посмотрел на меня, но неожиданно согласился:

— Да, пожалуй, вы правы, Гласс. — Он натянуто улыбнулся. — Ведь мы с вами на одной стороне, не так ли?

— Да, сэр.

— Мне нужны подробные сведения, Гласс. У меня не легкая задача. Я понимаю, как я выгляжу в ваших глазах, но я отвечаю перед штабом батальона, а там от меня требуют факты.

— Я сообщил вам все факты, сэр.

— Есть мелкие детали, которые на первый взгляд могут показаться не относящимися к делу, но на самом деле это не так. Они могут перерасти в нечто гораздо большее, чем вы представляете.

— Сэр?

— Если этот мальчик не вьетконговец и крестьяне поймут, что мы его убили, они могут очень скоро появиться здесь и пожалуются командованию базы. Мы не хотим ссориться с ними. Нам нужна их дружба. Моя задача — привести веские доводы в нашу пользу.

Я почувствовал знакомое стеснение в груди.

— Не вижу, какие доводы можно привести в нашу пользу, сэр.

— А почему бы нет, если никто, кроме вас, не видел этого?

— Значит, вы не намерены доложить мое сообщение штабу батальона?

— Думаю, это не нужно, Гласс. Мне кажется, вы не представляете, перед какой проблемой мы стоим.

— Думаю, что представляю, сэр.

— Нет, не представляете. Что сделано, то сделано. Мы не можем вернуть мальчику жизнь. Я хотел бы, чтобы он остался жив. Мы могли бы узнать, почему он бежал. Но теперь важно сохранить хорошие отношения с крестьянами. В этом и состоит моя задача. Я говорил вашему патрулю, что у него деликатное задание. А теперь из-за глу-

пости Хэммера положение осложняется, и я доволен, что узнал от вас факты.

— Простите меня, сэр, но теперь крестьяне знают, что мальчик был ранен в плечо и убит выстрелом в затылок. Они, конечно, поймут, что случилось. Ведь они не дураки.

— Да, но я-то не знал, что было два выстрела, пока вы не пришли ко мне. У крестьян было больше фактов, чем у меня. — Он покачал головой. — Сержанту Эксу следовало сказать мне правду. Я понимаю, что он покрывал своих солдат, и не могу осуждать его за это. Но надо было соображать. Ведь он был поблизости. Он знает, как действуют командные инстанции. Я бы защитил его, но для этого должен был знать все факты. Благодарю вас, Гласс. Вы понимаете меня?

— Но я пришел не для того, чтобы покрыть это дело, сэр.

— Не думайте об этом, Гласс. Я все устрою. Но надеюсь, сюрпризов больше не будет?

— Нет, сэр. Я все рассказал.

— Вот и хорошо.

— А как быть с Хэммером? Если он узнает, что я был у вас, ему это не понравится.

Лейтенант улыбнулся:

— Интересно, когда вы до этого додумались? Не беспокойтесь. Я займусь Хэммером и сержантом Эксом. Ему тоже не поздоровится.

— Понимаю, сэр, но я хочу, чтобы вы знали, что я пришел сюда, сознавая, что потом за мной будут охотиться.

— Вы поступили правильно. Я буду вас охранять.

Я ненавидел себя за то, что повернул разговор, чтобы обезопасить себя. Ночью я все обдумал и решил рассказать правду. А теперь чувствовал себя нечистым, и моя совесть восставала против этого.

— Я могу сам позаботиться о себе, лейтенант, — пробормотал я.

— Да, но я должен заботиться о моральном состоянии своих солдат. Это входит в мои обязанности. Держитесь подальше от Хэммера. Я позабочусь, чтобы вы не ходили вместе с ним патрулировать.

— Это меня вполне устраивает, сэр.

— Я не хочу, чтобы наш разговор вышел за пределы этой палатки, Гласс. Понимаете? Не хочу, чтобы он дошел до штаба батальона. Я сам займусь этим делом.

— Слушаюсь, сэр.

— Гласс!

— Да, сэр?

— Не горюйте об этом мальчике. Я знаю, что вы чувствуете. Мне тоже противно. Но подобные вещи на войне бывают. Важно не поддаваться их влиянию.

— Я учту.

— Хорошо. Еще одно: Хэммер отрезал мальчику уши?

— Нет, сэр. После смерти его не трогали.

— Это хорошо. Если бы ему отрезали уши, это выглядело бы действительно паршиво. Вьетконговцы этого не делают. — Я спокойно встретил взгляд лейтенанта. — Все, Гласс.

— Слушаюсь, сэр.

Выйдя из палатки командира, я зажмурился от яркого утреннего солнца. Я был противен самому себе. Меня обманули. Лейтенант сделал меня соучастником убийства, которое я пришел разоблачить. Если бы я обратился через его голову в штаб батальона, моя жизнь не стоила бы ни гроша.

На армейской базе, особенно в зоне боевых действий, трудно удержать что-то в секрете. Новости просачиваются из высших инстанций в низшие. Так, на следующий день после моего разговора с лейтенантом я услышал от солдат о встрече старейшин деревни с командиром взвода. Они пришли протестовать против убийства ребенка одного из них американским патрулем. Лейтенанту Колдрону предложили представить отчет о действиях патруля. Он изложил свои доводы, и, поскольку крестьяне не представили конкретных доказательств, штаб снял с себя всякую ответственность за происшедшее. Командир батальона приписал вину за трагедию вьетконговским элементам, действующим в долине, и заверил деревенских старейшин, что задача американских патрулей — защищать жителей от подобных зверств.

Для армии инцидент на этом был исчерпан, но я не мог успокоиться и вечером опять отправился к лейтенанту.

— Что еще, Гласс?

Я перешел прямо к делу:

— Сэр, я прошу разрешения доложить о нашем разговоре непосредственно штабу батальона.

По лицу лейтенанта пробежала натянутая улыбка и тут же исчезла.

— В этом нет необходимости, Гласс.

— Мне это необходимо, сэр.

— Вас все еще мучает совесть из-за убитого гука?

— Да, сэр.

— Следовательно, вы хотите действовать через мою голову?

— С вашего разрешения, сэр.

— Не морочьте мне голову, Гласс. Если я не дам разрешения, вы все равно обратитесь к полковнику Кэннону, не так ли?

— Так точно, сэр.

— Удивляюсь вам, Гласс. Неужели вы действительно думаете, что я настолько глуп?

— Я не думаю, что вы глупы, сэр.

— Что ж, насчет этого вы абсолютно правы. Вы не откроете полковнику Кэннону ничего нового, потому что я ему все рассказал. Все! Такова система командования. Каждая инстанция подкрепляет следующую, и так до самого верха. К счастью, крестьяне не видели, как Хэмер убивал мальчишку, и все прошло гладко. Инцидент исчерпан. Поймите это, Гласс.

— Слушаюсь, сэр. Теперь я понимаю.

— Очень хорошо. Я не раскаиваюсь, что не перевел вас отсюда вместе с Томасом и другими ненадежными солдатами из того патруля в лошине.

Его замечание удивило меня, и он заметил это по моему лицу.

— Вы ведь знали, что Томас застрелил Долла? Об этом знал весь патруль. Но тогда вы промолчали, не правда ли?

— Я этого не видел.

— Да, но вас не волновало, что Долл убит? Вы считали, что он это заслужил?

— Нет, сэр, я так не считал.

— Хотите рассказать мне об этом?

— Нет, сэр. Тот инцидент тоже исчерпан. Не так ли, сэр?

— Да, исчерпан, Гласс. А теперь ступайте отсюда к чертовой матери и помалкивайте. Не хочу больше слышать ваших жалоб.

— Больше не услышите, сэр.

На следующий день меня назначили в ночной патруль. Когда на закате мы собрались на инструктаж в палатке начальника патруля, я с изумлением и тревогой увидел там Хэммера. Мое беспокойство усилилось, когда он дружески приветствовал меня, словно был рад увидеть старого друга, каким я, разумеется, не был. Знает ли он, что я был лейтенанта?

Во время инструктажа я плохо слышал начальника патруля. Мои мысли были поглощены Хэммером. Я не верил, что нас случайно поставили вместе. Лейтенант Колдрон всегда очень внимательно просматривал списки назначенных в патруль в своем взводе. Я исподтишка поглядывал на Хэммера, стараясь уловить какие-нибудь признаки его изменившегося отношения ко мне, но напрасно. Он спокойно слушал начальника патруля и, казалось, не замечал моего интереса к нему. Это была хитрая бестия, и мне следовало быть еще хитрее.

В то время главная задача наших ночных патрулей из четырех человек заключалась в защите базы от проникновения противника, который наносил короткие удары с целью подорвать наши склады и вообще постоянно нас беспокоил. Наши патрули были хорошо вооружены — винтовками, гранатами, ножами (на случай прямого столкновения с противником) — и обладали достаточной огневой мощностью для уничтожения всего, что встретят или услышат в темноте. Особенно нервировало то, что часто было невозможно отличить противника от наших ночных засад, охотившихся на вьетконговцев в долине, и были случаи, когда мы в темноте убивали своих солдат. В большинстве случаев единственным тревожным признаком был звук — топот ног в кустах или треск сухой ветки, а иногда крик человека, сраженного ножом. Над нами постоянно висела угроза неожиданной засады, и это вызывало страшное напряжение, требующее предельной сосредоточенности. Нельзя было отвлекаться ни на секунду. Звук, который не удалось услышать, мог оказаться последним звуком в жизни.

В тот вечер мы проползли под проволокой и в угасающем свете дня пробрались через минное поле, окружающее нашу базу. Если не выйти до наступления полной темноты, рискуешь подорваться на собственной mine. По той же причине ночные патрули должны возвращаться

не раньше рассвета, когда уже достаточно светло, чтобы видеть обратный путь через минное поле и чтобы их видело сторожевое охранение. Кроме того, противник имел больше опыта в ночных боевых действиях, и это ставило нас в еще более невыгодное положение. Вьетконговцы владели инициативой на всей территории. Они действовали — мы противодействовали. Из-за этого и более высокого процента потерь с нашей стороны ночное патрулирование считалось среди американских солдат самой беспокойной боевой задачей.

Миновав проволочное ограждение и минное поле, мы, пригнувшись, медленно двинулись по направлению к скалистым холмам метрах в двухстах от переднего края базы. Мы достигли их без происшествий и устроились слушать и наблюдать в течение ночи. Холм был отличным наблюдательным пунктом: с него проглядывался спуск в долину, откуда мог появиться противник. К тому же он был широкий, плоский и лишенный кустарника, так что нельзя было подойти к нему незаметно ближе, чем на тридцать метров.

Мы уселись полукругом: начальник патруля и Хаммер рядом, а другой солдат и я спиной друг к другу, наблюдая за левым и правым склонами холма. В течение примерно получаса все молчали, привыкая к ночным звукам: шороху листьев, вскрику какой-то птицы и непрерывному жужжанию комаров, отыскивавших нас в темноте. Мы молча махали руками, отгоняя их от лица. Когда Хаммер шлепнул себя по шее, мы все напряглись.

— Прекратить это, — прошипел начальник патруля.

— Они съедят меня живьем, — пожаловался Хаммер.

— Ну и пусть. Хочешь, чтобы чарли убил тебя живьем?

— Убить живьем! Хорошо сказано, сержант.

— Кончай!

Бездействие в ночном патруле действовало на нервы сильнее, чем огневой бой. Мы сидели час за часом молча, в постоянном напряжении, стараясь отличить звуки, исходящие от человека, от естественных ночных звуков. Нельзя было ни покурить, ни пошевелиться, чтобы размять затекшие ноги. Через некоторое время ожидание и настороженное прислушивание начинают действовать на нервы, и вздрагиваешь даже от взмаха крыльев птицы в темноте или шелеста травы. Ночь кажется бесконечной, и чуть ли не хочется, чтобы появился противник, просто

для того, чтобы снять напряжение от ночного бдения. Но ночь прошла без происшествий, и, когда забрезжил рассвет, нас охватило огромное чувство облегчения. Мы дождались, пока стало достаточно светло, чтобы отчетливо видеть дорогу, и стали готовиться к возвращению на базу.

Внизу, в долине, рассеивался туман, и первые лучи солнца осветили поля слоновой травы. Мы оторвались от этого красивого зрелища, чтобы пуститься в обратный путь, как вдруг Хэммер закричал:

— Смотрите!

Сержант резко повернулся кругом:

— В чем дело?

— Вот! — Хэммер показал на опушку леса.

Два одетых в черное и вооруженных автоматами вьетконговца медленно шли по краю поля параллельно опушке. Пока мы молча наблюдали за ними, Хэммер поднял винтовку и прицелился.

— Стой! — сказал сержант. — Они вне досягаемости. Ты их только спугнешь.

Хэммер опустил винтовку:

— Они все равно уйдут.

— Возможно. Если только они идут не на нас, а от нас.

— Но ведь они направляются к югу, удаляются от базы.

— Посмотри-ка, Хэммер, они идут к концу тропинки, которая ведет вниз от южной окраины базы. Возможно, они готовят засаду на тропинке. Ведь по ней ходят дневные патрули.

— Тогда надо их уничтожить, — с нетерпением сказал Хэммер.

— Нет, погоди. Мы доложим их местоположение. Пусть ими займутся дневные патрули.

— Смотрите! Какого черта они делают? — воскликнул другой солдат.

— Похоже, что едят, — сказал я.

— Верно, — согласился Хэммер. — Эти болваны уселись завтракать, как на пикнике. Может быть, они не знают, что идет война?

— Знают. Не на буйолов же они охотятся с боевыми винтовками.

— Послушайте, сержант! Если мы быстро пройдем по тропинке, то можем сцапать мерзавцев с набитыми рисом ртами.

— Надо доложить их местонахождение, — настаивал сержант.

— Конечно. А тем временем двое из нас могли бы спуститься за ними.

— Ладно, согласен. Хорошо бы взять их в плен. А ты знаешь дорогу, Хэммер?

— Знаю, я ходил по ней несколько раз.

— А ты, Гласс?

Я покачал головой, но Хэммер сказал:

— Мы раньше ходили патрулировать вместе. Я покажу ему дорогу.

— Хорошо, вы двое идите вниз, только держитесь вместе. Я буду наблюдать отсюда. — Он обратился к другому солдату: — Лоутон мчись в лагерь, сообщи лейтенанту, где находятся гуки, и бегом назад. Ты можешь мне понадобится.

— Слушаюсь, сержант.

Хэммер повесил винтовку на плечо:

— Пошли, Гласс.

— Минутку! — сказал сержант. — Если я замечу других гуков, то дам две короткие очереди поверх деревьев за тропинкой, чтобы вы знали, что это я. Это будет значить, что гуки в большинстве, и тогда живо уносите ноги. Не хочу, чтобы вы попали в засаду. Если меня здесь не окажется, я пошел на базу вызывать вертолет. Для таких случаев надо бы давать ночным патрулям рацию.

— Не беспокойтесь о нас, сержант, — сказал Хэммер и усмехнулся. — Я принесу вам миску риса для вашей коллекции сувениров.

— Давай, у меня таких сувениров еще нет. А теперь отправляйтесь. Гуки долго не едят.

Мы оставили сержанта, сидевшего сгорбившись на холме, и углубились направо в лес. Мне была хорошо знакома эта тропинка. По ней мы шли в лощину в утро моего первого патруля. Но я не сказал об этом Хэммеру. Я хотел, чтобы он шел впереди, потому что не доверял ему. Уж очень ему хотелось, чтобы именно я пошел с ним. Я надеялся, что сержант не согласится с планом Хэммера и предоставит это дело дневным патрулям, но он решил не упускать возможности захватить двух вьетконговцев на открытом месте, тем более что нашелся такой страстный охотник, как Хэммер. Что я мог сказать? Что меня больше тревожит мой напарник, чем противник? Так я очутился в безвыходном положении, наедине

с Хэммером, охотясь за противником, но чувствуя, что человек, который ведет меня в долину, охотится за мной. Я не был уверен в своих подозрениях: во Вьетнаме часто преувеличиваешь опасность, — но понимал, что осторожность не помешает.

Пройдя полпути, мы остановились передохнуть. Нагруженным тяжелым снаряжением — ранцы, бронежилеты, пояс с гранатами, — нам было трудно идти напрямик, через лес, и даже на открытых участках тропинки, круто спускающейся вниз, верхняя часть тела настолько перевешивала, что трудно было держать твердый шаг. У Хэммера была еще дополнительная нагрузка — его жир, и он расплачивался за нее потом, который щипал глаза и струился по лицу, так что ему приходилось то и дело вытирать его, чтобы видеть, куда идти. Каждое лишнее движение вытягивало из него силы. Он дышал, как сенбернар в жару.

— А ты не потеешь, Гласс? — спросил он и бросил в рот несколько соленых пилюль, запив большим глотком воды из фляги.

— Конечно потею. — Я вытер лицо, чтобы его убедить.

— Вы, тощие ублюдки, счастливые. Жрете как свиньи и не прибавляете в весе ни на унцию. А у меня все, что ни съем, превращается в жир.

— Ничего не поделаешь, так уж ты устроен.

— К тому же ты меньшая мишень. Когда-нибудь думал об этом?

— Нет, мне это никогда не приходило в голову.

— А должно бы! — Он хитро усмехнулся. — Возьми чарли. Когда берешь его на мушку, кажется, и стрелять-то не во что. А я, должно быть, выгляжу для него как слон.

— Никогда об этом не думал.

— Правда, шансы наши уравниваются. Гук не способен так хорошо видеть своими косыми глазами. А я могу выбить яички быку на двести метров. Однажды я так и сделал. Надо было видеть, как этот скот подскочил: — Он рассмеялся при этом воспоминании, я ответил улыбкой. — Пожалуй, надо двигаться, а то эти гады уйдут.

Хэммер ослабил лямки своего ранца.

— Надо было оставить это барахло у сержанта. Оно нам ни к чему. Не снять ли нам пояса с гранатами и ранцы и спрятать их здесь?

— Гранаты могут понадобиться.

— Я не собираюсь подходить так близко, чтобы пускать их в ход. Мне хватит пары выстрелов.

— Пояс с гранатами не такой уж тяжелый, но с ними чувствуешь себя спокойнее. Просто на всякий случай, понимаешь? А что, если чарли найдут их, если будут здесь проходить? Мне совсем не хочется, чтобы меня взорвали собственной гранатой.

— Да, пожалуй, ты прав. — Хэммер снял ранец и забросил его в сторону от тропинки. — Пусть гуки жрут мой паршивый паек. — Он ожидал, что я поступлю так же, и, чтобы угодить ему, я забросил и свой ранец. Я не хотел, чтобы он подумал, что я могу нести большой груз.

Когда мы снова двинулись в путь, я приотстал, пропуская его вперед, но тропинка была достаточно широкой; чтобы идти рядом, и Хэммер помахал мне, приглашая догнать его.

— В чем дело? — спросил я, подходя.

— Давай лучше наметим план, пока не дошли до подножья.

— Что ты предлагаешь?

— Перед самым концом, метрах в семистах отсюда, тропинка раздваивается. Мы дойдем туда минут за десять. Я пойду налево, а ты направо, к опушке леса. Если гуки все еще жрут, мы просто расправимся с ними, а если минуют мою позицию прежде, чем я туда дойду, ты сможешь их перехватить. Но, может быть, нам повезет, и они окажутся как раз между нами. Тогда я открою огонь слева, а ты справа, и они попадут под перекрестный огонь, прежде чем поймут, откуда стреляют. Согласен?

Хотя план Хэммера был не лишен смысла, мне не понравилось предложение разделиться. Я возразил:

— Сержант велел нам держаться вместе.

— Чепуха, Гласс! Нас двое на двое. Если они останутся вместе, а мы разделимся, это введет их в заблуждение. Они подумают, что окружены, и вдобавок мы получим преимущество внезапности.

— А что, если они разделятся и прикроют обе дорожки?

— Тогда будет соотношение один к одному. Но гуки нас не ожидают. Они будут следить за тропинкой, а мы будем под прикрытием деревьев. В любом случае мы добьемся успеха.

Я все еще испытывал беспокойство, но мои доводы были исчерпаны.

— Хорошо, — согласился я наконец.

Мы замолчали и ускорили шаг. Дойдя до развилки, остановились осмотреть местность, перед тем как разойтись. Через деревья проглядывало лежащее внизу поле. В лучах восходящего солнца оно выглядело таким безмятежным, что трудно было поверить, что оно может стать ареной огневого боя.

— Я думаю, они еще не прошли, — сказал Хэммер. — Ну, желаю удачи, Гласс. — Он осклабился и зашагал в гущу деревьев влево.

Я как вкопанный стоял у развилки. Я надеялся, что вьетконговцы кончили завтракать и давно ушли и мне не придется убивать. Я был плохо приспособлен к окружающему меня чуждому миру и не смог бы что-либо предпринять. Меня трясло от страха и возмущения. Гнев мой был направлен на лейтенанта Колдрона. Я был уверен, что он решил избавиться от меня. Прошло довольно много времени, прежде чем я наконец сошел с тропинки и углубился в лес вдоль правой дорожки. Пройдя метров сорок подлеском, я достиг опушки леса, граничащей с полем, занял позицию в тени деревьев, откуда хорошо было видно поле и вход в правую ветвь тропинки, и стал ждать. Пока ничего не было заметно. Я поднял винтовку и, глядя через прицел, медленно повел ствол поперек поля. Это сужало поле зрения и позволяло лучше разглядеть детали. В прицеле поле резко разделялось на отдельные участки травы, колеблющейся и расходящейся в стороны под теплым ветром.

Не обнаружив ничего подозрительного, я перевел прицел на линию деревьев слева и уловил отблеск света в темной листве. Я пригляделся. Это был ствол винтовки, сверкающий на солнце и высунутый, как палец, в открытое поле. Я сразу понял, что это винтовка Хэммера, общаривающая, как и моя, поле. С чувством облегчения я опустил винтовку и остановил взгляд на блестящем стволе. Он точно указывал мне местонахождение Хэммера. Теперь оставалось только ждать. Хотя я старался сосредоточить внимание на поле, но то и дело оглядывался на ствол винтовки, неподвижно направленный вперед. Прошло несколько минут, и меня стало разбирать любопытство, во что это целится Хэммер. И тут я увидел, в чем дело.

В тридцати метрах от его позиции над высокой травой

подпрыгивали две головы. Они двигались к югу параллельно опушке леса. Хэммер, должно быть, заметил, как они приближаются слева, и терпеливо следил за ними. Я поднял винтовку и поймал их в прицел. Это в самом деле были вьетконговцы с автоматами на ремне, покачивавшимися с каждым шагом. Они проходили позицию Хэммера и были метрах в двухстах от меня, приближаясь медленным шагом, глядя перед собой и не подозревая об опасности, грозящей с опушки леса. Я положил палец на спусковой крючок и ждал, пока Хэммер откроет огонь. Они были близко от него, метрах в сорока, но удалялись и приближались ко мне по линии, проходящей в тридцати метрах от моей позиции. Я не понимал, почему Хэммер не стреляет. Это были бы верные выстрелы, на которые он надеялся. По мере приближения вьетконговцев я чувствовал, как сжимаются мышцы на груди. У меня дрожали руки. Пот заливал глаза, и я мигал, чтобы лучше видеть, и старался твердо держать винтовку. Вьетконговцы были слева от меня под углом в пятьдесят градусов и приближались к вершине треугольника между позицией Хэммера и моей, когда я понял, что Хэммер выжидает наилучшего положения для перекрестного огня. В момент, когда, по моим расчетам, вьетконговцы достигли вершины треугольника, я, затаив дыхание, прицелился в первую из двух подпрыгивающих голов и весь обратился в слух. Прошло несколько секунд, и раздались два выстрела подряд. В момент второго выстрела голова в моем прицеле дернулась влево и исчезла. Я сделал несколько выстрелов и, отпустив спусковой крючок, взглянул поверх прицела. В том месте, где были два вьетконговца, в ярком солнечном свете блестела трава. Ничто не шевелилось. Я не знал, убил ли Хэммер вьетконговцев, или только ранил, или вообще промахнулся. В ограниченном поле зрения прицела я только заметил, что голова, в которую целился, исчезла до того, как я сделал первый выстрел.

Я оставался на своей позиции и выжидал, блуждая взглядом от поля к тому месту на опушке леса, где видел винтовку Хэммера. Она исчезла, и в тени деревьев не видно было никаких его признаков. Куда он девался? Мы не договаривались, где снова встретимся. Я было подумал отправиться обратно через лес к его позиции, но решил, что не стоит. Пусть он сам найдет меня. Он должен знать, где я, по моим выстрелам.

Хэммер появился внезапно из тени деревьев. Встав на

краю поля и подняв винтовку, он подавал мне знаки. Это меня удивило. Я не ожидал, что он рискнет выйти на открытое место. Должно быть, он уверен, что убил ветконговцев. Неужели так верит в свои снайперские способности? Два выстрела — две головы. Я не был так уверен. Однако, увидев, как Хэммер машет винтовкой в мою сторону, я подумал, что проявил чрезмерную осторожность. К тому же Хэммер был не из тех, кто стал бы так глупо рисковать. Ведь он не решался входить в хижину один.

Я вышел из своего укрытия на солнечный свет и помахал ему. Он дал мне знак подойти. Я сделал два-три шага, осторожно пробираясь сквозь густую траву, когда раздался выстрел. Я не видел, когда он выстрелил. Пуля просвистела слева от моей головы, и в следующий момент я уже лежал вниз лицом на траве. Я почувствовал, что с моего уха стекает теплая струйка, и не сразу понял, что это кровь. Наверное, пуля все же задела меня, хотя я не чувствовал боли. Я лежал неподвижно и не произносил ни звука. Кровь постепенно заполняла ухо, но я не стал ее вытирать. Я затаил дыхание и прислушался. Ни звука. Я приподнял голову, но не увидел ничего, кроме слабо колышащейся травы. Чтобы задеть левую сторону моей головы, надо было стрелять с опушки леса. Должно быть, в тот момент, когда выстрелил Хэммер, я смотрел вниз. Он был самое большее в ста метрах от меня, и мысль, что он подкрадывается ко мне, заставила напрячься все мускулы тела. Я боялся пошевелиться. Зажатая в руке винтовка лежала подо мной. Надо ее высвободить, пока он не подойдет ближе. Слава богу, она была установлена на автоматическую стрельбу. Я медленно перевернулся на правый бок, осторожно подтянул винтовку к груди и замер. Единственным выходом для меня было притвориться мертвым и ожидать, когда он подойдет. Он должен был убедиться, что попал в меня. Казалось, прошла целая вечность, пока я не услышал зловеющий звук шагов, ломающих сухую траву. Потом раздался голос Хэммера, окликавшего меня по имени. Хитрый дурак! Я прикинул, что он был метрах в двадцати от меня, когда шаги затихли. Наступила невыносимая тишина, когда мы оба прислушивались к звукам, исходящим от другого. Я боялся дышать. Наконец опять захрустела трава, и шаги приблизились. Я увидел его метрах в десяти. Он стоял неподвижно; в просвете между травой и краем моей каски виднелось его туловище. Ствол винтовки был направлен

вниз. Помедлив секунду, он двинулся вперед, на пояс поперек его живота болтались гранаты. Хэммеру так и не пришлось поднять винтовку. Я поспешно дал очередь ему в живот. От пуль взорвались гранаты, отбросив его на несколько футов назад в траву. Вскочив на ноги, я встал над ним. Он лежал на спине. Гранаты распороли ему живот и грудь, внутренности забрызгали лицо. Я отвернулся. У меня дрожали ноги, я опустился на колени, и меня вырвало. Волна радости охватила меня: я сумел перехитрить Хэммера и остался жив. К счастью, меня еще раз вырвало, облегчив напряжение в желудке. Я с наслаждением глубоко втягивал в легкие свежий воздух.

На обратном пути я обдумал, как буду докладывать о происшедшем. Я легко придумал подробности, а зацепившая меня пуля служила отличным доказательством. Кровь в ухе заеклась и засохла ручейками на левой стороне лица. Это меня не беспокоило, и я нарочно не стал ее вытирать.

На полпути позади меня прозвучали две короткие очереди. Это начальник патруля предупреждал, что в долине появились новые вьетконговцы, но теперь это не имело значения. Было слишком поздно, чтобы встревожить меня или... Хэммера.

Когда я вышел из леса, начальник патруля и другой солдат — Лоутон — были на холме и наблюдали за долиной. Они резко повернулись на звук моих шагов, потом опустили винтовки.

— Что случилось? — спросил начальник патруля, увидев мое окровавленное лицо. — Ты ранен?

— Пустяки. Пуля задела кончик уха.

— Что случилось? — повторил он.

Я коротко расказал ему всю историю, придерживаясь подлинных фактов вплоть до момента, когда мы взяли вьетконговцев под перекрестный огонь.

— Я слышал, как вы стреляли, — сказал сержант, — но потом стало тихо, а затем раздалась еще очередь. Вы уничтожили их?

— Да, но они убили Хэммера. Мы подумали, что уложили их наповал перекрестным огнем. Когда стало тихо, Хэммер вышел в поле проверить. Я оставил свою пози-

цию, и мы сближались, когда один из гуков выстрелил в него, а потом зацепил меня, прежде чем я его застрелил. Он чертовски быстро действовал автоматом. Я истратил на него полмагазина.

— Тебе повезло.

— Да.

— Ты уверен, что Хэммер мертв?

— Еще бы! Гук взорвал гранаты на его поясе. Всего разворотил.

— Господи! Бедняга! — вздохнул сержант.

— Во всяком случае, мы взяли двоих за одного, — вставил Лоутон.

— Черта лысого мы взяли! — рассердился сержант. — Хэммер был хороший солдат. Он стоял десяти гуков.

— Не меньше, — добавил я.

Взглянув на долину, сержант отвернулся.

— Пожалуй, пойдем домой. Я заметил еще пять вьетконговцев, которые шли на юг. Вертолет еще мог бы их подцепить. Вы слышали мои предупредительные выстрелы? Я за вас беспокоился.

— Слышал. Я был тогда на полпути сюда.

— Тебе определенно повезло. Бедный Хэммер, надо же, подорваться на собственных гранатах! Ужасная смерть.

— Да, ужасная, — подтвердил я.

— Как твое ухо? — спросил сержант.

— Оно меня не беспокоит. Я думаю, оно выглядит хуже, чем на самом деле.

— Оно выглядит не так плохо. Чарли отхватил только маленький кусочек. Медики приведут его в порядок. Смотри только, чтобы не попала инфекция. Я знал одного парня, которого поцарапала их мина. Казалось, пустяк, а ему искорежило пол-лица. Пришлось отправить его домой.

— Это от пули чарли, — сказал я. — Не возражаю, если меня отправят домой.

— Неплохо бы, — усмехнулся сержант.

— Получишь «Пурпурное сердце», — сказал Лоутон.

— Как раз его мне и нужно.

— Пошевеливайся! — прикрикнул на Лоутона сержант. — Мы не можем торчать здесь весь день.

На базе медик промыл мне ухо, прижег ранку и отметил в санитарной книжке: «Годен к службе».

— Хочешь получить за это «Пурпурное сердце», — спросил медик, не отрываясь от записи, — или дождешься, пока получишь что-нибудь похлеще?

— Запиши меня, — ответил я. — Оно мне нужно как сувенир. Я присочиню к нему какую-нибудь пикантную историю.

— Да, уж ты сочинишь. Ладно, Гласс, все. Если будет заражение, тащи ухо сюда, и мы его оттяпаем.

— Поди ты...

В полдень я собирался в столовую, когда в мою палатку вошел сержант:

— Лейтенант после обеда хочет тебя видеть.

— Зачем?

— Не знаю.

— Ведь вы ему все рассказали?

— Конечно. Он довольно-таки взволновался, когда узнал, что мы обнаружили. Выслал два вертолета за остальными туками.

— Он сказал что-нибудь о Хэммере?

— Да. Очень жалел. Сказал, что Хэммер был одним из лучших солдат. Один из вертолетов должен его подобрать. Я сказал ему, что Хэммер где-то у конца тропинки. Правильно?

— Правильно. Только там почти ничего отправлять домой.

— Ты не представляешь, что могут сделать медики, осталось бы только лицо. Я видел, как они зашили одного парня. Его распорола мина от паха до адамова яблока — все равно как разделяют рыбу. Так они засунули назад внутренности и зашили его, а когда нарядили в чистую форму, он выглядел как новенький. Его семья вполне могла бы держать гроб открытым на похоронах. Вот с лицом уже ничего нельзя сделать.

— У Хэммера лицо в порядке, — сказал я.

— Это уже неплохо. В прошлом году моему другу осколки мины попали прямо в лицо. Оторвали всю левую часть головы. Его запечатали и отправили с «собачьим жетоном» домой, а семью предупредили, чтобы не открывали гроб. А его старик не хотел поверить, что внутри он, пока сам не увидит. Сказал, что армия может ошибиться, что не хочет похоронить чужого с жетоном своего мальчика. Он заставил открыть ящик. Наверное, он узнал эти

пол-лица, потому что тут же грохнулся на покойника. Сердечный приступ. Сшиб гроб на пол прямо на похоронах, у всех на глазах. Скандал! Вот упрямец!

— Откуда вы об этом узнали?

— Его сестра описала мне всю историю, и хорошо сделала. Не думаешь о подобных вещах, а вдруг с тобой такое случится? Понимаешь? Я написал об этом своему старику. Велел не открывать, если меня отправят домой в запечатанном ящике. Закопайте, и все.

— Никогда об этом не думал.

— А ты подумай. Не скажу, что моего старика сразу хватил удар. Он крепкий старикан. Но мать — другое дело. Не хочу, чтобы она увидела меня таким. Так ей будет легче.

— Да, незачем ей лишние страдания.

— И я так считаю. Скажи, как твое ухо? — Он поглядел на меня. — Почти ничего не заметно, если не приглядываться. Здорово его устроили.

— Все в порядке. Я даже не знаю, там ли оно, пока не потрогаю.

— Выглядело оно паршиво, когда я сначала увидел кровь. Тебе здорово повезло. Еще пара дюймов, и мы отправили бы тебя домой тоже.

— В запечатанном ящике?

Сержант рассмеялся:

— Ты такой спокойный, Гласс. Молодец! Как насчет пожевать, дружище? Ведь мы опоздали на завтрак.

— Пошли.

— Ненавижу эти ночные патрули. Ни еды, ни травы, а если что случится, как сегодня утром, остаешься без завтрака. Жаль терять яйца и бекон. Это единственная приличная еда за весь день.

— И я так считаю.

Мы вышли из палатки и направились в столовую. Я не думал о предстоящем разговоре с лейтенантом — это меня не тревожило. На этот раз у меня не было жалоб. Теперь я был выше этого. Я больше не выступал против системы, и, как ни странно, был доволен. Может быть, на мое самосознание оказали какое-то влияние мрачные рассказы сержанта. Его навязчивый интерес к отвратительным подробностям смерти подействовал на мое отношение к ней. Я осознал, что меня мало тревожит вопрос о собственной смерти, потому что некому обо мне заботиться, некому меня оплакивать. Если меня отправят домой в

запечатанном гробу, никто в приюте не подумает снять крышку, чтобы убедиться, что это в самом деле я.

И даже теперь, когда я пишу эти строки, меня не волнует вопрос о смерти. Суд может лишить меня жизни за то, что я совершил. Пусть будет так. Но он никогда не узнает, что у меня в голове. Об этом судить только вам.

Лейтенант неподвижно сидел на стуле и нервно вертел в руках карандаш. На этот раз я чувствовал себя свободно. Он перешел прямо к делу.

— Сержант рассказал мне, что случилось, Гласс. Но для доклада мне нужны подробности. Мы обязаны сообщить семье все, что известно о смерти Хэммера.

— Я понимаю, сэр.

— Расскажите мне точно, что произошло после того, как вы заметили вьетконговцев.

— Слушаюсь.

Я спокойно, подробнее, чем сержанту, рассказал ему о наших действиях. Во время моего рассказа лейтенант чертил какой-то план и делал заметки в блокноте, а когда я кончил, приступил к допросу:

— Я одного не понимаю, Гласс. Если вы и Хэммер находились в ста метрах друг от друга, когда взяли гуков под перекрестный огонь, почему вы соединились, прежде чем пойти за ними в поле? Почему вы не шли, держа их под перекрестным огнем?

Я пожал плечами:

— Когда Хэммер показался и дал мне знак подойти к нему, я решил, что он точно знает, что пригвоздил гуков. Во всяком случае, он так сказал, когда я подошел к нему.

— А вы тоже думали, что они убиты?

— Я не был уверен. Как я сказал, когда Хэммер открыл огонь, гук, в которого я прицелился, упал, как только я выстрелил. Я не знал, попал ли в него Хэммер, или я, или он просто бросился на землю. Ведь вы знаете, как быстро это происходит.

— Но Хэммер был уверен?

— Так он сказал.

— Он был превосходным стрелком.

— Да.

— Если он был уверен, что гуки убиты, зачем вы пошли в поле?

— Хэммер хотел взять их автоматы.
— А на каком расстоянии вы были друг от друга, когда пошли в поле?

— Три-четыре метра.

— Вы шли параллельно?

— Нет. Хэммер шел первым. Я шел немного позади и правее.

— Так? — Он нарисовал на листке блокнота два кружка и подвинул его мне через стол.

— Примерно так, — сказал я.

— И что произошло потом?

— Я говорил вам, сэр.

— Повторите еще раз.

— Гук открыл огонь и попал в нас.

— В нас?

— Он прошил Хэммеру живот и задел мне ухо, прежде, чем я его убил. — Я потрогал кончик уха.

— Да, я только что получил медицинское заключение. Это просто поверхностная рана. Вам действительно повезло, Гласс. Хэммер подрывается на собственных гранатах, а вы отделываетесь пустяком. Трудно поверить. — Он пристально посмотрел мне в лицо, и его глаза сузились. — Я говорю с вами откровенно, Гласс. Не могу себе представить, чтобы Хэммер стал так рисковать. Он должен был быть абсолютно уверен, что гуки убиты.

— Он меня убедил. Я не хотел идти в поле.

— Да. Вы взяли их автоматы?

— Нет, сэр. Я поскорее смотался.

— Откуда же вы знаете, что убили этого гука?

— Он больше не стрелял. После того как я выпустил по нему очередь, стало страшно тихо. Я знаю, что убил его.

— Я послал за Хэммером вертолет. Медики должны тщательно его обследовать, прежде чем отправят тело.

Было ясно, на что он намекает, и я чувствовал сильное искушение сказать ему, как мне действительно повезло, что медики найдут только осколки гранат, а не винтовочные пули, которые их взорвали.

— Он в ужасном виде, — сказал я. — Гранаты его прямо распороли. Страшно было на него смотреть. Но медики, наверное, привыкли к такому. Они видели все. Я слышал, что они здорово латают, если лицо в порядке.

— Вы действительно невозмутимый тип, Гласс.

— Сэр?

— Я знаю, что вы имели зуб против Хэммера. Почему вы не признаетесь в этом? Вы рады, что он погиб.

— Нет, сэр. Я просто рад, что это случилось не со мной. Это вполне естественно.

Я с раздражением оттолкнул блокнот. Хотя у лейтенанта не было никаких доказательств против меня, разговор меня встревожил. Я был уверен, что он назначил меня в этот ночной патруль в расчете на совершенно иной исход. Меня приводила в бешенство его тактика расстановки ловушек, и моя враждебность вылилась наружу.

— Почему вы назначили меня и Хэммера в один и тот же патруль, хотя обещали этого не делать?

Мой вопрос насторожил его, но он быстро овладел собой:

— Список составлял помощник командира взвода. Это был обыкновенный ночной патруль для охраны базы.

— Но вы видели список, сэр, не правда ли?

— Да. — Он не отрывал от меня глаз. — Я не подумал об этом. Были дела поважнее. Хэммер вышел из того дела незапятнанным. У него не было никакой злобы на вас, не правда ли?

Он испытующе следил за мной, и я начал раскаиваться, что поднимал этот вопрос, но все же продолжал настаивать:

— Хэммер знал, что я был у вас по тому, другому делу?

— Чего вы добиваетесь, Гласс? Что вас тревожит? Можете быть со мной откровенны. — Он фальшиво улыбнулся.

— Ничего. Абсолютно ничего, сэр. Просто я был удивлен, увидев Хэммера вчера вечером после того, что вы мне обещали.

— Он говорил вам что-нибудь относительно того, другого эпизода?

— Нет, сэр. Он был, в общем, настроен довольно дружелюбно.

— Но вы относились к нему с подозрением, не так ли?

— Нет, сэр. Я был просто удивлен, как я сказал.

— Скажите, Гласс, чья идея была отправиться за гуками?

— Хэммера. Он прямо-таки сгорал от нетерпения и уговорил начальника патруля.

— Почему с ним не пошел Лоутон?

Я спокойно встретил испытующий взгляд лейтенанта.

— Хэммер хотел пойти со мной. Сержант не возражал.
— Наверное, вы боялись остаться наедине с Хэммером, если думали, что он знает, что вы на него накапали?
— Да, я думал об этом и был вдвойне осторожен.
— И решили убить его, прежде чем он убьет вас?
Теперь были поставлены точки над «i», и я дал ему отпор:

— Хэммера убил чарли, лейтенант, и зацепил меня. Не мог же я прострелить собственное ухо из винтовки! Это слишком мудрено.

Лицо лейтенанта вспыхнуло.

— Вы наглец, Гласс! Вам здесь не ужиться. И я с вами рассчитаюсь. А теперь убирайтесь отсюда к чертовой матери!

Его ярость меня удивила. Я не ожидал, что он взорвется. Но я был доволен. Теперь я знал, в каком положении нахожусь, хотя мало чем мог помочь себе. Я встал, небрежно отдал честь, глядя на его макушку, и оставил его угрюмо уставившимся на заметки в блокноте. Ему было о чем поразмыслить, да и мне тоже.

Конечно, мне здесь не ужиться, но я торжествовал свою маленькую победу. Однако это длилось недолго. Провал плана лейтенанта тревожил меня. Он мог послать меня с другим Хэммером. В конце концов он найдет способ от меня избавиться. Что я мог сделать?

Вечером, покуривая травку, чтобы снять напряжение, я тешил себя мыслью о том, что неплохо бы закатить взведенную гранату в палатку лейтенанта, пока он спит. А почему бы и нет? Это было бы не так уж необычно. Я уснул с этой мыслью и спал крепко.

На следующее утро на доске объявлений появился приказ, два пункта которого представляли для меня особый интерес.

Рядового Ричарда Хэммера, убитого в бою, добровольно вызвавшегося уничтожить засаду противника и выполнившего это ценой жизни, представить посмертно к ордену «Бронзовая звезда».

Рядовому Дэвиду Глассу явиться к дежурному сержанту взвода за получением распоряжения о переводе в Кэмп-Джордан, в третью кавалерийскую (автомобильную) дивизию в Лонгхоа.

Решение лейтенанта Колдрона о моем переводе было неожиданным. Я вздохнул с облегчением и подумал, что

это счастливое решение для нас обоих. Возможно, он прочитал мои дурацкие мысли.

Вручая мне командировочное предписание, дежурный сержант сказал:

— Отправляешься сегодня после обеда, Гласс. Когда прибудешь в Кэмп-Джордан, получишь назначение бортовым стрелком вертолета. Это хорошая, чистая работа. Не придется больше пробираться через заросли. Ты счастливчик, Гласс.

— Да.

— Скажи, ты не был вчера в том патруле с Хэммером?

— Был.

— Почему же он заработал «Звезду», а ты нет?

Я пожал плечами:

— Он убит в бою, а я получил только легкое ранение.

— Да! — сердито фыркнул сержант. — Понимаю, что ты хочешь сказать. В этой части героями бывают только мертвые.

7

За все время пребывания в Кэмп-Джордане я так и не смог привыкнуть к мучительной жаре. Расположенный на наносной земле в верховьях дельты Меконга, в провинции Лонгхоа, этот лагерь, казалось, всасывал, как губка, влажный жар с окружающих рисовых полей. Если не считать времени, проведенного в полете, при выполнении заданий, то я жил, непрерывно обливаясь потом. Даже по ночам не становилось прохладнее, как на плато в Камбине. Там после дневной работы я всегда мог рассчитывать на хороший ночной сон, чтобы набраться сил для завтрашнего патрулирования. Теперь я спал беспокойно, купаясь в собственном поту, и часто просыпался более усталым, чем когда ложился спать.

Однако почти во всем остальном в Кэмп-Джордане было лучше, чем в Камбине. Я избавился от преследований лейтенанта Колдрона, а служба бортовым стрелком вертолета была чище и гораздо менее мучительной, чем хождение по болотам и джунглям в пеших патрулях, и больше подходила к моему характеру. Полеты приятно возбуждали, а, поскольку противник был далеким и невидимым, огонь с воздуха представлялся безличным. Во время первых вылетов я стрелял из пулемета по деревь-

ям, джунглям, оврагам, а не по мужчинам, женщинам и детям. Конечно, предполагалось, что там, где рвутся наши ракеты и падают пули, скрываются солдаты противника, но, когда их не видишь, чувствуешь себя совсем по-другому. В течение двух недель, пока мы не вылетели на задание, я не видел ни изуродованных трупов, ни агонизирующих раненых ни с одной стороны. Пока это продолжалось, я испытывал облегчение.

В тот день мы получили особое задание. Все утро у деревни Лойку шел сильный бой против крупного отряда противника. К середине дня, когда бой прекратился, наши войска убили с дюжину солдат противника и взяли несколько пленных. Полковник, командовавший нашими войсками, затребовал по радио вооруженный вертолет, чтобы вывезти пленных для допроса. Сержант Брайт, пилот нашего вертолета, проинструктировал нас по пути в зону посадки.

Когда мы сели на покрытом травой холмике посреди рисового поля, метрах в двухстах от того места, где мы заметили наши войска, сержант Брайт приказал мне доложить полковнику, что мы готовы подняться, как только нас загрузят.

— На всякий случай возьми винтовку, — сказал он. — Неизвестно, что там еще делается.

Я прошлепал через мокрое поле и увидел полковника, лейтенанта и нескольких солдат, охранявших пленных. Их было шестеро: двое мужчин, две женщины и два маленьких ребенка. Дети — мальчик и девочка — жались к матерям, и вся группа выглядела очень испуганной. Я доложил полковнику, что мы готовы к погрузке пленных. Он счел нужным поправить меня, сказав, что они считаются «задержанными», пока после допроса разведчиками не будет установлена их вина. Меня изумило такое строгое толкование правил полковником, тем более что он только что вышел из кровопролитного боя. Глядя на группу, сгрудившуюся на земле, я подумал: «Интересно, как разведчики определяют, являются ли четырехлетние дети задержанными или военнопленными? Будут ли их допрашивать или просто станут судить по их связям с матерями?»

Полковник приказал лейтенанту и двум капралам помочь мне доставить задержанных к месту посадки и поскорее их отправить. Его беспокоили вьетконговские вой-

ска, отступившие в лес в тысяче метров к югу, по другую сторону рисового поля. Он думал, что они окопались там вместе с полученным подкреплением. Не имея точных сведений об их численности и расположении, он ожидал подкрепления, чтобы начать преследование. Полковник предупредил меня, чтобы вертолет после взлета держался подальше от опушки леса. Я учел его предостережение. Если хоть одна винтовочная пуля даже на расстоянии нескольких сот метров попадет в важную часть несущего винта или пробьет коробку передач, вертолет может камнем упасть на землю.

Когда полковник приказал нам идти, два капрала стали тыкать прикладами перепуганных задержанных, чтобы поднять их на ноги. Женщины, прижимая к себе детей, быстро встали, но мужчины замешкались, и приклады винтовок сильнее ударили их по спинам. Тогда они вскочили и тесно прижались к женщинам, прикрывая их своими телами. Один из солдат стал погонять их вперед, тыча винтовкой в спины. Другой выругался и начал бить кулаком ближайшую к нему женщину. Сгорбившись под ударами, женщина с мальчиком на руках споткнулась, потеряла равновесие и упала на землю, подмяв под себя ребенка. Мальчик испуганно закричал, и она быстро встала, крепче прижав ребенка к себе.

Когда группа двинулась, полковник закричал солдатам:

— Спокойнее, не смейте их бить!

Солдаты утихомирились, и мы двинулись к вертолету через топкое рисовое поле. Мы шагали по насыпи, разделяющей участки поля, засаженные молодыми побегами риса. Пройдя метров тридцать, один из солдат на мгновение обернулся и опять стал тыкать пленников стволом винтовки. То же самое делал другой солдат. С каждым ударом пленники спотыкались и скользили в грязи, стараясь избежать ударов по рукам и ногам. Ругаясь и смеясь, солдаты продолжали бить пленников. Я вопросительно поглядел на лейтенанта, но он забавлялся их игрой и ухмыльнулся мне. Наконец, когда одна из женщин упала в грязь с ребенком и солдаты стали ее пинать ногами, пока она с трудом не поднялась, я обратился к лейтенанту:

— Нет никакого смысла бить их, это только нас задерживает.

— Куда это ты так торопишься? — спросил лейтенант. — Мы достаточно натерпелись от этих джингов за

сегодняшнее утро, и ребята просто дают выход своим чувствам. Им это полезно. И мне тоже. Если бы не дурацкая добродетельность полковника, я бы их перестрелял там, где их поймали.

— Даже если это простые крестьяне, работающие на рисовых полях? — спросил я.

— Что ты, черт возьми, знаешь? Первый выстрел сегодня утром сделали из этой самой деревни на севере. Мы мирно шли, когда на краю рисового поля на нас обрушился огонь. Их было человек сто против нас двадцати. Прошло четыре часа, пока они потеряли достаточно гучков, прекратили огонь и бежали в лес. Мы нашли эту группу, прятавшуюся прямо среди убитых. Их выдал визг детей. Они вьетконговцы, летун. На мой взгляд, вся эта сволочная страна вьетконговцы.

«И дети тоже?» — хотел я спросить, но был уже достаточно научен и промолчал. Лейтенант и оба солдата смотрели на меня с нескрываемой враждебностью. Мы молча продолжали путь. Потом один из солдат злобно ткнул винтовкой в пах одного из мужчин, который отстал от других. Мужчина взвыл и упал на колени, прижав руки к паху. Другие пленники остановились и обернулись на него. Мужчина, стоя на коленях и склонив голову, стонал и раскачивался от боли.

— Поднять его! — приказал лейтенант.

Тяжелый сапог солдата со всей силой ударил мужчину в челюсть. Тот повалился на бок в канаву и лежал там в грязи, испуганно глядя на стоящего над ним солдата.

— Вставай, ты, джинк!

Человек тряс головой, прикрыв ее руками. Сапог ударил его в ребра.

— Встать!

В ожидании следующего удара человек сжался в комок, чтобы стать как можно меньше. Обе женщины пронзительно кричали, прикрывая головки плачущих детей, другой мужчина направился было к лежащему на земле, но второй солдат встал перед ним и ударил прикладом в грудь, отбросив его назад к женщинам.

Я повесил винтовку на плечо и направился к упавшему человеку.

— Какого черта тебе надо? — закричал лейтенант.

— Я его подниму. Битье ничего не даст.

— Не лезь не в свое дело, летун. Он встанет сам.—

Лейтенант указал на группу пленников: — Уэйд, веди их к вертолету. Мы с этим пойдем за вами.

Уэйд с руганью толкал пленников, заставляя их идти дальше. Я остался с лейтенантом. Мы прошли около ста пятидесяти метров, и оставалось еще только же до места, где сел вертолет; его лопасти медленно, с равномерным жужжанием вращались. Я знал, что мой пилот спешит взлететь, и это заставляло меня нервничать. Вертолет был удобной мишенью на ровном, открытом поле. Я хотел поднять упавшего человека и заставить его идти. Видя, как Уэйд угоняет других, я сказал лейтенанту, что надо их догнать.

— Не беспокойся, летун. Вертолет без тебя не улетит. — Он поглядел на дрожащего пленника, свернувшегося в клубок. — Пни его в задницу, Холи. Если через две секунды этот подонок не встанет, пристрели его.

Холи ударил мужчину сапогом в спину у основания позвоночника. Человек закричал от боли, но не поднялся, только руки, закрывавшие голову, дрожали, как будто он потерял над ними контроль. Холи продолжал его пинать. Человек с каждым ударом вздрагивал и еще больше сжимался.

— Ты ломаешь ему спину! — крикнул я.

— Пристрели его! — приказал лейтенант.

— Сэр?

— Пристрели его!

Холи загнал патрон в патронник, приблизил винтовку на несколько дюймов к его голове и выстрелил. Пуля пробила руку человека и разнесла ему голову. Сапоги Холи забрызгала кровавая масса. Он вытер ее о пижаму убитого.

— Ты помалкивай об этом, летун, — сказал лейтенант. — Пошли.

Лейтенант и Холи последовали за другими. Я шел сзади. Пройдя несколько шагов, я обернулся и поглядел в сторону деревни. Интересно, обратил ли внимание полковник и его люди на выстрел. Ничего не было видно, кроме высокой травы, окружающей деревню. Я понял, что глупо думать, будто единственный винтовочный выстрел привлечет чье-нибудь внимание в этой стране, где непрерывно стреляют.

Когда мы догнали остальных, лейтенант сказал:

— Все в порядке, Уэйд. Джинк сопротивлялся, и мы его пристрелили.

— Хорошо, — сказал Уэйд. — А что делать с этим стадом? Я больше не могу терпеть этих орущих шпанят.

— Веди их к вертолету.

Дети не умолкая плакали. Мужчина и две женщины смотрели на нас глазами, полными страха. Они поняли, что случилось, и, когда Уэйд и Холи рывкнули на них, приказывая идти, ускорили шаг, стараясь скорее добраться до спасительного вертолета.

До вертолета оставалось меньше ста метров, когда с юга, с опушки леса, раздалась стрельба. Мы бросились на землю, оставив без внимания наших пленников, которые стояли в растерянности, сбившись в кучу и стараясь прикрыть друг друга. В неподвижном воздухе свистели пули. Я крикнул, чтобы они ложились, но они продолжали стоять. Женщины пронзительно кричали и крепче прижимали детей, а дети орала еще громче. Позади меня лейтенант и оба солдата вслепую стреляли по опушке леса, хотя она была за пределами действительного огня их оружия.

Эта картина — визжащие женщины с кричащими ребятишками, одиноко стоящие посреди огня, — бесила меня, потому что я был бессилен что-либо предпринять. Наконец лейтенант и солдаты перестали стрелять, и я услышал, как режут винты вертолета, запущенные на полную мощность. Первым моим побуждением было выбраться из канавы и бежать к вертолету. Я не хотел здесь остаться. Это был мой вертолет. Я принадлежал к его экипажу. Но пленники удержали меня от бегства. Я не мог их бросить и был обязан доставить в безопасности. Я за них отвечал. Я подумал о бедняге, лежащем мертвым, с раздробленной головой, в канаве. Он уже не был задержанным. Теперь он считался убитым врагом. Я крикнул женщинам, дав им знак ложиться. На этот раз они послушались и присели на корточки вплотную друг к другу.

Как раз в это время справа от нас упали первые мины, глухо разрываясь в мягком грунте и извергая глыбы земли с зелеными побегами риса.

— А теперь что нам делать? — спросил Холи лейтенанта.

— Я предлагаю смыться отсюда, пока они не пристрелялись, — сказал Уэйд.

— Да, — согласился лейтенант. — У нас нет огневых средств. — Он вставил в винтовку новый магазин. — Мы

возвращаемся, летун. Лучше поспеши к вертолету. Здесь под минами долго не просидишь.

— А как быть с пленниками? — спросил я.

— Мы о них позаботимся.

— Я должен их вывезти. Так приказал полковник.

— Не беспокойся насчет полковника. Я все устрою.

Я не знал, что делать. Я понимал, что сержант Брайт не может долго ждать, когда близко рвутся мины. Он должен подняться. С каждой секундой он рисковал попасть под огонь.

— Мы еще можем доставить их к вертолету. Миңчы до нас не достают,— сказал я.

— Гукам на опушке леса это понравится,— съязвил Уэйд.— Они только и ждут, что мы побежим, чтобы нас всех перебить. Я не намерен подходить близко к вертолету, лейтенант. Почему мы должны рисковать жизнью ради кучки вонючих гуков? Не вижу в этом смысла, лейтенант.

Лейтенант посмотрел на меня.

— Дальше мы не пойдем, летун. Ступай. Это приказ.

— Я возьму их с собой,— сказал я.

— Никого ты не возьмешь. Если ты сейчас же не уйдешь, гарантирую, что ты никогда не доберешься до своего вертолета. Понятно?

Я взглянул на жестокие лица лейтенанта, Уэйда и Холи, встал и побежал, опустив голову, мимо пленников. Мне было стыдно смотреть им в глаза. Я пробежал десять — пятнадцать метров, тяжело топая по насыпи между канавами, направляясь прямо к вертолету, когда позади затрещали выстрелы автоматической винтовки. Я не стал оборачиваться; крики сказали мне обо всем. В груди у меня жгло как раскаленным углем, не хватало воздуха, но я сумел устоять на ногах и продолжал свой бег. Раздалась вторая очередь, и крики прекратились. В моих ушах снова звучали только разрывы мин и жужжание винтов. В пятидесяти метрах от вертолета я почувствовал себя в безопасности. Они не собирались меня застрелить. Теперь экипаж мог меня видеть, и я знал, что вертолет подождет. Я продолжал бежать, пока не оказался под винтами. Струя воздуха сбила меня с ног. Сквозь шум винтов я услышал голоса, окликавшие меня по имени. Я с трудом встал на ноги и ухватился за раму двери. Джоунси, другой бортовой стрелок, втащил меня на борт.

Я, задыхаясь, упал на пол: вертолет поднялся и полетел низко над землей.

— Ну как ты, о'кей? — крикнул Джоунси.

Я кивнул и сел, втягивая воздух через рот. Джоунси оставил меня и занял свое место у пулемета. Теперь мы быстро шли над землей, держась подальше от опушки леса, и стали резко подниматься, быстро набирая высоту, чтобы в случае опасного попадания пилот имел достаточно высоты и времени для вынужденной посадки. Еще несколько секунд, и мы достигли тысячи футов и стали выравниваться, пролетая над деревней севернее рисового поля, далеко за пределами досягаемости минометов. Я снял винтовку, отставил ее в сторону и занял свое место у бортового пулемета.

Отрегулировав головной телефон, я услышал голос сержанта Брайта по переговорному устройству.

— Ты здесь, Гласс?

— Здесь.

— Что там случилось?

— Мы шли с пленными, когда чарли открыли огонь.

— Где же пленные?

— Мне пришлось их оставить. Лейтенант приказал мне уйти без них.

— А мы уже жждали тебя, Гласс. Еще минута, и мне пришлось бы оставить тебя там.

— Понимаю. Я тоже заторопился, когда услышал шум винтов.

— Что они собираются делать с пленными?

— Лейтенант не сказал. — После минутного колебания я спросил: — Разве вы не видели, что мы подходим?

— Мы ничего не видели, кроме огня с той опушки леса. Сколько вас было?

— Лейтенант, два солдата и пленные.

— Бедняги! Надеюсь, они выбрались оттуда.

— Наверное.

Мы летели, описывая широкий круг над деревней, который привел нас к северному краю рисового поля. Оно расстиралось почти точным квадратом. Когда мы делали второй круг, я заметил в северо-западном углу, вблизи окраины деревни, группу солдат. К юго-западу от нее, около того места, где я оставил лейтенанта и солдат, короткими, маленькими вспышками огня рвались мины. Я обшаривал глазами рисовое поле, но не замечал никакого движения.

Когда мы, описав левую дугу, вновь оказались над деревней, раздался голос сержанта Брайта:

— Гласс, я думаю, твои приятели прижаты к земле минометным огнем. Мы можем вернуться домой без нашего груза, но можно сделать аккуратный низкий заход на опушку леса и угостить чарли несколькими ракетами. Ребята там, внизу, скажут спасибо. Что ты скажешь?

— Я согласен, сержант,— сказал я,— но держитесь прямо над деревьями, с запада на восток, чтобы они не могли видеть, как мы подходим.

— Хорошо. Я сделаю широкий разворот и зайду на уровне верхушек деревьев. Вы с Джоунси направьте пулеметы прямо вниз и дайте им жару. Выпустим по ним весь боезапас. Ты понял, Джоунси?

— Понял, сержант.

— Хорошо. Поехали.

Мы описали широкий круг к северу от деревни, а потом начали быстро снижаться. Мы шли на высоте триста футов и продолжали снижаться, когда проносились над войсками в северо-восточном углу поля. Они смотрели вверх и махали блестящими на солнце винтовками. С моего места у левой двери был виден весь квадрат поля. Я обшарил его глазами и нашел место, где мы садились. Неподалеку от него, восточнее, я увидел их — трех военных. Отрезанные от своих минометным огнем с юга и запада, они шли к северу, чтобы укрыться в поле слоновой травы. Вдруг они залегли, и я потерял их из виду, но запомнил это место.

Мы шли вдоль западной стороны рисового поля, и солнце справа отбрасывало тень от вертолета на край поля. Мы спустились до ста футов и продолжали снижаться по мере приближения к западному краю опушки леса. Вертолет задрожал, когда сержант Брайт сбавил обороты, чтобы круто развернуться над деревьями, а потом опять ринулся вперед на полной мощности. Мы выровнялись в десяти футах над вершинами деревьев. Вьетконговцы располагались в восьмистах метрах прямо впереди. Через несколько секунд после завершения поворота второй пилот выпустил первые две ракеты, потом еще две и еще две. Вертолет, покачиваясь, разрезал воздух. Под нами проносился ковер из листьев. Я установил пулемет на автоматическую стрельбу, направил ствол прямо вниз и взялся за спуск. Одна, две, три, четыре, пять секунд. Я нажал правой рукой на спуск, а левой

подавал ленту. С другой стороны открыл огонь Джоунси. Вертолет, треща и сотрясаясь, прыгнул вперед. Я следил за лентой и, когда она дошла до половины, отпустил спуск. У меня были свои планы для использования ее остальной части. Джоунси продолжал стрелять, пока не кончилась лента. К тому времени мы прошли опушку леса и начали разворот к северу. Я выровнял пулемет и опять взялся за спуск.

— Черт возьми, ну и задали мы им перцу! — воскликнул сержант Брайт. — Посмотрим, как это понравилось ребятам.

Он направил вертолет прямо к восточной границе рисового поля и спустился ниже.

«Хорошо», — подумал я.

— Я буду держаться так, пока не дойдем до конца поля, а потом пересеку его по направлению к солдатам, что около деревни. Дайте мне знать, что вы видите внизу.

— С моей стороны поля не видно, — сообщил Джоунси.

«Отлично», — подумал я.

— Я вижу все поле, сержант, — сказал я. — Минометы прекратили огонь.

— То-то, черт побери!

Я выключил переговорное устройство и сосредоточил все внимание на рисовом поле. Справа впереди я увидел холмик, на который мы садились. Вертолет быстро приближался к нему, когда я снова увидел трех военных. Они шли к высокой траве в северо-восточном углу поля. Я развернул пулемет и поймал их в прицел. Я следил за ними, поворачивая ствол, пока вертолет совершал широкий вираж прямо над полем слоновой травы. Лейтенант и два капрала приближались к краю поля. Они были не больше чем в двухстах метрах от моего пулемета. Когда мы вышли из виража перед ними, они даже не посмотрели вверх. Держа их в прицеле, я открыл огонь и сделал десять — двенадцать выстрелов, прежде чем отпустил спуск. Все трое свалились лицом вперед и исчезли в слоновой траве.

Хотя мне в лицо дул прохладный ветер, я весь обливался потом. Дело совершилось, но мне некогда было об этом думать.

— Куда ты стрелял, Гласс?

Я замялся, потом быстро ответил:

— Я заметил на поле несколько вьетконгонцев, сержант.

— Может быть, это были те пленные. Они могли смыться во время обстрела.

— Может быть.

— Ты в них попал?

— Да, попал.

— Эй, посмотрите-ка вниз! — возбужденно воскликнул сержант Брайт. — Они нас приветствуют.

Мы пролетали над окраиной деревни. Внизу слева группа солдат махала нам винтовками и касками.

С опушки леса больше не стреляли.

— Честное слово, мы их здорово поддержали.

В ответ на приветствия сержант Брайт спустился на сто футов и сделал прощальный заход, покачивая вертолет с боку на бок, пока мы не миновали солдат. Теперь мы низко летели над ровной, покрытой буйной зеленью долиной дельты, пересеченной коричневыми лентами воды, питающей рисовые поля. Впереди показалась деревня из крытых соломой хижин, и сержант перешел в длинный равномерный подъем до двух тысяч футов, затем выровнял вертолет и повернул на север, к дому.

Несколько минут мы летели молча, потом сержант Брайт включил переговорное устройство.

— Гласс!

— Слушаю, сержант.

— Мне пришла в голову забавная мысль.

— Что такое?

— Мы прибыли, чтобы забрать пленных, а кончили тем, что, может быть, застрелили их.

— Да.

— Странные вещи случаются, правда?

— Очень странные.

— Крепко же им попало! — возбужденно заговорил Джоунси. — Ракеты обрушились прямо на голову чарли. Они слышали, как мы приближаемся, но видеть не могли. Наверное, описались со страху. Такая война мне нравится, сержант. Мы бьем, а нам не отвечают.

Разговор шел без умолку весь обратный путь на базу, но я молчал, и они обошлись без меня. Это была обычная болтовня после задания, а мне было не до этого.

На подступах к базе мы миновали два транспортных вертолета, готовых к вылету. Они были до отказа забиты солдатами — видимо, это было подкрепление, которого требовал полковник. Им предстояло прочесать местность.

По пути на командный пункт сержант Брайт спросил меня, сколько солдат противника я уничтожил на рисовом поле. Я сказал, что их было четверо. О детях я умолчал.

— И это все?

— Да, а что?

— Подсчет потерь, приятель. Это первое, что спрашивают: сколько убито?

— А-а-а, я как-то не подумал.

— Что-то ты не в духе, Гласс, и выглядишь плохо.

— Да нет, ничего. Я просто устал. Плохо спал прошлой ночью.

— Шел бы спать. Нам нечего делать до завтра. Я доложу о выполнении задания без тебя.

— Спасибо.

Я расстался с ними у командного пункта и отправился в свою палатку. Приближалось время ужина, но я решил его пропустить: не было аппетита.

На прошлой неделе, сидя на своей тюремной койке и записывая то, что вы сейчас прочли, я почувствовал, что мне трудно продолжать. Я напрасно старался восстановить в памяти чувства, которые испытывал в тот вечер в Кэмп-Джордане, после того как расстался с членами экипажа вертолета у командного пункта. Хотя тот день был одним из самых значительных за год моего пребывания во Вьетнаме, с тех пор со мной произошло так много всего, что мне было крайне трудно вспомнить ту ночь. Но, конечно, дело не только в этом. Мне все еще мучительно вспоминать эти события и снова возвращаться к тому, что я сделал и почему сделал. Однако этого не избежать, и потребность рассказать вам о том, что случилось со мной, непреодолима. Я хочу, чтобы вы меня поняли.

Поэтому на прошлой неделе я решил провести эксперимент. Если попробовать, лежа на койке, закрыть глаза и сосредоточиться, может быть, мне удастся забыть о существовании этой камеры и переключить мысли с предстоящего суда на ту ночь в Кэмп-Джордане. Если бы я мог высказывать мысли по мере их возникновения... Стоило попытаться.

На следующее утро я попросил своих встревоженных адвокатов достать мне магнитофон. Я сказал, что хочу записать ответы на некоторые их вопросы, которые не

мог дать при личном разговоре. Они обрадовались, жажда получить любые сведения, которые могли бы помочь моему делу или хотя бы просветить их. Они получили разрешение начальства и два дня назад принесли мне магнитофон. После этого мне удалось записать свои скрытые мысли, а вчера я переписал их в дневник и стер запись с ленты. В этот момент у меня не было намерения давать материал адвокатам. Как я говорил, я не верил, что это мне поможет. Об этом судить вам. Мысли, записанные на ленту, были довольно путанными, и я их подредактировал, просто для ясности. Вот их суть.

Когда мыслью я возвращаюсь к той ночи, передо мной встают образы не трех американских военнослужащих, которых я убил днем, а вьетнамских пленных, сбившихся в кучу на рисовом поле. Я вижу мужчину, лежащего на земле и прикрывающего дрожащими руками голову, с полными ужаса глазами. И винтовку, нависшую над его головой, и раздробленную пулей голову. И этих отчаявшихся женщин, прижимающих к себе кричащих детей, женщин, которых бьют, пинают, унижают и осыпают насмешками. Я испытываю глубокое отвращение. Меня и теперь мучает сознание вины оттого, что я побежал к вертолету, бросив пленных, хотя знал, что лейтенант и солдаты собираются их застрелить. Меня не покидает мысль, что я мог бы что-то сделать, чтобы остановить убийц. Но я даже не попытался. Я слишком боялся за свою жизнь, чтобы попытаться их спасти.

Когда мы взлетели, думаю, у меня не было намерения убить лейтенанта и солдат. Но я все же искал их в поле, а когда обнаружил, словно что-то ударило мне в голову. Мне захотелось их убить. Я хотел загладить свою вину за смерть этих вьетнамцев. Я просто должен был это сделать. Не знаю, чем объяснить, что я с такой легкостью застрелил в поле этих людей, но так уж случилось.

Я знал, что, если их не остановить, они и впредь будут убивать, и я буду виноват, что дал им такую возможность.

Помню, как в тот вечер я лежал на койке и меня бросало в жар из-за того, что я сделал. Но это длилось недолго. Меня вскоре охватила тревога за себя. Я думал, что будет, если в слоновой траве найдут трех мертвых американцев, прошитых американскими пулями. Будет ли расследование? Расскажет ли мой пилот, что я стрелял из пулемета в поле, где он никого не видел? Всю ночь мне представлялся военно-полевой суд, где от меня тре-

бовали объяснить, почему я стрелял в своих солдат. Сказать, что это несчастный случай? Что я принял их за вьетконговцев, о чем и сказал пилоту? Или рассказать всю правду о том, что произошло на рисовом поле? И не рассказать ли о том, как сержант Стоун перерезал горло ни в чем не повинному мальчику; как капрал Долл отрезал палец у убитого снайпера; как Хэммер убил раненого мальчика и пытался убить меня? Сумеют ли судьи понять? Решатся ли выступить против наших чудовищных зверств?

Я не спал всю ночь, но мои опасения не оправдались. Никакого расследования гибели трех военнослужащих не было. Не было и сообщения об убийстве задержанных вьетнамцев. На следующее утро поступило только сообщение о разгроме вьетконговцев и захвате их позиции на опушке леса. Подсчитали убитых с обеих сторон, и соотношение потерь оказалось в нашу пользу, а только это и имело значение. Война продолжалась, продолжалось и мое участие в ней.

Однажды утром, через неделю после того вылета, по всему лагерю пошли разговоры об инциденте, происшедшем накануне. Он был связан с полковником, которого я встретил на рисовом поле. Полковник Роберт и его солдаты патрулировали около одной деревни, когда их обстрелял единственный снайпер. Никто не пострадал, и, поскольку деревня считалась умиротворенной, полковник приказал не открывать по ней огня. Произвели методический поиск снайпера, и когда какой-то человек выбежал из хижины, солдаты застрелили его и подожгли хижину. Полковник прибыл на место в то время, когда из горящей хижины выбежала женщина, и два солдата тут же ее убили. Полковник был взбешен и по возвращении в лагерь посадил солдат под арест и доложил об инциденте командиру бригады. Командир бригады полковник Вулф не придавал значения этому инциденту, заметив полковнику Роберту, что у солдат обычно принято уничтожать хижины и убивать их обитателей за укрывательство противника. Полковник Роберт был возмущен отказом начальника поддержать его и потребовал, чтобы солдат наказали за вопиющее нарушение приказа. Полковник Вулф не согласился и посоветовал ему забыть об этом деле: раздувать его, мол, вредно для морального духа войск.

Общее настроение в лагере было на стороне полковника Вулфа. Подумаешь, убили гуковскую бабу и сожгли хижину! Это обычное дело в боевой обстановке. Полковник Роберт прекрасно это знал. Если бы этот паршивый снайпер выскочил из хижины, ведя огонь, он мог бы убить наших солдат. Что бы на это сказал полковник Роберт? Не стрелять? Начхать на это? Эти проклятые умиротворенные деревни хуже всего. Никогда не знаешь, кто враг и где он есть. Надо сжечь к чертовой матери все гуковские деревни в стране. Это заставит чарли выйти на открытое место. Во всяком случае, мы хорошо знаем, что гуки убивали бы наших женщин и детей, если бы представлялась возможность. И у них не нашлось бы такого сердобольного полковника Роберта. И знаете почему? Потому что гуки не люди, они не что иное, как животные. Единственная разница, что они умеют стрелять, поэтому надо их убивать, пока они не убьют нас. Вот в чем все дело — убивать! Надо вести подсчет потерь. Подсчитать все их население и убивать до тех пор, пока оно все не будет уничтожено. Полковник Вулф это понимает. И можете дать голову на отсечение, когда он пошлет отчет о потерях противника в штаб дивизии, туда войдет и эта гуковская баба. Солдаты только выполнили свою работу. А этот чертов полковник Роберт просто спятил. Не стрелять! До каких пор? Пока не увидим белки их косых глаз? Не хотел бы я идти с ним в дозор. Если бы я был командиром бригады, я поручил бы ему вести счет потерям противника. Тогда бы он был все время занят.

Аминь.

На следующий день мы услышали, что полковник Вулф объявил устный выговор тем двум солдатам и вернул их в роту для дальнейшего несения службы. Их горячо приветствовали.

Полковник Роберт упорно добивался наказания солдат и доложил об инциденте непосредственно командиру дивизии. В результате его немедленно перевели в другую часть на севере.

Такой исход укрепил мое мнение, что бесполезно выступать против системы. Если полковник не смог добиться разбора его обвинений, что говорить о каком-то бортовом стрелке? Больше того, мне стало ясно, что военное командование рассматривает убийство «гуков» как нормальную процедуру, а не как нарушение норм.

Однако дело обстояло не так просто. Командование с

сочувственным вниманием относилось к вечному страху и напряженности, отягчающим положение строевого солдата. Он действовал в чужой стране, презираемый ее народом; он не считал вьетнамцев за людей, и инстинкт самосохранения часто толкал его на самые жестокие поступки. Его безопасность зависела от товарищей на поле боя и от собственного оружия. Все остальное постоянно угрожало ему, и всепоглощающий страх за свою жизнь находил выход в нажатии на спусковой крючок. Армия это понимала и признавала серьезную опасность для своего дела. Поэтому, чтобы выполнялись ее задачи, надо было смотреть сквозь пальцы на эксцессы.

Однако, подобно полковнику Роберту, я не укладывался в эту схему. Я не обладал способностью к убийству и не мог его оправдать. Напротив, я чувствовал себя морально обязанным его прекратить. Поэтому решение командира дивизии по протесту полковника Роберта оказало на меня глубокое воздействие. Я стал расчетливым врагом системы. Меня не мучили угрызения совести, и я действовал хладнокровно, когда вставал вопрос об убийстве.

8

Возможно, вы читали об операции в деревушке Бонгми, в которой я участвовал. О ней кратко сообщали некоторые газеты, когда я уже был в тюрьме. Случилось это восемь месяцев назад. К тому времени я прослужил во Вьетнаме больше половины своего срока в триста шестьдесят пять дней. Это происшествие долго не всплывало на поверхность. По мнению одних, военному командованию удалось создать вокруг него «заговор молчания». По мнению других, кто-то в высших сферах страны посчитал, что американцы не перенесут еще одной трагедии, происшедшей вскоре после ужасной, отвратительной битвы в Милае. Как бы там ни было, но события в Бонгми оказали гораздо меньшее воздействие на совесть американцев, чем резня, устроенная в Милае. Битва в Милае казалась чудовищной даже многим из нас, воевавших во Вьетнаме. И все же американцы были не так потрясены, хотя и сильно встревожены, узнав о происшедшем в Бонгми, просто потому, что это случилось после Милая. И если американцам отчаянно хотелось считать зверство в Милае ужасным исключением, то события в Бонгми ясно показали, что это не так.

Пожалуй, именно поэтому преступление в Бонгми так долго замалчивалось и привлекло так мало внимания потом. Почти все хотели верить, что его не было. Но оно было. Я видел его. Я в нем участвовал.

Для меня события того дня начались в восемь часов утра на командном пункте в Кэмп-Джордане. Мой экипаж вызвали для получения особого задания в низовьях дельты. Офицер, проводивший инструктаж, обвел кружком на карте Бонгми и сообщил нам, что рота «Д» 4-й пехотной бригады находится на пути туда. Она имеет приказание, продвигаясь к югу, очистить район от противника. Эту часть дельты давно контролировал Вьетконг, и предстояло широкое наступление с целью вытеснить оттуда противника. Бонгми была сборным пунктом для начала наступления. Ее выбрали потому, что она находилась на вершине опорного пункта противника и была недавно эвакуирована вьетконговцами, после того как они насильственно мобилизовали всех годных к военной службе мужчин и дочиста отобрали все запасы риса в деревушке.

Нам была поставлена задача следовать позади транспортных вертолетов в Бонгми и быть в готовности к оказанию огневой поддержки роте «Д» по ее требованию. Четирем другим боевым вертолетам было приказано патрулировать на флангах позиции противника и поддерживать две другие роты. Наступление такого масштаба могло означать лишь то, что вьетконговские войска многочисленны и занимают хорошо укрепленные позиции, хотя инструктировавший нас офицер предусмотрительно об этом умолчал. Стало правилом не давать оценки общей численности противника на инструктажах. За последние месяцы было несколько случаев, когда войска отказывались атаковать сильно укрепленные позиции, и командование проявляло чрезмерную снисходительность в этом отношении. Но новый порядок не мог никого обмануть. Мы все знали, что численность наших войск определяется численностью войск противника и что на его стороне значительное превосходство.

Транспортные вертолеты взлетели на двадцать минут раньше нас, но, поскольку наша скорость была больше, мы прибыли в Бонгми меньше чем через десять минут после них. Пока мы парили над зоной высадки — травянистой равниной метрах в двухстах от деревушки, пус-

тые транспортные вертолеты ревели, готовясь к отлету, а солдаты роты «Д» уже построились в три взвода и двигались через поле к группе крытых соломой хижин, сверкавших в ярком утреннем солнце. Ни в деревушке, ни на поле не было видно жителей, но солдаты приближались с осторожностью. Пока мы парили в ожидании взлета транспортных вертолетов, я заметил на земле нечто, ясно указывающее на то, что здесь побывали вьетконговцы. В тридцати метрах от хижин, поперек узкой грунтовой дороги, ведущей в деревушку, лежали рядом два убитых буйвола. Рядом с ними я различил труп мужчины или мальчика. Моей первой мыслью было: вьетконговцы убили животных на этом месте, чтобы загородить дорогу. Они обычно наказывали недружественные деревни, отнимая урожай и уничтожая скот. В данном случае мертвые буйволы и мертвый человек дополняли картину терроризированной Вьетконгом деревни, которую нарисовал инструктировавший нас офицер. Но где же остальные жители? В самой деревне не было видно разрушений. Не прячутся ли они от нас в хижинах? Едва ли во всем Вьетнаме наплась бы деревня, не испытывавшая страха смерти от Вьетконга или от нас, и внезапное появление у ее порога вертолетов, высадивших войска в боевом снаряжении, сильно встревожило бы любого крестьянина. Они были жертвами, попавшими под перекрестный огонь бесконечной партизанской войны, и, как я видел, они даже не могли спокойно похоронить своих мертвецов.

Постоянный страх за свою жизнь был преобладающим чувством, с которым жили все: вьетконговцы испытывали его в джунглях и в своих пещерах, крестьяне — в своих хижинах и на полях; мы испытывали его в вертолетах и при патрулировании. «Действия по обнаружению и уничтожению противника» — удачное название. Именно таков был характер нашей работы, и больше всего ее боялись крестьяне.

Итак, в тот день в Бонгми, как я узнал позже, крестьяне попрятались в свои хижины в надежде, что мы спокойно пройдем мимо и позволим им продолжать свою жизнь. Но не тут-то было.

Как только транспортные вертолеты поднялись и направились на базу, сержант Брайт начал спускаться в зону посадки. В этот момент сквозь рев моторов мы слышали ружейный огонь. Справа солдаты, двигавшиеся

пригнувшись по обеим сторонам дороги, ведущей в деревню, вели беспорядочный огонь, вздымая облачка пыли вокруг убитых буйволов и человека. Они сделали больше тридцати выстрелов, прежде чем прекратить огонь. Казалось глупым тратить пули на мертвого человека и мертвых животных, но я не пытался понять воинственные импульсы солдат. Я только почувствовал облегчение, что огонь ведет не противник. Но потом у нас начались свои заботы.

Мы медленно снижались, паря в пятнадцати футах над землей, как вдруг несущие винты остановились и вертолет камнем рухнул на землю. От удара смялось шасси. Оба костыля треснули, как сухие ветки, и вертолет, содрогнувшись, накренился и сел на живот. Нас всех здорово тряхнуло, но никто не пострадал. Я включил переговорное устройство. Оно молчало. Нам потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что вся система питания вышла из строя. Сержант Брайт не мог объяснить, в чем дело. Мы с Джоунси выбрались на землю осмотреть повреждения. Шасси сплющилось о фюзеляж, как стальной блин. Сержант Брайт и второй пилот сержант Лидер проверили средства управления. Они вышли из строя, но теперь это не имело большого значения. Все равно мы не могли снова подняться, потому что без костылей нельзя благополучно совершить посадку. Вертолеты устроены так, что нельзя сесть на брюхо больше одного раза.

Нашей первоочередной заботой была связь. При молчащей радиации мы не могли связаться ни с базой, ни с войсками. Сержант Брайт приказал мне и Джоунси доложить о нашем положении командиру роты «Д». Надо было вызвать другой боевой вертолет для огневой поддержки роты «Д», а нам нужен был вертолет «Чинук» с краном, чтобы вывезти нас отсюда. Мне не очень нравилось снова стать пехотинцем, но другого выхода не было. Мы с Джоунси взяли винтовки и патронташи и пошли вслед за солдатами, наступавшими на деревню.

Близко от нас была грунтовая дорога, и мы направились прямо к ней через открытое поле. Мне хотелось догнать солдат, прежде чем они достигнут деревни и разобьются на мелкие группы. На дороге мы перешли на бег, пока не достигли мертвых буйволов, загородивших нам путь. Они были покрыты множеством кровавых ран в тех местах, где пули разорвали шкуру. Мертвый че-

ловец оказался мальчиком с раздробленной головой и телом, изрешеченным пулями. Видимо, по нему упражнялись в стрельбе солдаты. Это было ужасное зрелище, и я поспешно миновал его и двинулся по дороге рядом с Джоунси. Впереди, на окраине деревни, солдаты, разделившись на пары, приближались к первому ряду хижин, граничащих с открытым полем. Одного солдата оставили на дороге, метрах в двадцати пяти от деревушки. Он испуганно обернулся, направив на нас винтовку. Когда мы, запыхавшись, подошли к нему, он опустил ствол.

— Откуда вы, ребята, появились?

Джоунси объяснил, кто мы, и рассказал, что случилось с нашим вертолетом.

— Дело дрянь, — сказал солдат. — Лейтенант разозлится как черт, если мы нарвемся на чарли и не получим огневой поддержки.

— Конечно. Поэтому нам надо срочно его найти, — сказал Джоунси. — Где он?

Солдат указал налево.

— Вон там, на опушке леса, с отделением, чтобы перехватить чарли, если он побежит в ту сторону, когда мы войдем в деревню.

— А что, здесь ожидается заваруха? — спросил я. — Мы слышали, что чарли ушел из этой деревни и захватил с собой всех мужчин.

— Да, так считают, но видели там дохлых буйволов и гука? Это вьетконговская деревня, и нам приказали ее сжечь.

— Кто приказал?

— Лейтенант.

— А если здесь еще остались женщины и дети?

— Всех, кого найдем, надо задержать для допроса.

— Послушай-ка, Гласс, — вмешался Джоунси, — давай-ка лучше пойдем к лейтенанту. Радист с ним? — спросил он солдата.

— Да, а другой в деревне. Это большое наступление. У нас еще два взвода на флангах.

— Ты идешь в деревню? — спросил я солдата.

Он покачал головой.

— Мне приказано оставаться здесь, на дороге, и задерживать всех гражданских, выходящих из деревни.

— Может, нам лучше разделиться? — предложил я Джоунси. — Я останусь здесь и поищу радиста в дерев-

не, а ты доложи лейтенанту. Чем скорее мы свяжемся, тем скорее уберемся отсюда. Встретимся у вертолета через пятнадцать минут.

— Хорошо.

Джоунси повернулся и пошел через поле к опушке леса, находившейся метрах в восьмистах отсюда. Я провожал его глазами, пока он не скрылся в высокой траве.

Вдруг позади меня затрещали выстрелы. Не оборачиваясь, я бросился на землю. Солдат лежал на животе на дороге, направив винтовку на деревню — в том направлении, где шла стрельба. Огонь прекратился, потом возобновился — выстрелы стучали, как барабанная дробь, но нам не было видно, что происходит. В жарком утреннем солнце деревушка по-прежнему выглядела мирной. Что там встретил взвод, от нас было скрыто. Ружейный огонь держал нас настороже и в напряжении.

Слева, а потом справа тоже затрещали ружейные выстрелы. Казалось, по всей деревне идет бой, хотя ничего не было видно. Солдат обернулся и поглядел на меня.

— Похоже, там нашли чарли! — крикнул он.

Я не ответил, и он опять повернулся к деревне.

Мы лежали в ожидании и наблюдали. Стрельба усилилась. В сорока метрах слева впереди из-за хижины показались три фигурки и бросились в поле. Они отбежали метров на пятнадцать, когда из деревни выскочил солдат и побежал за ними. На краю поля он резко остановился, опустился на колено и быстро открыл огонь. Все трое, пролетев в воздухе, хлопнулись в траву. Солдат вскочил, побежал к этому месту и прочесал его огнем. Я видел, как он посмотрел вниз, снял каску и спокойно вытер лоб рукавом. Потом снова надел каску и медленно зашагал обратно в деревню. Вскоре он скрылся за хужиной. Через несколько секунд оттуда вырвались клубы дыма и вспыхнула соломенная крыша. Все это время со всех концов деревни доносился методический ружейный огонь. Было что-то пугающее и зловещее в этой обстановке. В воздухе висело насилие, отличное от того, когда встречаешься с противником в открытом бою. Не видно было ни противника, ни крестьян, кроме троих детей, сраженных солдатом. На кой черт вся эта стрельба? Если в деревне противник, как мог тот

солдат так беспечно, не проявляя никаких признаков осторожности, туда вернуться?

Он до сих пор, все эти месяцы, стоит у меня перед глазами: спокойно возвышается под утренним солнцем над тремя мертвыми детишками и поливает их огнем. Я вижу, как они подпрыгивают в траве, когда пули рвут их тело. Вижу все остальное, что произошло в то утро, как будто это было только вчера.

Я вижу женщину, внезапно появившуюся на дороге из деревни, направляющуюся прямо на нас, полусогнувшись и прижимая к груди ребенка. Она качала головой из стороны в сторону, отчаянно ища убежища в этой залитой солнцем равнине, потом неподвижно остановилась на дороге, заметив солдата, распростертого в пыли с нацеленной на нее винтовкой. Ее голова в ужасе откинулась назад как раз перед тем, как солдат с двадцати метров открыл огонь. Пули развели руки женщины, ребенок упал на землю, и она рухнула на него, все еще пытаясь прикрыть его от беды. Я вижу, как она подняла голову из дорожной пыли, уставившись на нас глазами. Пули вздымали перед ней пыль, наконец они ударили ей в голову и раздробили верхнюю часть черепа.

Я вижу солдата, повернувшегося ко мне с довольной улыбкой, перезаряжающего винтовку и снова повернувшегося в ожидании.

Я вижу здорового неуклюжего черного солдата, выходящего из деревни, неловко ковыляя на здоровой ноге и волоча другую. С каждым шагом все его тело кренилось набок. Несмотря на раненую ногу, он шел по дороге в страшном возбуждении, и несколько раз казалось, что солдат вот-вот свалится головой вперед на дорогу, но он сохранял равновесие и рвался вперед. Я вижу, как он приближается к мертвой женщине, свалившейся на ребенка, слышу, как он кричит: «Боже!» — потом, спотыкаясь, обходит ее и идет прямо на направленную на него винтовку солдата, который, обернувшись, растерянно смотрит на меня.

— Да это Верзила! Что это делается, черт возьми?

Я не мог с ним разговаривать. Я не отрывал глаз от черного солдата, идущего на нас, задыхающегося и втягивающего ртом воздух, с лицом, блестящим от пота. Наконец он шатаясь подошел к солдату, опустился на землю и вытянул раненую ногу. Его широкое, плоское

дат что-то бормотал и тряс головой. Из раны на стопе сочилась кровь, смешанная с грязью.

Я вижу, как вздымается его широкая грудь, и слышу, как он всхлипывает, стараясь перевести дыхание, и бормочет:

— Они спятели, ребята.— И слезы текут ручьем из его черных глаз, смешиваются с потом на лице и пузыряются на губах.

Солдат хватается за плечи и спрашивает испуганным, умоляющим голосом:

— В чем дело? Что случилось, Верзила?

А Верзила трясет головой и бормочет:

— Они спятели. Совсем спятели.

— Кто? Чарли? Он тебя ранил?

А Верзила плачет и трясет головой, потом зажимает руками уши, словно пытаюсь заглушить какой-то звук в своей голове.

А солдат трясет его, пытаюсь вывести из шока, и требует рассказать, как его ранили.

— Ты наступил на мину, Верзила?

И Верзила, закрыв глаза и выдавливая слезы, качая головой и заглатывая воздух, медленно успокаивается, но, открыв глаза, узнает солдата и кричит:

— Сволочи! Убийцы!

— Он спятил от боли,— сказал мне солдат.— Надо отправить его к медикам. Он не в себе.

Я вижу, как лицо Верзилы становится суровым. Нет больше слез и криков, только черные глаза еще полны тнева. Я слышу голос, сдерживающий гнев и выплескивающий слова, подобно реке, текущей медленно и ровно, пока не достигнет прилива и не вырвется из берегов.

— Я в себе, приятель. Я в полном порядке. Я не спятил от боли. Нога меня не беспокоит. Она заживет. Я сделал это сам. Членовредительство. Я прострелил ногу, чтобы не прострелить голову. Понимаешь? Только так я мог выбраться оттуда и не спятить.— Он пробежал глазами по нашим лицам.— Никаких мин, никаких чарли, ничего, только женщины и дети да беззубые старики. Вот все, что есть в этой деревне. Их бьют, убивают, сжигают и насилуют ваши белые сволочи из вашей «освободительной» армии Соединенных Штатов. Эта проклятая война не моя. Я не стреляю в малышей. Нет, сэр. Пусть меня лучше убьют, но я не стану этого

делать. Понимаешь, приятель? Мы боялись чарли, когда входили в эту деревню, только никакого чарли там нет. Нигде. Мы не нашли ничего, кроме хижин. «Жгите их,— говорит сержант.— Стреляйте, когда они будут выбегать». И они делали, что он велел. Они сбесились.

Я вижу клубы дыма, поднимающиеся над деревней позади Верзилы, а он сидит на дороге, говорит и даже не поворачивает головы. Я вижу всю деревушку, охваченную пламенем, как один гигантский костер; женщин, детей и нескольких стариков, спотыкаясь бегущих в поле, падающих, поднимающихся и снова бегущих; преследующих их солдат, поливающих поле огнем, срезающих всех до одного.

Виджу Верзилу, рассказывающего о кошмаре, через который он прошел, и так и не повернувшего головы к кошмару, творящемуся позади.

— Голый ребенок выползает из горящей хижины, плачет и вопит, а сержант подходит ко мне и говорит: «Какого черта ты смотришь, Верзила? Застрели этого сопляка. Это вьетконговская деревня». А я говорю: «Я не убиваю голых ребят, сержант. У меня нет винтовки». «Дерьмо собачье»,— говорит сержант, выпускает очередь в ребенка и спокойно уходит. А когда из соседней хижины выскакивает девочка лет десяти, а за ней ее мать, солдат убивает мать, срывает с девчонки пижаму и пачинает щипать ее крошечные груди и прижимать ее. Мерзавец бросил на землю винтовку, а девочка вырвалась от него и побежала. Но он успел подхватить винтовку и раздробил ей голову, а потом вбежал в соседнюю хижину и начал стрелять. Все делали то же самое: убивали, насиловали и опять убивали. Вот тогда я и всадил пулю себе в ногу и смылся оттуда. Это хуже, чем ад, приятель, и я ни за что туда не вернусь. Понимаешь, что я говорю? Ты, сволочь паршивая, почему ты убил эту женщину и ребенка здесь на дороге? А? Почему? Ты тоже сбесился? Здесь нет никаких вьетконговцев!

И я вижу, как в его глазах вспыхивает бешенство и его могучие руки хватают сидящего рядом на земле солдата; огромный кулак бьет его по носу, и солдат опрокидывается на спину, с трудом поднимается на ноги и кричит:

— Ты, черномазый подонок! — И наставляет дрожащую в его руках винтовку на Верзилу.

И Верзила кричит:

— А ты белая сволочь! Ты что делаешь?

Я вижу искаженное ненавистью лицо солдата и кровь, бегущую из его носа, и слышу, как он рычит:

— Черномазый гук! — и загоняет патрон в патронник. — Я раздроблю тебе вторую ногу! За что ты меня ударил?

Направленная на него винтовка распалает Верзилу.

— А за что ты убил эту женщину, будь ты проклят? Она шла на тебя с винтовкой? Она угрожала тебе?

— Я видел, как один солдат стрелял по гукам в поле, и решил, что это вьетконговцы, а тут на нас выбежала эта женщина, и я выстрелил. От меня требуют убивать гуков. Для этого я здесь и нахожусь.

— От тебя требуют задерживать гражданских для допроса. Так нам приказали.

— Господи, да ведь все стреляют! Я не видел, чтобы кто-то задержал кого-то для допроса. Разве ты сам не говорил мне об этом?

— Они там сбесились! Неужели ты ничего не понимаешь? Они убивают всех подряд в этой деревне, а чарли там нет и в помине.

— Брось, не я командую взводом! Нам приказали очистить деревню и сжечь.

— Никто не приказывал нам убивать женщин и детей.

— С каких пор ты стал таким святошей? Ведь ты наубивал больше, чем любой другой во взводе.

— Вьетконговцев, приятель. Враг — чарли, а не дети и женщины.

Я вижу, как солдат недоверчиво качает головой, смотрит на деревню, извергающую дым и пламя, слышит ружейный огонь и удивляется, в какой сумасшедший дом он попал и какой смысл спорить с чокнутым негром, который прострелил себе ногу и разбил ему нос без всякой причины. Он вытер кровь из носа, поглядел на красные мазки на пальцах, и при виде их его гнев снова разгорелся.

— Уведи этого спятившего сукина сына, или я его убью! — крикнул мне солдат. — Отведи его к лейтенанту! Когда он услышит, что этот болван прострелил себе ногу, он ему покажет, где раки зимуют.

Я вижу, как лицо Верзилы расплывается в широкой улыбке дяди Тома, обнажая полный рот зубов и широкие десны.

— Правильно, парень, води меня к лейтенанту. Я хочу рассказать ему обо всем. Я с нетерпением жду этого проклятого военного суда. С нетерпением, приятель.— Он продолжал ухмыляться окровавленному солдату.— Да, малыш, я убил больше всех в этой сволочной роте, и получил больше всех наград, и расскажу суду, как я их получил, и как прострелил ногу, и как ты убил бабенку, бежавшую по дороге с ребятенком на руках, сукин ты сын!

Я вижу, как сверкают глаза Верзилы, как он, откинув назад голову, разражается громким, диким смехом, как он ложится навзничь на пыльную дорогу, поносит и разъяряет солдата, стоящего над ним с взведенной винтовкой.

— Заткнись, или я разможжу твою проклятую башку!

А Верзила только смеется и закрывает глаза.

— Стреляй, гад! Стреляй! Я жду.

И солдат наводит винтовку в голову Верзилы и так ее держит. А я сажусь на дороге, направляю винтовку на солдата и слышу свой голос.

— Ну вот я тебе сейчас!

Я вижу, как Верзила поднимает голову, смотрит на солдата жесткими, холодными глазами и бросает ему в лицо ядовитые насмешки:

— Малыш — убийца женщин! Малыш — убийца детей!

Я думаю, в этот момент он хотел, чтобы его застрелили.

Я вижу дрожащую винтовку солдата у головы Верзилы и слышу его крик:

— Ты чокнутый, паршивый черномазый гук!

И я понял, что он намерен убить Верзилу.

Не помню, как я нажал спусковой крючок и услышал ли выстрел, но вижу развороченную на таком близком расстоянии грудь солдата и его падающее вперед тело; вижу, как Верзила перевернулся в пыли, когда солдат растянулся вниз лицом рядом с ним.

Меня преследовали кошмары, и всегда одинаковые. Солдат кричит: «Ты чокнутый, паршивый черномазый гук!» — но не на Верзилу, а на меня. Потом не слышно ни звука, только грудь солдата раскрывается, как

красные лепестки мака в замедленном движении на экране, обнаруживая черную сердцевину, и она все растет и растет, надвигаясь на меня и застилая все вокруг, и меня душит, пока я не просыпаюсь в холодном поту. Это страшный кошмар, потому что в нем никогда не фигурирует Верзила. Такие кошмары продолжались долгое время, а потом внезапно прекратились — до прошлой ночи в камере, когда я заснул, думая об этом случае. Может быть, теперь, когда я описал их на этих страницах, кошмары прекратятся навсегда.

Убив солдата, я был так потрясен, что не слышал, что мне говорил Верзила. Помню только, он что-то бормотал про себя и удивленно улыбался мне. Я не понимал, почему он улыбается, и подумал, что он, может быть, в самом деле рехнулся. Но он не рехнулся, не потерял рассудка. Когда он увидел, что я в панике смотрю то на него, то на деревню, он понял, что у меня на уме.

— Никто, кроме меня, ничего не видел, дружище. Они слишком заняты убийством.

— Может быть, нас видели с опушки леса? — спросил я.

— А ты видишь их на опушке леса?

— Нет, трава слишком высокая.

— Правильно, дружище. Трава слишком высокая и для них. Эй, дружище, зачем ты это сделал?

— Он чуть не убил тебя. Надо было его остановить.

— Ты здорово остановил его, дружище. Но почему? Ведь ты никогда раньше меня не видел.

— Я возненавидел его, когда он убил ту женщину с ребенком. Ему это доставило удовольствие. Но зачем ты его так дразнил? Ты сам напрашивался на это.

Улыбка исчезла с его лица.

— Слышишь стрельбу и крики? Я думаю, они свели меня с ума. Я захотел уйти. Я девять месяцев во Вьетнаме, но до сегодняшнего дня не видел ничего подобного. Больше не могу такого выносить. Просто хочу избавиться от этого ужаса.

— Ну, теперь с этой ногой считай, что ты избавился. Тебя отправят домой.

— Нет. Меня, чернозадого, отдадут под суд. — Он сел на дороге, и, трясая головой, громко заговорил, как будто

меня здесь не было.—На моем личном счету тридцать два вьетконговца. Думаешь, для начальства это что-нибудь значит? Оно знает только, что я прострелил себе ногу. «Ты вывел себя из строя, Верзила. Ты ушел с боевого поста. Разве ты не понимаешь?» — «Да, сэр полковник, я поступил плохо. Надо было остаться в деревне и убивать женщин и детей, сэр. Я поступил плохо, сэр. Пожалуйста, сэр, не наказывайте меня строго».—Верзила внимательно посмотрел на меня, и его широкое лицо опять расплылось в улыбке.— Не горюй, дружище. Все будет в порядке у нас обоих. Мы еще покажем этой сволочной армии.

— Как ты это себе представляешь?

— Помоги мне встать.

Он протянул руку, и я поднял его на ноги. Он вышался надо мной, опираясь на здоровую ногу. Он был ростом, наверное, шесть футов шесть дюймов, если не больше. Верзила обернулся на горящую деревню.казалось, что горят все хижины. Клубы дыма устилали горизонт. Солдат не было видно. Те, кто выбегал в поле, чтобы расстрелять убегающих крестьян, вернулись в деревню. Стрельба затихла, только время от времени раздавалась короткая очередь.

— Они пошли к югу,— сказал Верзила.— Это хорошо.— Он взглянул на мои погоны.— Ты с этого вертолета?

— Да.

— Я так и думал. Как ты здесь оказался?

Я рассказал ему, что случилось с вертолетом.

— Я очень рад, дружище. Ты спас мою черную башку.

— Да, но сам попал в переплет.

— Послушай, дружище! — Он вытащил из-за пояса две гранаты.— Я засуну эти штучки под малыша и вытащу чеки. Он наступил на мину, понимаешь? И она разорвала беднягу на части. Мне только оторвало кусок стопы. Вот так-то, дружище.

— Думаешь, тебе поверят?

— Когда я заковыляю по полю, истекая кровью и крича от боли, и они увидят мою ногу, и я расскажу командиру, что случилось, он скажет: «Ну, Верзила, ты живуч, как черная кошка». Ему наплевать на этого сопляка, раз у него будет свидетель, чтобы доложить, а я единственный свидетель. Завтра моя черная задница

будет покоем на чистых простынях госпитальной палаты в Сайгоне. А теперь беги к своему вертолету, а я позабочусь о малыше. Поторапливайся.

— Тебе надо будет помочь его поднять.

— Мне не нужна помощь. Иди, дружище. Ты сделал свое дело. А это дело мое. Нога меня не беспокоит. Я протянул ему руку, и он крепко ее пожал.

— Спасибо, Верзила.

— Ладно. Мы в расчете. Увидимся после революции, белый, если ты ее сделаешь. — И он рассмеялся.

Я оставил его смеющимся и пошел через поле к вертолету. Я прошел метров пятнадцать, когда сзади разорвались гранаты. Я обернулся. Мертвый солдат лежал бесформенной грудой в нескольких футах от того места, где я его убил. Верзила быстро, несмотря на большую ногу, ковылял в высокой траве к опушке леса. Больше я его никогда не видел. Наверное, он убедительно доложил «хозяину», потому что я так ничего и не услышал об этом деле. Гораздо позднее я вспомнил, что не назвал ему своей фамилии. Я так и остался для него только «белый». Но он запомнил мое лицо, и, если видел его в газетах или по телевидению, после того как я стал знаменитым, мне хотелось бы думать, что он сказал: «Черт возьми, я знаю этого белого паршивца! Он славный парень».

Где ты теперь, Верзила?

Как я говорил, в то время о боине в Бонгми не общалось, но через два дня после этой акции «Старз энд страйпс» поместила краткий отчет об операции в дельте. Я вырезал его и до сих пор ношу с собой. Он гласит:

«Три пехотных взвода американской 31-й дивизии выполняли важную задачу в дельте Меконга, к югу от Бонгми, и, несмотря на упорное сопротивление противника, очистили этот район, который долгое время был опорным пунктом вьетконговцев.

В начале наступления на Бонгми американские войска встретили неорганизованный огонь противника, но он был быстро подавлен; войска противника бежали к югу и заняли сильную оборонительную позицию в лесистой местности, граничащей с рисовыми полями.

Американские потери в Бонгми были незначительными. Один солдат подорвался на mine, а другой был

ранен, когда рота «Д» под командованием лейтенанта Бутчера ворвалась в Бонгми и освободила ее. В ходе огневого боя большая часть деревни была уничтожена, а ее гражданское население собрано для допроса и последующего перемещения в более безопасные районы.

Боевые вертолеты в течение нескольких часов наносили мощные удары по укрепленным позициям противника на опушке леса, после чего американские войска атаковали и уничтожили последние очаги сопротивления. К моменту настоящего отчета известно, что противник потерял убитыми двадцать пять человек, но ожидается, что эта цифра возрастет, когда закончится операция по прочесыванию. В бою два американца убито и трое ранено, таким образом, общие потери американцев за день боя — трое убитых и четверо раненых. Три вертолета, участвовавшие в наступлении, благополучно вернулись на базу».

В отчете не сообщалось, что мой вертолет потерпел аварию, был поднят и доставлен на базу. Думаю, это не представляло интереса ни для кого, кроме моего экипажа.

Не знаю, перепечатала ли американская пресса сообщение «Старз энд страйпс», но знаю, что, когда наконец стала известна вся история о боине в Бонгми, благодаря настойчивым розыскам одного среднезападного репортера, командование армии объявило, что будет проведено тщательное расследование событий. С тех пор, хотя я внимательно просматривал газеты в своей камере, я ничего больше об этом не читал. По-видимому, армейское расследование проводилось в сугубо секретном порядке, и я подозреваю, что его выводы тоже останутся секретными. А почему бы нет? Видимо, никому до этого нет дела. Если Милай было скандальным разоблачением, то кому в нашей стране нужно еще одно подобное разоблачение? Не правда ли?

Вспоминая теперь, как я боялся наказания за то, что совершил в тот день, я понимаю, как это было глупо. Если можно было сжечь дотла целую деревню и уничтожить всех ее жителей без тени беспокойства, то мне нечего было бояться. Верзила это понимал. Я до сих пор вижу, как он хохочет на дороге у этой пылающей бойни.

Мне повезло, что Верзила был единственным свидетелем совершенных мною убийств. Но в день, когда я убил генерала, был еще один свидетель, и свидетель враждебный. Обстоятельства этого убийства необычны, но во Вьетнаме необычное обычно.

Каждая война имеет своего генерала Паттона. Во Вьетнаме это был рыжеволосый командир дивизии бригадный генерал Джордж Расти Ганн. Я лично его не знал: даже во Вьетнаме пропасть между генералом и рядовым глубока. Но всем известна его репутация. Он командовал закаленным соединением, твердо держа в узде подчиненных командиров, и выживал всех инакомыслящих, кто не разделял его жестоких действий. Типичным примером был стремительный перевод полковника Роберта («Старик не терпит никаких возражений, только сыплет взыскания». — Это замечание точно характеризует его). Расти Ганн заработал свою генеральскую звезду в бою, заставляя солдат делать все, что он хотел. Он любил повторять: «Не надо гнать солдат в бой. Надо их вести». Однако, получив генеральское звание, он все больше гнал и меньше вел.

На счету его дивизии числилось больше всего убитых вьетконговцев за первый квартал 1969 года, и это было известно во всех частях действующей армии. Офицеры ему завидовали, а солдаты ненавидели его. Методы генерала были безжалостными. Он отказался от стандартной тактики — войти в соприкосновение с противником, а затем отойти в ожидании, пока артиллерия и вертолеты обработают вражеские позиции. Он приказывал своим частям вступать в бой с противником независимо от соотношения сил и показать, что американские солдаты способны разгромить противника в ближнем бою без артиллерийской и авиационной поддержки. Только таким путем, рассуждал генерал, можно не допустить рассредоточения и перегруппировки противника. Только таким путем американский солдат станет закаленным в бою и уверенным в своей способности бить врага на его территории. Эта система действовала, но приходилось расплачиваться дорогой ценой — жизнями американцев. Вместо уничтоженных рот вводились в бой новые роты. Ближние

огневые бои велись в неслыханном во Вьетнаме масштабе. Уничтожались целые взводы с обеих сторон. Во время наступления раненых не эвакуировали. Они терпели или умирали. Так велись бои. Это была настоящая бойня. Американские потери были велики, но потери противника еще больше. Любимой забавой генерала Ганна было определение соотношения потерь. Сидя в своем штабе, он подгонял войска и подсчитывал, подсчитывал и подгонял. И пока его дивизия продвигалась вперед, очищая местность от противника, никто его не ограничивал. Впервые в истории этой войны американский командир последовательно захватывал и удерживал территорию. Разве не так мы действовали во второй мировой войне? Разве не таким образом выигрывают войны? Разве это не единственный путь? Черт с ними, с потерями! Если противник упорно обороняется, бей его! Если отступает, преследуй и уничтожай! Не давай ему возможности привести себя в порядок. Вперед! Вперед! Вперед!

К тому времени, когда я встретился с генералом Ганном, в его дивизии не было солдата, который охотно не воспользовался бы возможностью засунуть боевую гранату под подушку генерала. Но возможность убить генерала представляется редко. Я не мог бы убить генерала Ганна без достаточного повода. Прочитав мой дневник до этого места, вы должны этому поверить. Хотя я слышал всякие рассказы о жестокости генерала, но лично этого не видел. Поэтому, когда мой экипаж получил приказание вылететь с генералом на воздушную разведку районов боевых действий в дельте, я счел это задание обычным и безопасным. Однако ни то ни другое не оправдалось.

Мы приступили к выполнению задания ранним апрельским утром, точнее, 20 апреля 1969 года, через девять месяцев после моего прибытия во Вьетнам. Я вспоминаю, как сказал своему экипажу, что мне осталось служить только три месяца. Они мне завидовали, потому что им оставалось еще шесть. Меня удивило, что я уже ветеран, потому что прибыл на пополнение, когда они уже летали вместе. Но я уже успел пройти суровую школу в качестве пехотинца, когда они еще проходили летную подготовку в Штатах. Я вспоминаю также то далекое утро моего первого патрулирования с Блонди

и капралом Доллом. Блонди тогда отслужил уже триста тридцать три дня, а за плечами у Долла было двести дней и три реки. И вот у меня уже двести семьдесят пять дней — я еще отстаю от Блонди, но опережаю капрала Долла, который пересек свою последнюю реку.

В девятнадцать лет я уже был «стариком» для экипажа нашего вертолета и теперь ощущал бремя лежащих впереди дней и испытывал мучительный страх. Я представлял себе, как кто-нибудь дома, в приюте, спрашивает: «Интересно, что случилось с Дэвидом Глассом?» — и слышит в ответ: «Разве ты не знаешь? Он погиб во Вьетнаме». Мне отчаянно хотелось избежать этой печальной эпитафии, и груз оставшихся девятноста дней давил на меня в то утро, когда мы вылетели для встречи с генералом Ганном в штаб его дивизии.

Генерал Джордж Ганн и полковник Клей стояли на посадочной полосе, когда мы сели ровно в восемь тридцать. Представление было кратким и официальным, и через несколько минут мы снова были в воздухе, направляясь на разведку районов боевых действий. Со своего места за пулеметом я видел спину генерала, сидящего у открытой двери в верхнем отсеке. Полковник Клей устроился напротив и угодливо соглашался с каждым словом генерала. Время от времени генерал заглядывал в карту, разложенную у него на коленях, и передавал сержанту Брайту по переговорному устройству координаты района, который хочет обследовать. В каждом указанном пункте мы кружили низко над землей, в то время как генерал тщательно осматривал местность в бинокль. Если не было никаких признаков боевой деятельности, мы двигались к следующему пункту, пересекая расстилающуюся внизу безмятежную дельту, покрытую пышной зеленью. Ничто в этом мирном ландшафте не указывало на наличие войны. Если люди и убивали друг друга на зеленых, разделенных бурными полосками воды рисовых полях, похожих на клетки шахматной доски, то это не было заметно глазу. Через некоторое время начало казаться, что генерала беспокоят не боевые действия, а их отсутствие. Не знаю, как он оценивал положение в этой сельской местности, но я был совершенно убежден в ее мирном характере. У меня не было повода стрелять из пулемета. Я уже надеялся, что мой двести семьдесят шестой день во Вьетнаме пройдет без насилия, без смерти. Но не тут-то было.

Этот день стал днем гибели генерала Джорджа Расти Ганна.

Мы находились в воздухе уже три часа, когда сержант Брайт доложил генералу, что скоро придется вернуться на базу для дозаправки. Это сообщение рассердило генерала. В течение последнего часа он все время жаловался, что на земле не видно никаких признаков боя. Несколько раз он низко нагибался над местами, отмеченными им на карте как районы боевых действий, но видел только небольшие группы наших войск, расположившиеся на позициях, где предполагался противник. Если чарли был где-то поблизости, он хорошо маскировался. Однажды мы заметили патруль, устало пробирающийся через высокую траву, окружающую лощину; генерал связался с ним по радио и приказал доложить о выполнении задачи. Ему сообщили, что патруль послали прочесать лощину, якобы занятую вьетконговцами, но они прошли ее насквозь и не обнаружили никаких признаков чарли, кроме ряда покинутых подземных ходов. Генерал приказал патрулю запросить авиацию, чтобы она разрушила подземные ходы и «замуровала скрывающихся в них паршивых гуков».

Вслед за этим он указал сержанту Брайту курс на базу.

— Дозаправимся и найдем эту чертову войну, если даже потратим весь день. Сержант, держитесь на уровне вершин деревьев. Я хочу внимательно изучить местность по пути домой.

Сержант Брайт снижался до бреющего полета, пересекая открытые поля, и поднимался вверх лишь настолько, чтобы не задеть деревья на лесистых участках.

— Молодец! — рявкнул генерал в переговорное устройство. — Держись пониже!

Я видел, как генерал, высунувшись из открытой двери, вертел головой, обшаривая землю в бинокль. Он решил во что бы то ни стало что-нибудь найти и нашел. Мы пересекли рисовое поле и начали подниматься, чтобы обойти лежащую впереди деревню, как в переговорном устройстве затрещал голос генерала:

— Сержант!

— Сэр?

— Сделать широкий разворот влево назад и еще раз пересечь это поле. Курс тот же, высота та же.

— Что-нибудь случилось, сэр?

— Ничего не случилось, сержант. Просто хочу еще раз внимательно посмотреть.

— Указатель горячего стоит довольно низко, сэр.

— На сколько летного времени хватит, сержант?

— На пятнадцать минут, сэр. Но не хочется доводить до предела.

— Поворачивайте назад, сержант.

— Слушаюсь, сэр.

Сержант Брайт описал широкую дугу влево. Мы пролетели над деревушкой.

— Медленнее, сержант. Когда дойдете до дальнего конца рисового поля, зависните, пока я не скамандую идти вперед. Потом плавно и медленно пересечете поле. Поняли?

— Так точно, сэр. Но если бы я знал, что вы ищете, сэр, это могло бы помочь.

— Скажу вам, когда буду готов, сержант.

— Слушаюсь, сэр.

Пока мы облетали поле, я не спускал глаз с генерала. Он болтал с полковником Клеем, но сквозь жужжание винтов я не мог разобрать о чем. Однако, что бы ни говорил генерал, полковник согласно кивал.

Наконец генерал отложил бинокль, вытащил из кобуры пистолет сорок пятого калибра и направил его на землю, поддерживая для устойчивости правую руку левой. Я не понимал, что он делает, но меня это заинтересовало. Потом он покачал головой, засунул пистолет в кобуру и спросил по переговорному устройству:

— Сержант, есть на борту винтовка?

— Так точно, сэр. Стрелки все время носят ее с собой.

— Хорошо. Мне нужна винтовка.

— Слышишь, Гласс?

— Да, сержант.

— Встань с места и дай генералу свою винтовку.

— Слушаюсь.

Я снял наушники, взял винтовку, отнес ее наверх и вручил генералу. Он схватил ее и поставил на автоматическую стрельбу. В ней был полный магазин. Я собрался вернуться на свое место, но генерал приказал мне сесть рядом на скамейку.

— Оставайся здесь, сынок! — закричал он, покрывая реж винтов. — Пулеметчик для этого не нужен.

Я сел рядом, недоумевая, какого черта ему надо, и посмотрел на сидящего напротив полковника Клея, который ответил мне полукивком и полуулыбкой, ничего мне не сказавшими.

На дальнем конце поля сержант Брайт снизился примерно до пятидесяти футов и завис в воздухе.

— Хорошо, сержант, — сказал генерал. — Теперь, когда я скажу «вперед», направьте вертолет прямо через поле к левой окраине деревни. Идите как можно медленнее. На полпути справа увидите в поле трех вьетконговцев. Идите так, чтобы я мог держать их на прицеле. Поняли, сержант?

Без наушников я не мог услышать ответ сержанта, но видел, что он разозлил генерала. Нахмурившись, он резко сказал:

— Я узнаю вьетконговцев с первого взгляда. Там внизу три гука в черных пижамах. Наплевать, что они сажают рис. Они меня не обманут. А теперь ложитесь на курс и идите медленно.

Со своего места я увидел, как сержант Брайт покачал головой. Потом он дал полный газ, и мы рванулись вперед через поле. В этот момент генерал Ганн поднял мою винтовку и, твердо держа ее, направил вниз, в открытое поле.

При первом заходе со своего места у пулемета я видел в поле людей. Насколько я мог судить, это были крестьяне, сажающие рис. Они не были вооружены и даже не посмотрели вверх, когда мы пролетали над ними. Это было типично для здешних крестьян. Они давно научились принимать войну как должное. Вьетконговцы попрыгали бы, как только заметили вертолет. Генерал должен был это знать. Он пробыл во Вьетнаме гораздо дольше, чем я. Но он жаждал крови. День был слишком мирным для этого любителя войны, и он не мог допустить, чтобы он прошел спокойно. Я прочел весь его замысел по самодовольной улыбке на лице полковника Клея. В тот момент мне отчаянно захотелось провалить их план. Но как? Если бы я вел вертолет, я мог бы его качнуть, чтобы генерал промахнулся, но я знал, что сержант Брайт выполнит приказание. Он лучше меня привык к жестокостям войны. Все, что я мог сделать, это, сидя рядом с генералом Ганном, смотреть, как он следит за полем через прицел моей винтовки.

— Вот так. Отлично, — весело сказал себе генерал.

Я поднялся со своего места и заглянул через его плечо. Я увидел, как ствол винтовки повернулся вправо, потом заметил впереди крестьян, склонившихся над ростками риса; их соломенные шляпы покачивались в лучах солнца. Мы приближались к ним на высоте пятьдесят футов; до них оставалось не больше шестидесяти футов. Они не прервали работы, чтобы взглянуть вверх. Высунувшись далеко вперед в открытую дверь, генерал открыл огонь. Он попал в крестьян первой длинной очередью, и все три черные фигуры упали на землю. Генерал продолжал стрелять, пока не выпустил весь магазин. Полковник Клей, не отрывавший глаз от направления стрельбы, радостно всплеснул руками:

— Вы попали в них, генерал!

Генерал Ганн полюбовался этой картиной, потом повернулся к полковнику с сияющим от радости лицом:

— Знаете, Клей, когда я убиваю гуков, я испытываю возбуждение.

Полковник рассмеялся.

— Понимаю, что вы имеете в виду, — сказал он и прикрыл руками пах.

Генерал, усмехаясь, посмотрел на меня через плечо и подмигнул. Он все еще высовывался в открытую дверь. Я посмотрел на него с безразличным видом. Потом прижался к нему боком и изо всех сил толкнул его правым плечом. Генерал Ганн вылетел в открытую дверь и исчез, не проронив ни звука.

Даже теперь я вижу выражение крайнего изумления на лице полковника Клея. От потрясения у него отпала челюсть. Это длилось секунду. Я с силой треснул его кулаком в нос, и, когда от удара его голова откинулась назад, я нагнулся, схватил его за ноги у щиколоток и выбросил вниз головой в открытую дверь вслед за генералом.

Свершилось.

Я в полной неподвижности, в шоке, сидел на скамейке и тупо смотрел на квадрат пространства, где исчезли генерал и полковник. Потом у меня затряслись руки, и я крепко их стиснул. Наконец я огляделся. Сержант Брайт и второй пилот были заняты управлением, резко поднимая вертолет, поскольку мы шли над деревней. Позади меня слева сидел Джоунси, сгорбившись над пулеметом. По-видимому, никто не видел, что случилось. Я встал. Грудь сдавило словно тисками. Я вернулся на свое место

у пулемета и надел наушники. Послышался раздраженный голос сержанта Брайта:

— Генерал Ганн! Вы меня слышите? Отвечайте.

Не получив ответа, Брайт обернулся и увидел пустой верхний отсек. Я не стал дожидаться следующего вопроса.

— Генерала нет на борту, — сказал я.

— Куда же он, к черту, девался? Где полковник?

— Они выпали за борт.

— Что ты мелешь? Как они могли выпасть за борт, черт возьми?

Мы прошли над деревней и направлялись на север, к базе. Вел вертолет второй пилот. Сержант Брайт выглянул из кабины и уставился на меня.

— Что там случилось, Гласс?

— Я всего не видел.

— Какого же черта ты видел?

Мой голос звучал взволнованно, но я рассудил, что так и должно быть.

— Я смотрел на крестьян, работающих в поле, а тут генерал открыл по ним огонь. Потом я увидел, как генерал далеко высунулся в дверь посмотреть, попал ли он. Наверное, он поскользнулся или что-нибудь в этом роде. Я услышал, как он закричал и стал падать из вертолета. Полковник успел ухватить его, но потерял равновесие и тоже выпал.

— Господи Иисусе! Святая мать божья!

В переговорном устройстве наступила гнетущая тишина. Несмотря на ветер, продувавший вертолет, я покрылся нервным потом. Наконец раздался голос второго пилота:

— Я ничего не слышал, кроме рева винтов. Что же нам теперь делать, сержант? Не вернуться ли и поискать их?

— Не знаю. Просто не верится. Дай мне подумать. Вот так история!

Через несколько секунд сержант Брайт сказал:

— Я беру управление на себя. Возвращаемся на базу. У нас не хватит горючего, чтобы вернуться, сесть и снова подняться. Да там внизу могут оказаться вьетконговцы. Отметь координаты этого рисового поля и запиши время. До дивизионной базы осталось минут десять. Мы уже почти подошли.

Несколько минут мы летели молча. Напряжение в моей груди ослабло, и прохладный ветер высушил пот с лица.

— Джоунси, ты здесь?

— Здесь, сержант.

— Ты слышал новость?

— До единого слова.

— Что ты видел?

— Ничего, сержант. С моей стороны ничего не видно.

— Ты видел крестьян в поле?

— Нет, сержант.

— Гласс!

— Да, сержант.

— Попал генерал в этих гуков на поле?

— Я думаю, да. Я видел, как они упали.

— По-твоему, они выглядели как вьетконговцы?

— По-моему, они выглядели как крестьяне, сажающие рис.

— Так я и сказал этому болвану, но он не стал слушать. Вот и смотри, во что это ему обошлось.

— Да.

— Дело дрянь. У нас будут большие неприятности, когда в штабе услышат, что мы потеряли старого Расти Ганна и полковника Клея. Уж будь уверен, возьмут нас за горло.

— Вы не виноваты, сержант,— сказал Джоунси.— Вы говорили ему, что у нас на исходе горючее. Вы не хотели делать этот заход над полем. Я слышал, как вы говорили ему, что это просто крестьяне. Я слышал вас.

— Я тоже,— солгал я.

— И я слышал,— добавил второй пилот.

— Хорошо. Только запомните все, когда нас начнут допрашивать. Особенно ты, Гласс. Тебя будут особенно допрашивать, потому что ты все видел.

— Я просто расскажу, что случилось.

— Не давай себя запугать. Держись спокойно.

— Я спокоен, сержант.

— Ты сказал, что слышал, как генерал закричал?

— Да.

— Я из-за шума винтов не слышал ничего, кроме выстрелов.

— Понятно,— сказал я.

— Почему ты не связался по переговорному устройству, когда увидел, что они выпали?

— Это произошло так быстро. А потом как раз в это время вы вызывали генерала.

— Ты меня просто ошеломил, Гласс. Я все еще не могу этому поверить.

— Я тоже.

— Старый болван! Какая нелепая смерть!

И вдруг меня словно обухом по голове ударило. До тех пор мне не приходило в голову, что генерал или полковник, может быть, лежат еще живые на этом рисовом поле. Разве они не могли остаться живыми при падении? Мы летели довольно низко. Я не мог удержаться, чтобы не высказать такую возможность.

— Может быть, он еще жив, сержант. Высота была не очень большая, а грунт на рисовых полях нетвердый.

— Исключено, Гласс. Я думал об этом. Мы пересекали поле на высоте восьмидесяти футов.

— Я думал, мы шли ниже.

— Нет. Если бы эти гуки оказались вьетконговцами с винтовками, я не собирался дать им возможность пробить нашу коробку передач. Это была игра для генерала, но не для меня. Я даже немного прибавил обороты. Ты не заметил? Я не хотел подставлять себя под удар ради этого сукина сына. Нечего сказать, хорошую свинью он нам подложил!

— Значит, вы считаете, что он разбился насмерть?

— Знаешь, с какой скоростью падает тело? С восьмидесяти футов генерал упал на поле со скоростью больше шестидесяти миль в час. Он наверняка не мог вынести такого удара. Во всяком случае, скоро узнаем. Когда в штабе получают это известие, они, должно быть, пошлют за ними целую эскадрилью. Не каждый день теряют генерала в этой проклятой войне, да еще такого головореza, как он! Ей-богу, они съедят нас живьем из-за этого подонка.

— Мы не виноваты, сержант,— сказал Джоунси.— Мы только выполняли приказания. Кто мог подумать, что такое случится? Это какой-то необыкновенный несчастный случай.

— Это меня и беспокоит. Кто поверит, что это необыкновенный несчастный случай? Черт бы побрал этого паршивого вояку!

— Не изводи себя,— сказал второй пилот.— Мы только выполняли приказания.

— Да, правильно,— сказал сержант Брайт, вновь об-

реть уверенность. — Пошли они все к чертовой матери! Расскажите все как есть и стойте на своем. Все поняли?

— За нас не беспокойтесь, сержант, — заверил его Джоунси.

— Ну и сюрприз их ждет, — сказал сержант Брайт.

— Может быть, радировать в штаб и доложить, что случилось? — спросил второй пилот. — Что ты думаешь, сержант?

— Глупее ничего не придумаешь! — взорвался Брайт. — Ничего нельзя говорить по радио. Неизвестно, кто может нас подслушать и разнести эту проклятую историю по свету. Нельзя рассказывать об этом никому, кроме офицеров его штаба, иначе нас смешают с дерьмом. Вы что, не знаете, что Раста Ганн любимчик Пентагона? Черт знает что!

— Я об этом не подумал, сержант, — сказал второй пилот.

— Ладно, хватит думать, и следи за этим проклятым бензиномером. Бак почти пустой. Нам только не хватает вынужденной посадки в джунглях — это будет полный, стопроцентный провал.

Потом мы летели в молчании, и бензина хватило до той базы, где утром мы подобрали генерала. Мы пробыли в воздухе всего четыре часа, но, когда наконец вылезли из вертолета и направились к палатке командного пункта, мне казалось, что это был самый долгий вылет в моей жизни. У вертолета остался только Джоунси — следить, чтобы его не стали обслуживать. Сержант Брайт не хотел, чтобы вертолет заправляли, пока начальство не убедится, что бензобак пустой. Когда мы подошли к штабу, я опять вспотел от растущего напряжения. В данном случае я радовался сильнейшей полуденной жаре, потому что другие тоже потели.

Как предвидел сержант Брайт, начальство отругало нас, но допрос был кратким. Вначале чины штаба Ганна были потрясены нашим сообщением; потом они усомнились в объяснении сержанта Брайта и в моем рассказе; затем пригрозили официальным расследованием и наконец попытались опровергнуть наши показания. Все это свелось к нулю. Нас было четверо, и мы все подтвердили одно и то же, а у них не было доказательств, чтобы нас опровергнуть, если только не найдут генерала или полков-

ника живыми. Когда сержант Брайт высказал такую возможность, допрос сразу прекратился. До сих пор все считали, что они погибли. Вдруг розыск генерала и полковника Клея, живых или мертвых, стал вопросом перво-степенной важности, и в палатке командования развернулась лихорадочная деятельность. Быстро подготовили три вертолета, полностью вооруженных, с шестью солдатами на борту каждый. Сержанту Брайту приказали вести вертолеты к месту происшествия. С нами отправились три офицера штаба — два полковника и майор. Через полчаса после нашего прибытия на базу, включая время для заправки вертолета, после того, как сержант Брайт убедился, а офицеры штаба подтвердили, что топливный бак пуст, мы снова были в воздухе.

Полет к рисовому полю занял двенадцать долгих, мучительных минут. Мы сделали круг, спустились до двухсот футов и быстро обнаружили тела трех крестьян. В нескольких сотнях метров от них по направлению к деревне заметили еще одно тело. Сержант Брайт выбрал для посадки участок поля с низкой травой в пятидесяти метрах от него, и мы сели. Три других вертолета опустились полукругом около нас. Мы поспешили к своей находке в сопровождении вооруженных солдат. Тело полковника Клея лежало распростертое лицом вниз. Один из штабных офицеров перевернул его. Череп полковника был расколот от верхушки лба до подбородка. Взглянув на разбитое лицо, я подумал, что придется отправить его домой в запечатанном гробу.

Солдаты разошлись веером по полю в поисках генерала. Его нашли в полутора-двух метрах от тела полковника, один из солдат закричал, что генерал мертв. Мы поспешили к ним. Генерал Ганн лежал на спине. Его лицо, неповрежденное, было искажено гневом. Я заметил, что руки его сжаты в кулаки. Интересно, был ли этот последний угрожающий жест направлен против меня или против смерти, ожидавшей его в конце падения? Теперь это не имело значения. Я знал только, что ему воздадут высокие почести и похоронят как героя.

Другое дело трое одетых в черное крестьян, лежащих мертвыми на своем рисовом поле, со спинами, изрешеченными пулями генерала Ганна. Когда солдаты пинками перевернули их на спину и сняли конические соломенные шляпы, мы увидели изможденные, морщинистые лица трех старух.

После возвращения в штаб дивизии с телами генерала Ганна и полковника Клея нас опять сразу вызвало начальство. На этот раз не для допроса. Картина смерти на рисовом поле заставила начальство переключить внимание на другие вопросы. Говорил один из полковников. Он сказал:

— Если пресса узнает, что генерал Ганн «по ошибке» убил трех крестьянок, придется «расплачиваться всем командным инстанциям». Это коснется всех, от командующего до экипажа вертолета. Ясно?

Это было ясно.

— Не должно быть никаких разговоров об утренней воздушной разведке генерала Ганна. Понятно?

Это было понятно.

— Официальное сообщение о смерти генерала Ганна сделает командующий войсками в Сайгоне. Официальное сообщение — это все, что вы знаете об этом происшествии. Ясно?

И это было ясно.

Что касается записи в журнале, то мы не вылетали на задание в это утро. Через несколько часов после нашего прибытия в штаб дивизии запись вычеркнули. Ко времени нашего возвращения на свою базу наш командир получит соответствующее указание.

Тут полковник поглядел на часы.

— Мне потребуется еще час, чтобы завершить это дело, потом можете улетать. Это будет пятнадцать польноль. Пока ждете, можете перекусить. Вопросы есть?

Члены моего экипажа отрицательно покачали головой, но у меня был вопрос:

— Как быть с моей винтовкой, сэр?

Один из солдат нашел ее в нескольких футах от тела генерала, и полковник взял ее с собой. Он предусмотрительно держал винтовку за конец ствола. Мы все это заметили, но меня это не беспокоило. Я знал, что после проверки найдут отпечатки пальцев генерала на прикладе, стволе и спусковом крючке.

Полковник безразлично посмотрел на меня.

— Мы ее оставим. Вам выдадут новое оружие. Я об этом позабочусь.

— Слушаюсь, сэр.

Полковник бросил на нас грозный взгляд.

— Еще одно, господа. Если кто-нибудь из вас скажет кому-нибудь хоть одно слово о том, что произошло сегодня, он пожалеет, что остался жив. Ясно?

Это тоже было ясно.

— Хорошо, господа, инцидент исчерпан.

Так оно и было.

Ко времени нашего возвращения на базу оперативный отдел уже получил указание от штаба дивизии. Сержант Брайт вручил наш бортовой журнал лично начальнику базы; никаких вопросов не было задано. На следующее утро мне без всяких расспросов выдали новую винтовку. Через два дня после события «Старз энд страйпс» поместила на видном месте сообщение о гибели генерала во Вьетнаме. Во время обычного полета в зоны боевых действий его вертолет был сбит наземным огнем противника в отдаленном районе. Никто не остался в живых, но все тела вывезены. Фамилии членов экипажа не сообщаются, пока не будут извещены их семьи. К моему удивлению, статья сопровождалась фотографией обломков вертолета на рисовом поле. Конечно, легко было подделать сбитый вертолет, но я подумал, не придется ли командованию составить липовые телеграммы и разослать их воображаемым семьям воображаемых членов экипажа. А почему бы нет? Все возможно в этой нелепой войне, все.

Тело генерала Ганна отправили самолетом в Штаты для захоронения на Арлингтонском кладбище со всеми воинскими почестями, положенными герою республики. Был опубликован краткий некролог с описанием карьеры генерала и обычным цитированием знаменитостей, превозносящих преданность «самого блестящего американского боевого генерала во Вьетнаме». Один сенатор-ястреб назвал его «генералом, ниспосланным богом в борьбе за свободу», а президент сказал: «Он умер, как и жил, служа своей стране».

Аминь.

Я положил газету, с облегчением вдохнув горячий, влажный вьетнамский воздух, и закурил травку. Мне удалось сорваться с крючка:

Аминь.

На этом завершился мой вьетнамский год, если говорить об убийствах.

Экипаж нашего вертолета перевели в подразделение медицинской эвакуации, и я провел восемьдесят семь дней своего военного года, перевозя раненых и убитых из района боевых действий в полевой госпиталь. Это была выворачивающая нутро работа, и я все время держался на травке. Без нее я бы сошел с ума, слушая крики и стоны искалеченных, ослепших, парализованных. Я все еще слышу вопли израненных ребят, умоляющих, чтобы их пристрелили. Только мертвые молчали.

Аминь.

21 июля 1969 года, через год и день после моего прибытия во Вьетнам, я уехал домой.

Аминь.

10

По возвращении в Штаты мне дали шестидесятидневный отпуск (вознаграждение солдатам, воевавшим во Вьетнаме) перед новым назначением на базу в Аризоне в качестве инструктора по огневой подготовке. Солдаты едут в отпуск домой, но единственным домом, который я знал, был Денверский приют, а он меня не манил. У меня не было друзей ни там, ни в других местах. Я хотел было попытаться найти Блонди, но где его искать? Был еще Верзила. Наверное, он уже дома. Мне хотелось рассказать ему, как погиб во Вьетнаме генерал Ганн. Ему бы это понравилось. Но где он?

Первые дни отпуска я провел, слоняясь по армейской базе в Сан-Диего. Я не знал, куда еще девать время. Хотя я ненавидел армию, она была для меня единственным домом. Наконец я со скуки поехал в приют в Денвер. Но и там было тягостно. Единственные люди из персонала, кого мне хотелось видеть,— черная повариха, которая любила детей, и инструктор по физической подготовке, который хотел сделать из меня профессионального бейсболиста,— уволились. Меня помнил только директор. Он был добрый человек и относился ко мне как к возвратившемуся с войны герою. Он гордился моей службой на войне и на специальном собрании приютских мальчиков представил меня как славного американского патриота, который сражался за идеалы нашей страны. Меня раздражали его неумеренные похвалы, и потому, когда мальчики попросили меня рассказать какие-нибудь захватывающие истории из моей военной жизни, я сказал, что не

могу об этом говорить. Меня расстроило разочарование на их лицах, столь жадных до героического.

Приют был для меня чужим миром, и через два дня я сбежал.

Я поехал в аэропорт и просмотрел расписание отправляющихся самолетов. Надо было куда-то улететь на оставшиеся пятьдесят пять дней отпуска. Но куда? Были ночные рейсы в Чикаго и Нью-Йорк. Меня привлекали оба города. Это были большие города, где можно было затеряться — просто пребывать в забвении, пока меня снова не потребует армия. Наконец я решил лететь в Нью-Йорк. Я выбрал Нью-Йорк потому, что это был родной город моих родителей — место, где я когда-то жил. Возможно, я надеялся найти там что-нибудь из своего прошлого, которое утешило бы меня. Но я ничего не нашел. Нью-Йорк был мне совершенно чужим, и я не пользовался там обеспечением и защитой со стороны армии. Впервые в жизни я был полностью предоставлен самому себе, и это меня пугало.

Я снял комнату в гостинице Христианского союза молодых людей. Спал весь день, — какая роскошь не вставать с постели по утрам после целого года армейских побудок! — а по вечерам слонялся по городу. Я проводил ранние вечерние часы в темных залах кинотеатров, а позднее — в затемненных барах. Я встречал одиноких ночных людей: алкоголиков, сутенеров, проституток; мужчин, которым не хотелось идти домой, и женщин, которые не хотели идти домой одни. Их привлекала моя форма, а узнав, что я был во Вьетнаме, они хотели все знать о войне. Я курил травку и рассказывал им о перестрелках и об отрезанных ушах и пальцах рук и ног. Они мне не верили, но были увлечены и просили продолжать. Я очищал душу от всех жестокостей, какие видел. Они оживлялись. Выпей, парень, еще за меня. Рассказывай еще. Я тянул марихуану и рассказывал им, что воевал рядом с генералом и что он (только никому не говорите) всегда перед боем испытывал половое возбуждение. Это им нравилось и ужасно веселило их. Генерал Ганн, наверное, был герой и по бабьей части, ха-ха! Иначе противника не разобьешь. Правда, парень?

Через две недели после моего приезда в Нью-Йорк пришло заказное письмо от директора приюта с вложен-

ной в него нелепой телеграммой. Я раньше написал ему, объяснив свой внезапный отъезд желанием посетить места, где прошло мое детство. Он сразу ответил мне, выразив надежду, что мои поиски увенчаются успехом, и, что бы ни случилось, писал он, для меня всегда найдется место в приюте, когда мне потребуется. Меня тронула его доброта, и как-то ночью, выкурив травку в своем номере гостиницы, я начал писать ему письмо с признанием, излагая все подробности моего вьетнамского года. Я так и не кончил его. Я не мог поколебать его представления о герое войны, и он все равно не мог бы меня утешить. Он не был моим отцом. Мой отец умер. После долгой ночи, наполненной галлюцинациями, я проснулся и уничтожил письмо. Я подумал, что рву все связи со своим прошлым. Я один во всем мире, и надо с этим примириться. Никто меня не поймет, никто не простит. В то утро впервые с детских лет я плакал о себе, о своем одиночестве, а потом почувствовал облегчение, словно меня вырвало, словно прошлое ушло навсегда.

Отпыне...

Мои родители умерли, и я не буду о них думать; я сирота.

И не буду думать о годе службы во Вьетнаме — это дело прошлое.

И не увижу ни того мальчика, лежащего на берегу с перерезанным горлом; ни Хэммера, застрелившего мальчика в поле; ни...

Однако телеграмма разрушила мою решимость забыть прошлое. Доставленная невскрытой в письме директора, который выражал надежду, что она содержит хорошие новости, телеграмма вдруг живо воскресила в памяти испытания вьетнамского года.

Телеграмма, как вам известно, была от министра обороны. В ней сообщалось, что я награжден орденом Почета за исключительную доблесть в бою. Указывалось, будто я уничтожил пулеметное гнездо и убил четырех солдат противника, спасая жизнь американского патруля, и т. д. и т. п.

Как я писал в начале своего дневника, в ответ на это сообщение я громко расхохотался. Это была поразительная нелепость. Меня наградили орденом Почета; меня приглашают с семьей в Белый дом, где президент лично вручит награду. С семьей!

Смех застрял у меня в горле. Я закурил марихуану, чтобы успокоиться, и долго вглядывался в телеграмму, перечитывая каждое слово:

Рядовому Дэвиду Глассу. Денверский приют для мальчиков. Денвер, штат Колорадо...

Длинная затяжка марихуаны, и я уже у ворот Белого дома со своей семьей — со всеми сиротами Денверского приюта. Гордый директор аккуратно построил их в праздничной одежде в две шеренги. Часовой Белого дома, волнуясь, читает телеграмму. Он должен проверить ее у своих начальников. Да, все в порядке. Можете входить со своей семьей, но прежде надо каждого обыскать, нет ли у него оружия. У мальчиков отбирают перочинные ножи и игрушечные ковбойские пистолеты.

Как министр обороны, я рад Вам сообщить, что Вы награждены орденом Почета за...

За убийство рядового Хэммера; за убийство лейтенанта «Летуна» и капралов Уэйда и Холи; за убийство полковника и генерала Ганна; за то, что слушал крики раненых и молчание убитых; за то, что терпел разбитые черепа, перерезанные горла, отрезанные пальцы, уши...

Вы проявили беспримерный героизм в бою и, рискуя жизнью, спасли от гибели патруль, уничтожили пулемет и четырех солдат противника. В знак признания Вашей доблести президент приглашает Вас прибыть с семьей в Белый дом в десять часов утра 28 августа для получения награды.

Уважаемый господин министр нападения! Я получил Вашу телеграмму с сообщением, что я награжден орденом Почета, и, хотя я ошеломлен таким признанием моих скромных заслуг во Вьетнаме, я также изумлен и встревожен. Изумлен, потому что Ваши компьютеры явно набрехали при выборе героя; встревожен, потому что я герой, не отвечающий Вашим нормам поведения, подобающим солдату. С другой стороны, компьютер, предназначенный для выбора героев, пожалуй, мудрее нас и правильно избрал меня для этой чести. Поэтому я принимаю почетную награду и буду присутствовать со своей большой семьей в Белом доме в назначенный день и час. Ваш соратник в борьбе за легализацию марихуаны рядовой Дэвид Гласс.

Телеграфист в конторе Западного союза, унюхав сладкий запах марихуаны, подозрительно уставился на меня, прежде чем взглянуть на рукописный бланк, который я подал, потом сердито проворчал:

— Надо отпечатать текст на машинке, а не писать от руки.

Он поглядел на меня через старомодные очки в железной оправе. Телеграфист был пожилой и настроен враждебно.

— Виноват, — сказал я, — но если вы не разбираете мой почерк, я перепису.

Он снова углубился в телеграмму и прочел вслух:

— «Министру нападения». — Он взглянул на меня. — Вы хотите сказать, «Министру обороны», не так ли?

— Нет. Вы прочли правильно. — Я усмехнулся, но ему не было смешно. — Читайте дальше, — сказал я.

Он продолжал читать телеграмму про себя, водя по строчкам пальцем и шевеля губами. Прочтя половину, он опять сердито посмотрел на меня:

— Нельзя употреблять в телеграмме непристойные слова.

— Какие еще непристойные слова?

— Ругательства.

— Разве я употребил ругательства?

— Нечего меня дурачить, парень. Я не хочу неприятностей.

— Я не причиняю никаких неприятностей. Я только хочу отправить телеграмму.

Он ткнул пальцем в телеграмму.

— Нельзя писать «набрехали». Это противозаконно.

— Это разговорное слово. В нем нет ничего ругательного.

Вдруг в его глазах мелькнул испуг, когда они скользнули с моего лица вниз по форме. Я понял, что он смутит, не вооружен ли я.

— Я не хочу неприятностей. Хочу только отправить эту телеграмму моему начальнику в Пентагон. А можно написать вместо «набрехали» «наврали»? — Я в последний раз затащил сигаретой, бросил окуроч на пол и затоптал.

Лицо старика расплылось у меня перед глазами. Наркотик сильно действовал: мальчик на берегу смотрел на меня полными ужаса глазами. Я опустил отяжелевшие веки. Издалека доносился голос телеграфиста, эхом отражавшийся от стен. Его тон был мягким.

— Ты накурился, сынок. Иди-ка лучше к себе в гостиницу и проспись. Я буду здесь завтра.

Я поглядел на него из-под полуопущенных век.

— Вы мне не верите? Вот посмотрите.

Я пошарил в нагрудном кармане гимнастерки, вытащил измятую телеграмму Пентагона, расправил ее и положил на конторку.

Пока он читал, передо мной пробежали другие страшные образы. Я недостаточно накурился. Бедный, простодушный старикан протянул мне телеграмму.

— Это большая честь, сынок. Я не знаю, что тебя тревожит, но ты не должен отправлять телеграмму в таком виде. Поди проспись, сынок. Приходи завтра утром. Я буду здесь. Мы ее напишем приличным языком. Договорились, сынок?

— Договорились.

Я взял назад телеграмму и попытался засунуть ее в карман. Он мне помог. Я видел, как он разорвал мой телеграфный бланк.

— Нельзя говорить «набрехали». Это противозаконно, да?

Он кивнул.

— Ты не хотел так сказать. Ты просто устал.

— Да. Я ужасно устал. Откуда вы знаете, что я остановился у «христиан»?

— Там останавливаются все солдаты. Они там живут все время.

— И посылают телеграммы в Пентагон? — спросил я, борясь с усталостью.

— Нет, ты первый. Большинство просто просит родных прислать денег на жизнь. Как будто они не могут вернуться домой. Эта война что-то с ними делает. Уж ты это знаешь.

— Да, я это знаю.

— Приходи завтра утром, сынок. Мы пошлем телеграмму как полагается, хорошо?

— Хорошо, папаша.

Я устало улыбнулся ему, и он с большим облегчением улыбнулся мне в ответ.

Я вышел и, спотыкаясь, побрел в свою комнату, где, не раздеваясь, рухнул на постель и уснул крепким сном.

Утром я проснулся отдохнувший и голодный. Съев обильный завтрак в соседнем кафе, я отправился в контору Западного союза. Старика там не оказалось. На его месте сидела молодая женщина и жевала резинку.

Я отпечатал телеграмму и подал ей. Она прочла телеграмму один раз, потом другой, подсчитывая слова. Вот что она прочла:

«Министру обороны.

Пентагон,

Вашингтон, федеральный округ Колумбия.

Поражен неожиданным признанием моих боевых заслуг. Буду присутствовать церемонии Белом доме один. У меня нет семьи. Мой адрес на время отпуска: Слоун, ХСМА, 34-я улица, Нью-Йорк. Спасибо.

С почтением

Рядовой Дэвид Гласс,
Армия США».

— Были во Вьетнаме, да?

— Угу.

— Трудно, а?

— Угу.

— Срочная телеграмма будет стоить шесть семьдесят пять, ночная — два пятьдесят.

— Пошлите срочную.—Я вручил ей десятидолларовую бумажку, и она дала мне сдачи.

Женщина уселась за телетайп и начала отстукивать мой ответ. С минуту я следил, потом прервал ее:

— Скажите, где тот старик, который был здесь вчера вечером?

— Он в вечерней смене. Приходит в четыре.

— Не окажете ли мне одну услугу?

— Конечно, если смогу.

— Когда он придет, покажите ему мою телеграмму. Хорошо? Он поймет.

— Обязательно.

Я оставил ее допечатывать телеграмму и вышел в теплое летнее утро. Я испытывал разочарование и облегчение.

Чем объяснить, что я принял честь, оказанную мне Белым домом? Это довольно просто. Прежде чем отправить утром телеграмму, я обдумал несколько ядовитых ответов, хотя ни один из них не был таким оскорбительным, как написанный под влиянием травки, который отказался отправить старый телеграфист.

1) В ваши сведения вкралась ошибка. Я не уничтожал пулемета противника и не убивал четырех солдат. Возможно, эта заслуга принадлежит другому рядовому

Дэвиду Глассу, числящемуся в ваших списках, и я не могу принять эту награду. (Я не верил, что в армии США во Вьетнаме есть другой рядовой Дэвид Гласс.)

2) Прошу пересмотреть представление к этой высокой награде. Не припоминаю, чтобы я участвовал в приведенном вами эпизоде. (Чепуха!)

3) Я не герой вашей войны. Я не верю в вашу войну. Я не могу... (ФБР сцапает меня через десять секунд.)

Я снова перечитал телеграмму Пентагона, и мой гнев утих. В конце концов, меня привлекала и волновала сама ее нелепость, а также возможность встречи с президентом. Ведь он тот самый человек, который несет главную ответственность за этот год моей жизни. Я рассматривал себя как жертву неизбежности и с этим чувством отправился в Белый дом.

Пентагон отлично организовал церемонию. Утром 28 августа военный самолет доставил меня в Вашингтон. На аэродроме уже ждал офицер протокольного отдела, и лимузин унес меня в Белый дом. Мы прибыли в девять сорок пять, за пятнадцать минут до начала церемонии, намеченной в Розовом саду, если позволит погода. Жаркая погода позволяла. Она не могла сравниться с удушающей жарой Вьетнама, но в своей парадной форме, застегнутой на все пуговицы, я сильно потел. У подъезда Белого дома нас приветствовала группа репортеров, фотографов и операторов телевидения. Я жмурился от вспышек фотокамер, в то время как офицер вежливо отклонил обращенные ко мне вопросы.

— Господа, — улыбаясь, сказал он, — у вас будет время для фотографирования и интервью на церемонии в Розовом саду. Имейте терпение. Снимете героя с президентом, — он взглянул на ручные часы, — ровно через двенадцать минут. Лучше займите места в Розовом саду. У нас очень напряженный график.

Они поспешно удалились, а меня быстро провели через коридоры Белого дома и вывели в Розовый сад, где стояли несколько молодых людей в форме, болтая с членами своих семей. Они тоже пришли получать орден Почета и приветствовали меня робкими улыбками. Я подумал, не выбрали ли их тоже по ошибке. Я заметил молодую женщину, стоявшую в стороне и тихо

плакавшую. Вдова героя, решил я. Может быть, вдова рядового Хэммера или капрала Долла, вызванная для получения награды своего героического мужа, которому не пришлось вернуться из Вьетнама с богатой коллекцией трофеев — ушей и пальцев рук и ног, чтобы украсить ими стены своей комнаты с телевизором.

«Это голова партизана, которого я убил в дельте Меконга».

Интересно, привозил ли кто-нибудь с собой голову?

Мы все стояли в этом прекрасном Розовом саду; лучи солнца пробивались через листву, бросая тени и лаская летние розы, в то время как устанавливали телевизионные камеры, чтобы запечатлеть прибытие президента Соединенных Штатов. Солдаты и члены их семей весело болтали, а вдова утирала слезы и утешала своих смущенных малышей. Я стоял в одиночестве, наконец покинутый хлопотливым офицером, и наблюдал за этой сценой. Появилась накрахмаленная и наутюженная фигура президента. Он приветливо улыбался, сначала представителям прессы, потом нам, героям, и членам наших семей. Когда он заметил расстроенную вдову, улыбка исчезла с его лица. Телевизионные камеры были направлены на нее. Президент с серьезным видом поклонился ей, стараясь выразить сочувствие через разделявшую их широкую лужайку.

Я подавил дикое желание рассмеяться и в этот момент понял; зачем я здесь. Я намеревался сказать ему правду, всю правду перед этими телевизионными камерами.

С появлением президента началась церемония. Стоя позади грозди микрофонов, он произнес краткую речь о героизме «наших доблестных молодых американцев — защитников свободы» вообще, а затем особо отметил «сбравшихся здесь сегодня утром молодых людей, которые решились рисковать своей жизнью в бою против превосходящих сил противника».

Сделав паузу, он поднял глаза от подготовленного текста и обвел взглядом ряд героев — четверых солдат, вдову и меня.

— Я говорю «решились рисковать своей жизнью», — продолжал он, печально глядя на нас. — Потому что эти люди откликнулись на внутренний голос долга, которого

не могли требовать от них ни правительство, ни народ. Благодарю бога за то, что они пережили свои испытания.

Его заявление прервал тяжелый вздох вдовы, которая быстро прижала платок ко рту. Камеры мгновенно повернулись от президента к ней. Лицо президента вспыхнуло, он попытался исправить свою ошибку, но только усугубил ее:

— Сегодня одна награда вручается посмертно. Храброго героя, погибшего на службе своей стране, представляет его мужественная вдова.

Эти слова вызвали у вдовы мучительный крик. Президент резко обернулся в сторону операторов и бросил на них грозный взгляд. Камеры все еще были направлены на рыдающую вдову. Я заметил, что президента покорило от этой неудачи.

Взяв себя в руки, он вновь обратился к тексту и поспешно закончил выступление:

— Сегодня благодарная страна награждает своих защитников высшей военной наградой — орденом Почета.

Президент быстро отвернулся от микрофонов и подошел к первому награждаемому. К нему подскочили два адъютанта с орденами и грамотами, подготовленными для вручения. Камеры одновременно повернулись, чтобы захватить эту процедуру. После зачитания каждой грамоты президент брал из открытого футляра орден с лентой, вешал его на шею героя, пожимал ему руку, тихо поздравлял и переходил к следующему. Когда процессия подошла к вдове, она стойчески выслушала чтение грамоты и сохранила самообладание, когда президент вручил ей орден в футляре.

Я слышал, как он сказал тихим голосом:

— Я глубоко сожалею, что расстроил вас. Это было неосмотрительно с моей стороны. Простите меня.

— Благодарю вас, сэр, — прошептала вдова.

— Прошу принять благодарность страны. Мы гордимся высочайшей жертвой, которую принес ваш муж, и разделяем вашу тяжелую утрату.

— Благодарю вас, сэр.

— Я заметил, что с вами дети. Не зайдете ли вы с ними в мой кабинет после церемонии? Я очень хочу познакомиться с ними и поговорить с вами.

— О, конечно, сэр. Благодарю вас, господин президент.

Теперь он стоял прямо передо мной, улыбающийся, спокойный, в то время как один адъютант читал смехотворную грамоту о моей доблести, а другой стоял рядом с орденом в руках.

Я был последним из сегодняшних героев. Это отвечало моей цели и давало мне возможность поговорить с президентом в конце церемонии. Я терпеливо ждал, пока он повесит орден мне на шею, одарит меня заученной улыбкой, скажет: «Поздравляю, рядовой Гласс» — и протянет мне руку. Я не пожал ее.

Я заговорил тихо, так, чтобы меня могли слышать только он и адъютант:

— Я не принадлежу к вашим героям, господин президент. Я считаю вашу войну грязной.

Улыбка сошла с лица президента. Его руки опустились, он нервно повернул голову направо, где в нескольких ярдах от нас в небрежной позе стояли трое мужчин в темных костюмах, голубых рубашках и черных галстуках — штатские в форме. Раньше я их не замечал, а теперь сразу понял, что это его охрана из секретной службы. При этом легком признаке беспокойства со стороны президента все трое напряглись и сунули руки в карманы пиджаков. Я понял, что они нащупывают пистолеты. Их рефлекторные действия поразили меня. Я почувствовал, как кровь ударила мне в голову. У меня задрожали ноги. Боже мой, я был безоружен. Они знали, что я безоружен. Какой вред я мог причинить президенту? Моим единственным оружием были слова. Заметив тревогу на моем лице, президент легко, но выразительно дернул головой в знак отрицания. Люди в голубых рубашках стояли, раздвинув ноги, натянутые, как пружины. Я почувствовал, как они напряжены. Однако никто из окружающих, казалось, этого не замечал. В нескольких футах от меня вдова махала рукой своим детям, стоящим в группе членов семей, столпившихся около телевизионных камер. Операторы деловито снимали событие. Корреспонденты с микрофонами и блокнотами ожидали момента, чтобы взять интервью. Их внимание привлекала вдова. Она была для них гвоздем сегодняшнего репортажа.

Вся эта нелепая сцена, как сквозь туман, проникала

в мое сознание, когда слышался мягкий, сочувственный голос президента:

— Ты расстроен, сынок. Я знаю, что тебе пришлось пережить, знаю ужасы войны. Я понимаю, как это мучительно для тебя. Но ты сделал то, что должен был сделать для собственного блага и для блага своей страны.

Господи, подумал я, да он не понимает, в чем суть дела! Пока его слова звучали в моей голове, я глядел мимо него на охранников, бесстрастных часовых, безразличных ко всему, что происходит вокруг, сосредоточивших все внимание на своем президенте и на мне. Их угрожающий взгляд бросил мне вызов. Я не мог позволить, чтобы они лишили меня моего звездного момента. Я слышал, как звучит мой голос, ровный, холодный, словно чужой:

— Да, господин президент, я действовал на благо своей страны. Но я никогда не мог бы сделать то, из-за чего вы вызвали меня сюда. Я прибыл потому, что хотел с вами поговорить, рассказать вам правду о вашей войне.

Президент рассердился.

— Успокойся, сынок! — резко сказал он. — Не делай глупостей. Здесь не место для дискуссий. — Его тон смягчился. — Я буду рад поговорить с тобой позже. Меня очень интересует, что тебя беспокоит, но об этом потом.

— Нет, сэр! — выпалил я. — Теперь. Только теперь! Вам известно, что генерал Ганн своими руками убил трех вьетнамских женщин, работавших на рисовом поле?

На его лице мелькнуло удивление, потом глаза его сузились, а тонкие губы вытянулись в жесткую линию.

— Генерал Ганн был блестящим командиром — самым лучшим. Он отдал жизнь за свою страну.

— Генерал Ганн был убийцей! — Я понизил голос. — Генерал Ганн даже испытывал половое возбуждение, когда убивал гуков.

Это сообщение поразило его, как неожиданный удар. Он побледнел. Я увидел в его глазах настоящий страх, когда он взглянул на адъютанта, который реагировал на это, схватившись за пистолет в кобуре.

Этот простой, бессмысленный жест адъютанта послужил детонатором, который привел меня к такой судьбе.

Президент в панике отпрянул от меня, скрестив на груди руки. В тот же момент адъютант выхватил пистолет и направил его на меня. Моя реакция была инстинктивной. Я ухватился за ствол, резким движением вырвал пистолет из его руки.

Я не могу точно воспроизвести последовательность дальнейших событий. Казалось, все произошло одновременно. Помню, как охранники ринулись ко мне с пистолетами в руках; я слышал крики и визги множества голосов, потом отчетливый треск пистолетного выстрела — столь знакомый мне звук. Острая, резкая боль от пули пронзила мой живот. Я видел президента с выпученными глазами — никогда не забуду выражение панического страха на его лице; он упал на колени на зеленой лужайке и втянул голову в плечи, чтобы защитить себя. Это была жалкая фигура, свернувшаяся в комок, как зародыш в чреве матери. Потом передо мной возник адъютант, идущий на меня, и моя правая рука ударила меня в грудь, когда я выстрелил из пистолета. Не помню, были ли еще выстрелы; я только слышал дикие крики и видел, как люди вокруг меня попадали на землю. Наверное, я выронил пистолет, потому что помню, как обеими руками зажимал живот. Потом кто-то сильно ударил меня кулаком в зубы, и я упал на колени. Чей-то голос закричал: «Бешеная сволочь!» — и множество рук схватили меня, прижали к земле и били. Я чувствовал, как мое лицо прижалось к траве, а потом, наверное, потерял сознание.

Когда я пришел в себя, в моей голове были сирены. Я был привязан к носилкам, раскачивавшимся, когда мы проезжали по улицам. Мелькали цветные огни. В животе горел огненный шар, захватывавший грудь. Боль заставила меня насторожиться. Я взглянул в потное черное лицо медика в белом халате. Сначала я подумал, что опять нахожусь во Вьетнаме в санитарном вертолете, но белый халат рассеял это впечатление. Я чувствовал, как пальцы медика засовывают марлевый тампон в мой живот, и стиснул зубы от боли.

— Что случилось? — с трудом проговорил я.

Он перевел взгляд с моего живота на лицо и заморгал от удивления.

— Ты пытался убить президента, парень.

— Но не убил?

— Нет, но ранил его адъютанта.

— Тяжело?

— Не как тебя. Только в плечо. Он амбулаторный.

Я закрыл глаза. Боль прокатывалась по телу бесконечными волнами. Пальцы медика сильнее нажали на живот. Я скривился от боли.

— Как мои дела?

— У тебя большая дыра в животе, парень. Но ты в сознании. Это хорошо. Если мне удастся остановить кровотечение и мы вовремя доберемся до госпиталя, ты можешь выжить.

Я застонал под нажимом его рук. Казалось, он пересчитывает кости на моей спине. Издалека донесся его голос: «Несчастный ублюдок». Потом сирены утихли в моей голове и я снова впал в беспамятство.

В госпитале мне спасли жизнь, чтобы я мог предстать перед судом за попытку покушения на жизнь президента Соединенных Штатов.

Ну вот, теперь вы знаете, почему я сижу в тюремной камере в ожидании суда. Разве это не абсурд? И все случилось потому, что я просто хотел сказать президенту правду.

Да, я стрелял в адъютанта, но это была вынужденная мера самообороны. Дело было так. На меня вдруг бросились охранники. Один из них ранил меня в живот, а адъютант все шел на меня. Я выстрелил ему в плечо, чтобы только остановить его. Не надо говорить вам, как метко я стреляю. Вот и все.

А знаете, что говорят те, кто был в Розовом саду? Говорят, что я угрожал жизни президента. Почему он отскочил от меня? Почему адъютант направил на меня пистолет? Почему я вырвал у него пистолет и выстрелил, когда он бросился между мной и президентом?

Но я спрашиваю вас: зачем мне понадобилось бы убивать президента в Розовом саду Белого дома перед всеми свидетелями? Это было бы безумием, не правда ли?

Маленький толстенький человечек в полуочках, сдвинутых на кончик носа, вошел в мою камеру и вскарабкался на жесткий стул против моей койки, который при-

нес надзиратель. Он не доставал ногами до пола и выглядел очень комично. Я отодвинул в сторону столик с пишущей машинкой и удобно уселся на койку, прислонившись спиной к стене. Он посмотрел на меня через очки.

— Я доктор Уайли,— представился он и уже не выглядел комичным.

— Как это пишется?

— У-А-Й-Л-И.

— Вы оправдываете свою фамилию?¹

Он не улыбнулся.

— Вы психиатр, назначенный судом, чтобы обследовать меня?

— Правильно.

— Установить, нормальный я или ненормальный?

— Я просто хочу задать вам несколько вопросов.

— Валяйте,— усмехнулся я.

— Как вас зовут?

— Дэвид Гласс — как стекло, но я не такой про-
зрачный.

Это его не рассмешило.

Он достал из кармана маленький блокнотик и золотой карандаш и что-то записал.

— Что вы записали? — спросил я.

Он ответил без колебания:

— Больной представляется смешливым и веселым.

— Спасибо. Но я не больной, доктор, я заключен-
ный.

— Сила привычки,— сказал он.— Вы заключенный. Вы знаете, почему находитесь здесь?

— В этом вопросе нет ничего коварного. Меня обвиняют в попытке убить президента, и я совершенно здо-
ров.

— Когда вы угрожали жизни президента?

— Я встретился с президентом в августе.

— Не помните, какого числа?

— Это что, испытание на память?

— Это просто вопрос, относящийся к делу.

— Двадцать восьмого августа.

— В какое время?

— Вскоре после десяти часов утра.

— Где состоялась встреча?

¹ Wily — хитрый, коварный (англ.).

Меня раздражала простота его вопросов, но я продолжал отвечать.

— В Розовом саду Белого дома,— сказал я и добавил: — Меня вызвали туда для вручения ордена Почета.

— Какое сегодня число?

— Шестнадцатое октября.

— И где вы находитесь?

Я изумленно поглядел на него.

— Что это за место?

— Блок строгой изоляции Лортонской тюрьмы в штате Мэриленд.— Я потерял терпение.— Я не обязан говорить врачу ничего, кроме имени, чина и личного номера. Дэвид Гласс, рядовой армии Соединенных Штатов. Личный номер семь-шесть-пять-четыре-три-два-один. Легко запомнить, как и все прочее, что случилось со мной в армии.— Я опять улыбнулся, он — нет.

— Вы считаете меня врагом?

— Скажем, я не считаю вас другом.

Он не настаивал.

— Вы сказали, что награждены орденом Почета.

— Да, сэр. Но я не могу показать вам орден. Он был на ленте, и его отобрали вместе с шнурками от ботинок и поясом. Мне не разрешают иметь ничего, на чем можно было бы удавиться.— Я рассмеялся.

— Что вы находите смешного?

Я показал на машинку.

— Когда я попал сюда, мне разрешили пользоваться машинкой. Им не пришло в голову, что в ней есть достаточно длинная лента, чтобы сделать петлю и повеситься, если бы у меня было такое намерение. Но я только хочу печатать. Надеюсь, вы не скажете об этом начальству, иначе у меня отберут машинку.

— Даю слово. Что вы пишете?

— Так, кое-что для адвокатов,— солгал я.— Чтобы облегчить им защиту в суде.

— А когда состоится суд?

Он опять вернулся к проверке датами. Интересно, как этот человек ориентируется во времени.

— Должен начаться двадцать третьего ноября.

— Остается только месяц.

— Пять недель,— поправил я.

В течение нашей беседы он продолжал делать записи в блокноте, но они меня больше не интересовали.

- Почему вы пытались убить президента?
- Я не пытался.
- Вы выстрелили в адъютанта, когда он прикрыл своим телом президента.
- Так пишут в газетах.
- Имеются свидетели, которые это подтвердят.
- Это их версия.
- А ваша?
- Не могу вам сказать.
- Не можете или не хотите?
- Не хочу.
- Почему?
- Потому что вы не поймете.
- Почему бы не попытаться? Может быть, я пойму.
- Вы назначены судом, чтобы определить мое психическое состояние. Суд хочет, чтобы меня признали здоровым, чтобы можно было меня судить и осудить. Я не хочу попусту тратить ваше время. Я здоров и не пытался убить президента. И я готов предстать перед судом.
- Вы служили во Вьетнаме?
- Да. Там я и заслужил орден Почета.
- Какие обязанности вы выполняли?
- Я был строевым солдатом.
- Убивали ли вы кого-нибудь?
- Да.
- Кого?
- Врагов.
- Что вы при этом испытывали?
- Отвращение.
- Всегда?
- Всегда.
- Даже в том случае, за который вас наградили орденом Почета?
- Да.
- Почему вы это сделали?
- Это была моя работа.
- А убить президента тоже была ваша работа?
- Ах, коварный доктор Уайли!
- Но ведь я не убил президента.
- Но пытались, не правда ли?
- Вы говорите как прокурор, доктор.
- Я не так поставил вопрос,— признал он.— Не мое дело судить о вашей виновности или невиновности. Это

решит суд. Меня интересует только ваше душевное состояние в то время.

— Простите меня, доктор. Солдат не отдает боеприпасы врагу.

— Значит, вы все же считаете меня врагом?

— Вас назначил суд, а я считаю суд своим врагом.

— Но я могу только изложить свое мнение как эксперт, а не сообщать факты.

— Это в конце концов одно и то же.

— Не буду спорить.

— Спасибо.

— Не хотите ли что-нибудь мне сообщить?

— Нет, но хочу вас кое о чем спросить.

— О чем же?

— Каково ваше мнение о моем психическом состоянии?

— Я не могу ответить на этот вопрос.

Я усмехнулся.

— Не можете или не хотите?

Он положил золотой карандаш и блокнот на колени и улыбнулся самой короткой за время нашей беседы улыбкой, потом покачал головой. Он соскользнул со стула и встал, собираясь уходить. Я оставался на койке и наблюдал за ним. Он задержался у двери камеры, когда ее открыл часовой.

— Может быть, когда я опять приду, вы сможете рассказать мне, почему хотели застрелить президента. Это может вам помочь, и я хотел бы знать.

Я покачал головой, но ничего не сказал...

Он ушел, и часовой запер за ним дверь камеры.

Через час после ухода доктора Уайли часовой сообщил мне, что сегодня вечером и каждый вечер после отбоя — в десять часов мою машинку будут уносить из камеры и возвращать мне утром. Когда я спросил почему, он ответил, что так приказал надзиратель. Незадолго до отбоя я тайно вынул катушки с лентами из машинки и спрятал их под матрац. Когда часовой выкатил машинку из камеры, он был доволен своей выполненной задачей, а я — своей. Мне было приятно спать с этим комочком лент под матрацем.

Доктор Уайли посетил меня еще раз перед судом. Я ничего не сказал ему о лентах. Во время второй бе-

седы мы касались в общем тех же вопросов, но при большей враждебности с моей стороны. Результаты были такими же, и я больше его не видел до тех пор, когда он давал показания перед судом. Тем временем со мной беседовал психиатр, выбранный моими адвокатами, чтобы помочь защите. Они надеялись, что он узнает больше того, что я им рассказал. И он узнал. Но это не оказало никакого влияния на ход событий.

Доктор Гудмен был совсем другим человеком, чем доктор Уайли. Он был гораздо моложе — лет тридцати пяти, не больше, и не такой отчужденный, не такой официальный. Уже через пять минут он казался искренне озабоченным моей судьбой. Сначала он спросил, как мое здоровье. Хорошо ли я себя чувствую? Хорошо ли спал? Какова тюремная пища? Угнетает ли меня заключение? Прилично ли обращается со мной охрана? Вначале его сочувственный подход насторожил меня, но вскоре я откликнулся на его сердечное отношение, и мне очень захотелось с ним поговорить. Когда он стал расспрашивать меня о моем детстве, — до сих пор никто этим не интересовался, — я охотно отвечал.

— Сколько вам было лет, когда ваши родители погибли в авиационной катастрофе?

— Одиннадцать.

— Вы были уже взрослым мальчиком. Должно быть, это было страшное потрясение?

— Да.

— Сколько лет было вашему отцу?

— Тридцать пять. Я узнал это гораздо позже, в приюте. Я думал, что он гораздо старше.

— Наверное, потому что вы сами были так молоды. Родители всегда кажутся детям гораздо старше.

Я покачал головой.

— Нет, я думаю, дело не в этом. — Я посмотрел на него. — А сколько вам лет?

— Тридцать пять.

— Отец выглядел старше вас. Я помню его лицо. У него было гораздо больше морщин, и глаза были другие. Более усталые. Понимаете меня?

Доктор Гудмен кивнул.

— Вы сказали, что он, будучи подростком, сидел в концентрационном лагере?

— Да.

— Конечно, его состарили эти кошмарные переживания.

— Да, я так думаю. Тридцать пять лет — довольно молодой возраст для психиатра, не правда ли?

Он улыбнулся.

— Довольно старый.

— Да, мне только двадцать — почти, но я чувствую себя гораздо старше.

— Вы тоже немало пережили.

— Откуда вы знаете? — спросил я с подозрением.

— Ну как же, — пожал он плечами, — вы потеряли родителей, провели семь лет в приюте, потом год во Вьетнаме. Наверное, было трудно. А теперь вы здесь.

— Да, теперь я здесь.

— Не хотите ли рассказать мне об этом?

Не начинает ли и он со стандартного набора вопросов?

— Что вы хотите знать?

— Все, что вы захотите мне рассказать.

И стандартный набор ответов?

— Расскажите, как вам жилось в приюте.

— В приюте было нормально. Я больше о нем не вспоминаю. Слишком много случилось со мной с тех пор. Кажется, прошла целая жизнь.

— О чем вы вспоминаете?

— О Вьетнаме.

— Как там было?

— Плохо.

— Что было плохо?

— Убийства.

— Убийства, которые вы совершили?

— Что вы об этом знаете?

Он спокойно встретил мой пристальный взгляд.

— Я знаю, что вы получили за это орден Почета.

— Что еще?

— Разве есть что-нибудь еще?

Сочувствовал он мне или был еще коварнее, чем доктор Уайли?

— Больше ничего.

— Что вы чувствовали, когда убили этих четырех вьетнамцев?

Я с любопытством разглядывал его, и это его озадачило.

— Почему вы называете их вьетнамцами? — спросил я.

— Разве они не были вьетнамцами?

— Это были вьетконговцы, гуки, косоглазые.

Он понял.

— Это вы так рассматривали их?

Я покачал головой, но ничего не ответил.

— Это были люди.

— Да.

— И вы не хотели их убивать?

Он еще не напал на след, но держал верный курс. Можно ли ему доверять? Я встретил его теплый взгляд, и мне захотелось исповедаться.

— Вы поймете?

Впервые за время беседы его взгляд упал на лежащую на полу рукопись, потом снова обратился ко мне.

— Испытайте меня, — сказал он.

— Я не убивал никаких вьетнамцев — ни гражданских, ни вьетконговцев, ни солдат северовьетнамской армии — за весь год, что пробыл там.

Он сохранял спокойствие.

— Но вы получили орден Почета за уничтожение пулемета и четырех солдат противника. Я читал религию.

— Это ошибка. Дурацкая ошибка. Если такое дело было, то его совершил кто-то другой, а я получил его орден.

Он был потрясен.

— Вы хотите сказать, что не совершили того, что вам приписывают?

— Совершенно верно.

— Но этого не было в газетах, — сказал он. На его лице было написано недоверие.

— Никто не потрудился проверить, — сказал я. — Ведь для этого не было оснований. Они поверили, что я пытался убить президента, и теперь их интересует только это убийство.

Бедный, трогательный доктор Гудмен! Он все еще пытался быть рассудительным и настойчиво продолжал задавать вопросы.

— Вы отправились в Белый дом получать орден, который не заслужили.

— Да.

— Почему?

— Судьба.— Я пожал плечами.— Я хотел рассказать президенту, что сделала со мной и с ребятами вроде меня его грязная война. Как я мог упустить такую возможность?

— И что именно вы сказали президенту?

— То, что я сделал во Вьетнаме.— Это была сущая ложь.

Доктор Гудмен серьезно смотрел на меня, и в его встревоженном лице я видел смятенное, изборожденное морщинами лицо отца, когда он рассказывал мне о годах, проведенных в концентрационном лагере, об испытаниях, которых я не понимал, и я признался во всем. Я рассказал ему о своем первом патруле. Как сержант Стоун перерезал горло мальчику, а потом был убит и обезглавлен. Я рассказал о капрале Долле, который отрезал палец у снайпера и как одержимый вел нас через лощину, а потом получил пулю в голову от хладнокровного капрала Томаса. Я рассказал о лейтенанте Колдроне, который преследовал меня, и о Хэммере, который застрелил мальчика и пытался убить меня. И о том, как я убил Хэммера, а потом лейтенанта, Уэйда и Холи. Я рассказал ему о бойне в той деревне, о Верзиле, о генерале Ганне и полковнике Клее. Все это хлынуло из меня, и когда я кончил, то почувствовал облегчение, которое наступает, лишь когда просыпаешься от страшного кошмара.

Бедный доктор Гудмен! Моя лихорадочная исповедь потрясла его до глубины души. Он не мог понять ее, как я не мог понять страшную исповедь отца. Все, что ему оставалось, это продолжать логические рассуждения до абсурдного конца.

— Но почему вы пытались убить президента? — спросил он.

— Я не пытался. Я стрелял в адъютанта, чтобы защитить себя.

Доктор Гудмен еще больше расстроился.

— Ваши адвокаты знают о том, что вы мне рассказывали? — настаивал он.

— Нет, знаете только вы.

— Вы хотите сказать, что вас отдают под суд за то, чего вы не совершали, а не за то, что совершили?

На это я ничего не ответил. Мы серьезно смотрели друг на друга. Он дрожал, когда встал со стула, и качал головой в печальном недоумении. Я больше не ви-

дел в его лице трагического лица моего отца. Мне не надо было спрашивать о его решении относительно моего душевного здоровья. Бедный доктор Гудмен!

12

Мой процесс продолжался три дня.

Адвокаты, несмотря на протест, сделали официальное заявление о моей невиновности на том основании, что в момент совершения преступления я был якобы в помраченном состоянии и не мог отличить добро от зла.

Два охранника и адъютант с рукой на перевязи показали, что я целился в президента, а адъютант прыгнул, чтобы его загородить, и был ранен.

В доказательство был представлен телевизионный фильм, показывающий момент, когда я выстрелил из пистолета.

Обвинение приготовилось вызвать еще многих свидетелей для подтверждения показаний охранников и адъютанта, но защита сочла ненужным заслушивать показания других очевидцев, чтобы сберечь время суда.

Доктор Уайли засвидетельствовал, что, по его мнению, я был психически здоров и способен отличить добро от зла в момент выстрела. Под перекрестным допросом он признал, что не знает, почему я пытался убить президента.

Доктор Гудмен, единственный свидетель защиты, показал, что во время преступного действия я был невменяем и не мог отличить добро от зла. Под перекрестным допросом он заявил, что понимает, почему я хотел убить президента, но не может подкрепить свое суждение фактами. Я видел, как во время дачи показаний он нервно сжимал и разжимал руки. Бедный доктор Гудмен!

Мои адвокаты возражали против дачи мною свидетельских показаний. Я не протестовал.

Никто не вызвал для дачи показаний президента.

В своем напутствии присяжным судья сказал, что противоречивые показания психиатров основаны на мнениях, а не на фактах, и рекомендовал не принимать их во внимание при вынесении вердикта.

После часового обсуждения присяжные признали подсудимого «виновным в попытке убийства президента Соединенных Штатов».

Мои адвокаты сразу попросили о снисхождении, учитывая год боевой службы во Вьетнаме и награждение орденом Почета за доблесть «при защите народа и принципов страны».

Теперь я ожидаю приговора суда.

Сначала я беспокоился о том, каким будет приговор. А теперь меня ничто не волнует.

Какое это, в сущности, имеет значение?

Нью-Йорк.

Сентябрь 1971 — октябрь 1972

Ц42 Джованитти Л.
Кавалер ордена Почета: Роман/Пер. с англ.
П. Н. Видуэцкого. — М.: Воениздат, 1981. — 188 с.

В пер.: 1 р. 20 к.

Эта книга — исповедь американского солдата, участника агрессивной войны США во Вьетнаме.

Автор с негодованием рассказывает о зверствах американской военщины в отношении мирного населения страны. Герой книги направляет свое оружие не против вьетнамцев, а против конкретных виновников совершаемых преступлений.

Книга обличает разбойничьи нравы, царящие в американской армии, ее грязный моральный облик.

Роман привлечет внимание широкого круга читателей.

Д 70304-036
068(02)-81 166.81.4703000000.

ББК 84.7США
И(Амер.)

Лен Джованитти
КАВАЛЕР ОРДЕНА ПОЧЕТА

Редактор *Л. П. Жеребцов*
Художник *Е. И. Романов*
Художественный редактор *Е. В. Поляков*
Технический редактор *М. В. Федорова*
Корректор *Е. Г. Семеляк*

ИБ № 1407

Сдано в набор 30.06.80. Подписано в печать 15.09.80
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарн. обыкн. нов. Печать высокая.
Тираж 100 000 экз. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 10,08. Уч.-изд. л. 10,524.
Изд. № 10/6241. Зак. 537. Цена 1 р. 20 к.

Воениздат
103160, Москва, К-160
Набрано в 1-й типографии Воениздата
103006, Москва, К-6, пр. Скворцова-Степанова, д. 3
Отпечатано с матриц на книжной фабрике им. М. В. Фрунзе
РПО «Полиграфкнига» Госкомиздата УССР, Харьков,
Донец-Захаржевская, 6/8.

ВЫЙДУТ ИЗ ПЕЧАТИ В 1981 году

МАЙРЕР Э. БОЛЬШАЯ ВОЙНА: Роман. Пер. с англ.

В романе известного современного американского писателя рассказывается об отряде морской пехоты США, высадившемся в конце второй мировой войны на небольшом тихоокеанском острове и вступившем там в ожесточенную схватку с японским гарнизоном.

Герои романа — солдаты отряда и их командир, а также оставшиеся в далекой Америке родные, близкие и знакомые этих американских солдат.

Автор убедительно рисует внутренний мир персонажей романа и ту обстановку, в которой они живут и воюют.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

ЭЙДЖИ Ф., ВУЛФ Л. ГРЯЗНАЯ РАБОТА ЦРУ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ: Сборник материалов. Пер. с англ.

Книга, принадлежащая перу американских авторов, содержит обширный фактический материал, разоблачающий провокационную подрывную деятельность американских разведывательных служб.

Ф. Эйджии известен советскому читателю по книге «За кулисами ЦРУ», вышедшей в русском переводе.

Книга представит интерес для широкого круга читателей.

ЗБЫХ А. СТАВКА БОЛЬШЕ ЧЕМ ЖИЗНЬ: Повесть. Пер. с польск.

В приключенческой повести польского писателя рассказывается о подвигах польского разведчика капитана Клоса в тылу врага.

Повесть изобилует остросюжетными эпизодами, иллюстрирующими героизм и находчивость подпольщиков.

Книга вызовет интерес у широкого круга читателей.

НЕШКОВ В. НАСТУПЛЕНИЕ: Роман. Пер. с болг.

Роман, принадлежащий перу современного болгарского писателя, посвящен освободительной борьбе болгарского народа за свержение монархо-фашистского строя, участию БНА в разгроме гитлеровских полчищ в боевом содружестве с Советской Армией.

Автор раскрывает причины и характер глубинных социальных конфликтов, приведших к вооруженному столкновению двух классовых группировок: буржуазии с ее аппаратом насилия и трудящихся масс Болгарии.

Книга рассчитана на массового читателя.

НАД ТИСОЙ ТУМАН: Рассказы. Пер. с рум.

В книгу включены рассказы современных румынских писателей. В них повествуется о становлении народно-демократической власти в Румынии.

Авторы подчеркивают интернациональный характер борьбы против фашизма, раскрывают освободительную миссию Советской Армии.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

УРАГАН: Рассказы. Пер. с исп.

В книгу вошли рассказы современных кубинских писателей. Авторы повествуют о борьбе кубинского народа за упрочение народной власти в стране, об укреплении и развитии народных вооруженных сил.

В ряде рассказов разоблачается подрывная деятельность американского империализма против молодой республики.

Книга представит интерес для широкого круга читателей.

1р.20 к.

